

Ольга Павлова

Время огня
Кипрей

Ольга Павлова
Время огня. Кипрей

«Автор»

2026

Павлова О.

Время огня. Кипрей / О. Павлова — «Автор», 2026

Сбылось предсказанное: огненная комета вспорола ночное небо, мир замер в ожидании скорой беды. Последний Феникс, одержимый местью и жаждой власти, обратит меч против всего живого. Он уничтожит Эверран, а за ним и весь континент. Возможно ли изменить грядущее, если оно было предначертано много веков назад? Как остаться верными себе и друг другу, сражаясь под разными знаменами? И что делать, если расплачиваться за благо страны придется уже не жизнью, но душой своей и своей дружбой? Ответы на эти непростые вопросы герои продолжают искать во втором романе цикла «Время огня».

© Павлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ольга Павлова	5
Часть 2	6
Глава 1	7
Рик Жаворонок. Эверран, столица	7
Анхейр Гарта, граф Сэй. Эверран, столица	9
Эрид, командир шестого отряда столичной стражи. Эверран, столица	13
Рик Жаворонок. Эверран, столица	19
Сольгре Сигвальд (Теан Анней). Эверран, столица	22
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Эверран, столица	27
Глава 2	32
Рик Жаворонок. Эверран, столица	32
Антара. Эверран, столица	36
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Северо-западная граница Эверрана	41
Рик Жаворонок. Эверран, столица	44
Реата Гарта, графиня Альен. Эверран, столица	48
Рик Жаворонок. Эверран, столица	52
Анхейр Гарта, граф Сэй. Эверран, столица	58
Глава 3	62
Граф Вальд Гарта, командир охраны эверрской крепости. Эверран, окрестности Орта	62
Анирада Аритен (герцогиня Иора Гаро). Закатные горы	66
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Закатные горы	70
Ренен, младший командир восьмого отряда столичной стражи. Эверран, столица	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ольга Павлова Время огня. Кипрей

Ольга Павлова Время огня

Автор благодарит людей, которые были рядом и оказывали помощь:

Софью Ляховецкую – за чудесную обложку и другие иллюстрации;

Татьяну Гудкову – за то, что героически взяла на себя роль бета-ридера;

Наталию Сафонову и Анну Боброву – за невероятную поддержку и вдохновение.

Инну Павлову, Дмитрия Шадова, Наталью Ляшенко и Дмитрия Павлова – за понимание и поддержку, без которой эта книга никогда не была бы издана.

Ребята, вы лучшие, что бы я без вас делала!

© Павлова О., 2024

© «Издание книг ком», обложка, 2024

Часть 2

Кипрей

*В этом мире что-то поломалось.
Загло и перетерлось в крошево...
Жизнь за Эверран? Какая малость!
Вот бы нам отделаться так дешево...*

Глава 1

Рик Жаворонок. Эверран, столица

Серые стены ущелья давно расплылись, смешавшись с дождевой пеленой, Рик стоял в каком-нибудь полуагме от одной из них, но ни беса уже не видел. Может, это из-за тумана? Хорошо бы, чтоб все же из-за него!.. Но скорей, всему виной лихорадка. Треклятый мор рыскал по восточной Адели еще с середины месяца урожая, из десятка заболевших выкарабкаться удавалось хорошо если двоим. Страшная штука! Сдыхали даже выродки эти высокородные, у которых и лекари, и прислуга... Какие уж тут шансы у бродяги?

Держась за стену, кое-как добрался до того места, где каменный выступ нависал над землей на манер козырька: очень хотелось укрыться от крупных дождевых капель, бьющих по физиономии. Костер бы сложить, соорудить хоть какое-нибудь подобие лежанки... Пусть Жаворонок и бросало в жар, он хорошо понимал, что кругом холодно и промозгло, уснешь сейчас – и привет. Только сил уже не было, веки смыкались сами собой. Раскисшая земля показалась желаннее любой перины.

И такой прекрасной, такой заманчивой казалась темнота. В ней не было места ни боли, грозящей к демонам расколоть виски, ни отупляющей слабости... В ней вообще ничего не было. Темнота звала, и Рик тянулся к ней, забыв обо всем на свете. Там он и остался бы – в темноте, если б не невесть с чего разбушевавшийся ветер. Он то хлестал наотмашь, то осторожно, по-дружески касался лица, сдвигал со лба слипшиеся пряди волос. Шелестел мокрыми ветвями, шептал что-то ободряющее, звал по имени... А когда сил у Жаворонок совсем не оставалось, и он снова соскальзывал в темноту – безбожно сквернословил и, кажется, даже угрожал. И приходилось жить. Кто же осмелится спорить со стихией?.. Темнота неохотно отодвигалась – дальше, дальше...

А потом из нее проступили очертания знакомой комнаты.

Ах небо, ну зачем ты так?! Уж лучше б и правда проснуться среди серых камней адельских предгорий, проснуться и понять, что не было всех этих четырех лет, что кругом все еще четыреста десятый год и моровое поветрие. Уж лучше оно, чем уставленные ввысь глаза мертвого Волка, залитые кровью мостовые и чудовище в закатных небесах.

– Фениксовы перья, я уже думал, не очнешься, – стало быть, на сей раз не ветер... Впрочем, с этим спорить не легче.

Жаворонок понятия не имел, отчего не подействовал яд, но нужно было срочно, немедленно исправить эту ошибку. Он рванулся к ножу, висевшему на поясе принца, и тут же обмяк. Даже не оттого, что движение прокатилось по телу волной боли – к бесам боль!.. Понял, что во второй раз он этого не сделает – попросту не сможет. Непонятно, как один-то раз смог.

– Тихо ты, не дергайся!

В лицо ткнулся краешек глиняной чашки, Рик сделал пару жадных глотков, и его тут же вырвало. Нейд сочувственно вздохнул и полез менять одеяло.

– И давно я?.. – узнать в этом скрежете собственный голос не получилось. Странно, что принц вообще сумел его понять.

– Пес его знает, наверно, часов десять. Тебя пытались отравить. То есть, не тебя, скорее всего – меня... Но вышла такая вот дрянь.

Рик промычал что-то понимающее. По крайней мере, объясняться не придется, спасибо хоть на этом! Туман перед глазами потихоньку рассеивался, и преступник уже мог разглядеть лицо Лиара Нейда – бледное, нездоровое, такое впечатление, что состарился он за эти часы лет

на двадцать. Но вместе с тем никогда Рик Жаворонок не видел принца настолько счастливым – безоглядно, безоговорочно. И так тепло стало в груди от этой чужой радости...

Зажмурился и попытался отвернуться: не было сил смотреть. И права такого не было. Нейд истолковал этот жест по-своему:

– Поверь, ты выглядишь не лучше. Тебя можно было бы притащить на кладбище, и никто бы не заметил, что ты там лишний.

– Ну спасибо, приятель! – Язык едва ворочался, слова царапали горло, но натура брала свое: не любил он молчать, что поделаешь? – А я-то как раз собирался по бабам! Но раз уж выгляжу не очень, то и ладно, подождут.

– Кстати, об этом!.. – оживился Альвир. – Раздери меня фениксы, если Лина к тебе ровно дышит! Ты бы видел, как она за тебя испугалась. Так что ты очень правильно поступил, что выжил, нельзя такую девушку расстраивать!

Небо, какая же это все ерунда, что вообще может быть важно, в сравнении с нависшей над континентом бедой?! Только Рик все равно понял, что улыбается. Небесные горы, что бы там ни было, а жизнь – это все-таки бесовски славная штука!

Принц снова сунул ему кружку. Рик принял, и его опять едва не стошнило – от одного лишь запаха. За всю жизнь он не встречал ничего противней настойки чистотела.

– Без обид, но если я это выпью, то сдохну уже наверняка, – Рик попробовал отстраниться, но тело почти не слушалось. То ли онемело от долгой неподвижности, то ли яд все еще действовал.

– Небесные горы, ну чего ты, как маленький? – возмутился Нейд, отчаянно пытаясь скрыть строгую мину. Только уголки губ предательски расползались. – Ладно же!..

Он налил себе той же дряни, посмотрел на просвет – так, словно в руках у него была не глиняная кружка, а прозрачный бокал на тонкомстебельке – понюхал, отпил. Подержал во рту с таким видом, будто наслаждается изысканным вкусом, и только потом проглотил.

– Прекрасный букет, – светским тоном подытожил Альвир и засмеялся, поймав полный невольного уважения взгляд Жаворонка. – Годы тренировок! Мне ведь даже ирейское сухое на приемах приходится пить. Нет, правда, да в сравнении с той кислятиной, чистотел еще ничего, поверь! У них же не вино, а уксус какой-то!

Ну что ж, Рик всегда подозревал, что немного потерял от того, что рос не на придворной помойке, а на обыкновенной.

С тоской взглянул на чашку, но отказываться стало совсем уж неловко: раз даже изнеженный аристократ смог... Ах небо, ну какая же дрянь! Затаил дыхание, пережидая тошноту.

– Вот так бы сразу, а то еще уговаривать его! Помирать он надумал... Ты, между прочим, мою кровать занял, так что выздоравливай по-быстрому и выметайся!

– Да, непременно. Мне очень неловко. – Губы сами расплылись в привычной ухмылке, видит небо, он не хотел.

А принц посмотрел на него и снова засмеялся – легко, радостно и, хоть ты вешайся, заразительно. И несмотря ни на что, ледяной страх, сдавивший горло, отступил, съезжился на задворках сознания. Он еще вернется – как иначе? – но это будет потом. А сейчас они смеялись неизвестно над чем – сын черно-серебряного выроodka и он, проклятие континента. Их только-только начинал отпускать кошмар минувшей ночи – один на двоих. Опять один на двоих...

Анхейр Гарта, граф Сэй. Эверран, столица

После хрупкой, даже какой-то болезненной красоты Ирея эверранский замок показался по-деревенски простым и откровенно бедным. Взгляд против воли цеплялся за потемневшие сколы и трещины в каменной кладке. Анхейр миновал южные ворота и наконец-то спешился. Все боги небес, кто бы знал, как ему опротивело днями напролет трястись в седле! Решено, в следующий раз он пренебрежет скоростью и выберет карету – в конце концов, граф он или нет?

– Поздравляю, господа, мы дома! До завтра можете отдыхать! – Он швырнул кошель командиру эскорта – пусть сам распределит – и зашагал по влажной от вчерашнего ливня брусчатке. Поднялся на знакомую галерею, отстраненно отметив, что Вальд усилил охрану, вышел во внутренний двор – так быстрее. Отсюда видно было, как вгрызаются в безбрежное небо зубцы крепостной стены – надежные, мощные... А все-таки было в них что-то по-своему восхитительное – как и в массивных башнях внутреннего кольца, и в простых односкатных крышах хозяйственных построек. В Далирионе, конечно, умеют пускать пыль в глаза, но стоит ли с ними в этом тягаться?.. Нет, пожалуй, когда настанет время надеть корону, Анхейр не станет ориентироваться на соседей – к бесам их!

За оградой из соснового бруса проходили учебные бои. Юноша заметил знакомую фигуру и тревога, что репьем цеплялась к нему в последние дни, наконец унялась. Вальд вел тренировку лично – как и всегда. Ну слава небу, а то ведь всякие слухи ходили! Нелепые большей частью, да, и все же. Говорили, что граф Гарта сильно пострадал во время давешнего несчастного случая. А потом еще это покушение на Лиара Альвира два дня назад... И ведь в произошедшем было немало и его, Анхейра, вины!

Под белым шелком камизы действительно угадывались бинты, но едва ли рана была серьезной: Вальд атаковал соперника с привычной ловкостью, Анхейр невольно засмотрелся на брата. Ах, ну кто бы понял этих военных!.. Вальд Гарта был весьма суровым человеком, вечно озабоченным сотней проблем, но стоило ему взяться за оружие, как его будто подменяли – столько в нем появлялось легкости! Она сквозила в движениях, в голосе, она разглаживала и меняла черты лица. Даже характерная морщина между бровей стиралась. Как будто только на время боя его и отпускал извечный груз вины и ответственности.

Что поделаться, Вальд, Эльвинар – да многие! – пьянели от звона стали. Анхейра это забавляло, сам он клинком владел неплохо: как любого дворянина его учили этому с детства, но вот большой любви к такому занятию он не испытывал.

Нет, граф Сэй пьянел от сражений куда более опасных – тех, в которых нужны сила и ловкость иного порядка. Он всегда считал себя игроком, а настоящий игрок не садится за стол ради мелочи. В бою – даже в настоящем, не тренировочном, – что может быть поставлено на кон? Жизнь, не более. Ну может, пара захудалых крепостей. Исход войны редко решается на полях сражений: как правило, это происходит за запертыми дверьми кабинетов. А жизнь... да что жизнь, разве это ставка? Разыграть корону Эверрана и господство на континенте – вот где азарт, вот где острота!

Анхейр постарался поймать взгляд брата, но все внимание того было отдано противнику. Ладно, поздороваться можно и после, а сейчас лучше не задерживаться. Разговор с матерью не обещал стать приятным, но без него было не обойтись.

Спрыгнул с последних ступенек пролета и, жестом отослав вертевшуюся у двери прислугу, постучал. С удовольствием прошелся глазами по крепкой фигуре молоденькой служанки, открывшей дверь. Все-таки ирейской бледной немочи далеко до здешних женщин! А приятно бывает вернуться домой, как ни крути! В такой несовершенный и по мнению многих даже дикий Эверран.

Дверь закрылась и Орган Гарта поднялась ему навстречу.

– Госпожа. – Анхейр церемонно коснулся губами ее ладони, привычно пахнувшей миндальным маслом. – Спешу заверить вас, что возложенные на меня задачи выполнены!

Он не стал уточнять, идет ли речь о порученной регентом посольской миссии или о паре восхитительно грязных интриг, которые она сама поручила проверить. В конце концов, граф Сэй справился и с тем, и с другим. Договор о закупке Иреем эверранского строевого леса был заключен на бесовски выгодных условиях, да и личные переговоры с ирейским королем, проведенные в тайне от регента, прошли успешно. Ну, насколько это было возможно.

– Арилор согласен поддержать нас? – В глазах матери зажглось нетерпение. Что ж, ее можно было понять, ответа пришлось ждать более двух месяцев: говорить о подобном в письмах – даже вскользь, намеками – Анхейр не решился бы. А между тем, заполучить в свой лагерь ирейского прохвоста было весьма заманчивой перспективой.

Но простить ее нетерпение в ином вопросе граф не мог.

– Поговаривают, позавчера было совершено покушение на нашего доблестного принца? – Анхейр в упор уставился на мать, выдержал ответный взгляд. Не так-то это было просто: графиня Гарта, несмотря на безобидный вид, в гляделки играла не хуже регента. – Ведь вы обещали, матушка!..

В самом деле обещала. Нет, не оставить принца в покое – этого Анхейр и сам не собирался делать... Уговор был лишь в том, чтобы не убивать Лиара здесь, в замке: слишком большой риск, что это затронет Вальда. Все же брат отвечает за безопасность крепости, а его позиции и без того шатки после случая с дионским послом. Еще одной ошибки регент ему не простит. Граф Сэй не видел большого греха в том, чтобы избавить Эверран от принца Лиара – человека, не стремящегося к власти и недостойного ее, – но перешагнуть через собственного брата?..

– Согласен или нет? – Тон матери стал холодным и колючим, как ветер в горах. – Не забывайся!

Ах небо, ну кто бы знал, как нелегко спорить с женщинами! Впрочем, если уметь вовремя проигрывать... С треском, чтоб наверняка.

Выждал несколько мгновений и торопливо отвел глаза, ссутулился так, чтобы оказаться ниже ростом. Неловко затеребил алую ленту.

– Да, госпожа. Он выразил желание вступить в союз с нами. – Голос не подвел, прозвучав в точности так, как нужно: пристыженно и заискивающе. Видит небо, граф прилежно тренировал его, когда выпадало время. – Теперь, умоляю, объясните, что произошло в замке! Мы условились пока не предпринимать каких-либо действий, но на жизнь Лиара снова совершено покушение! Хуже того, он по-прежнему жив, а весь замок теперь кипит потревоженным муравейником! Еще этот несчастный случай, о котором толкуют всякие небылицы...

Графиня брезгливо передернула плечами.

– Я не имею к этому отношения. Неделю назад кто-то из колдунов пытался пробиться в хранилище – потерпел неудачу, но сумел уйти. Лиар и твой драгоценный брат это скрывают, но мои люди, конечно, донесли мне. – Она прижала ладони к вискам, сбив прежде безупречную прическу – так, словно у нее вдруг разболелась голова. – А два дня назад был отравлен новый слуга Лиара Альвира. Едва ли кому-то есть дело до мальчишки, скорее, яд предназначался принцу.

Мать говорила устало и раздраженно, но, кажется, была вполне откровенна. Впрочем, это Анхейр, конечно, потом проверит.

А многовато в последнее время вырисовывалось случайностей, да и неуязвимость Альвира начинала раздражать! В Айхане все было рассчитано до мгновения, но принц вовремя исчез с постоянного двора, смешав Анхейру и его людям все карты. Затем эта история в Венстре... Раздери бесы, Санд Ивери был лучшим стрелком из всех, что Анхейр когда-либо знал,

как он мог промахнуться?! А теперь еще это. Что ж, все знают, что дураки – народ везучий, но кто бы мог подумать, что настолько!

– Ах да, так по поводу Арилора... – спохватился Анхейр, на время отменяя неприятные мысли.

Он наконец позволил себе развалиться в одном из кресел – все же дорога была весьма утомительной. Закинул ногу на ногу и потянулся к блюду с засахаренными фруктами. А вот они в Далирионе куда вкусней и разнообразнее, жаль.

– Ты сказал, что он согласился на союз с нами!

Анхейр округлил глаза в притворном изумлении.

– Побойтесь неба, матушка, я не мог такого сказать! – Он вгрызся в шарик инжира, стремясь скрыть усмешку. Граф Сэй давно заметил, что выигрывать у союзников ничуть не менее приятно, чем у врагов. – Это он сказал. Но верить Арилору я бы не советовал, потому как поклясться готов, что он ведет переписку еще с кем-то из наших. Прочитать письма мне не довелось, но, учитывая время, которое требовалось на обмен посланиями, и породу птицы, отсылаемую с ответом... Знаете, я бы поставил на Мятёжные земли и герцога Гаро.

– Проклятье! – Графиня, прежде смотревшая куда-то в сторону, резко развернулась к сыну. – Демоны бы побрали этого ублюдка!

– Матушка, как можно? – с притворной укоризной выговорил юноша, не уточняя, кому было адресовано ее пожелание – ирейскому королю или эверранскому герцогу. – Разве достойны эти вульгарные выражения графини Гарта? Да и потом, не собирались же вы сами держать данное Арилору слово?

Он попал в точку и прекрасно это понимал. В обмен на поддержку Анхейра Гарты после смерти нынешнего наследника мама гарантировала ирейскому королю военный союз, а заодно Веас и Южный Сигвальд, на которые тот пытался заявить права еще при Сивере Аритене. Предложение бесовски щедрое и, разумеется, насквозь лживое, чего не мог не понимать и сам ирейский король. Согласие он выразил лишь потому, что собирался предать Ортан и Анхейра раньше, чем они сами предадут его. В подобных делах иначе не бывает, и обманываться тут ни к чему.

– Допустим, – кивнула она, остывая. Взглянула на сына пристально и выжидающе. – Что ты ответил Арилору?

– А что тут можно ответить? Заверил в вечной дружбе и ничем не выдал своей осведомленности относительно его переписки с кем-то из эверранских вельмож. В конце концов, что она меняет-то? Если Гаро или кто-то другой из высшей знати решил поучаствовать в гонке за короной, от Арилора он потребует то же, что и мы: вынудить Сэйграна стянуть войска к ирейской границе. Так какая в пекло разница, для Гаро он это сделает или для нас? Мы получим свою войну, и довольно!

Графиня задумчиво вертела в пальцах ожерелье, смотрела в сторону. Потом, повернувшись к сыну, покачала головой – не то осуждающе, не то просто грустно.

– Мне не нравится твое легкомыслие, однажды оно приведет нас обоих к провалу! Стоит быть серьезней, если намерен получить все то, что принадлежит тебе по праву. А иначе твоя корона достанется ничтожеству, которое не достойно ни власти, ни фамильного герба!

– Матушка, ну о чем вы? – Анхейр возвел глаза к потолку. – Я предельно серьезен. А Лиару не видать короны, даже если я прямо сейчас отрекусь от титула и подамся в храмовые служители! Никто и никогда не получает власть незаслуженно, а если и получает, то один бес не может ее удержать. Мир не так уж несправедлив, как вам кажется, рано или поздно все становится на свои места. Особенно если постараться.

Он снова занялся фруктами: не хотелось продолжать этот разговор. Неприятно было смотреть, как мать в очередной раз берedit собственные обиды и пытается навязать их ему.

Она, родная сестра Эверранского Волка, член королевской семьи!.. А ее единственный сын оказался последним в очереди даже за отцовским наследством, что уж говорить о короне?..

По правде говоря, с изначальным раскладом Анхейру действительно не повезло. По воле отца Гартара отошла Вальду, Альен – небольшой, но довольно прибыльный надел, расположенный восточнее Аллиры – Реате. Вообще-то со сменой власти право женщины наследовать землю и герб стало весьма спорным, но отец пожелал, чтобы все случилось именно так. Вот и остался Анхейру только пустой титул, не подкрепленный ни землей, ни вассалами. Ну так что ж теперь, сидеть и жалеть себя, злиться на отца, который давно уже мертв? Похоже, именно этого от него и ждет Ортан Гарта. Не со зла, конечно, она думает, что так для него лучше... Зря. Граф Сэй прекрасно знал, чего хочет, и на что готов ради этого пойти. Его не нужно вдохновлять пламенными речами о несправедливости, будто отряд новобранцев перед первой в их жизни атакой.

– Знаете, меня другое смутило, – протянул он, стремясь сменить тему разговора. – Если я все рассчитал верно, и на Ирей вышел именно Гаро... На кой ему это? С чего герцогу лезть в грызню у трона, если он не является Альвирам и дальней родней? Поддерживает кого-то, надеется примазаться?

Мать снова нахмурилась.

– Не думаю. Один раз Сафир уже попытался действовать в тени моего брата, и что ему это дало? Да он потерял больше, чем выгадал! Скорей уж заявит, что должен был получить власть сразу после смерти Волка, а Сэйгран подделал последнюю волю умирающего.

А что, Анхейр не удивился бы, даже будь это правдой. Сэйгран – страшный человек, а с Гаро у него, поговаривают, старые счеты. Но с какой стати герцогу было ждать двенадцать лет? Да и умирал Ирган Альвир на глазах нескольких десятков свидетелей, не так-то просто будет перетянуть их всех на свою сторону! Мутноватое вырисовывалось дельце...

– В любом случае, прежде чем что-то предпринимать, нужно разобраться.

Мать удивленно вскинула брови.

– Полагаешь, не стоит говорить Сэйграну о том, что ты выяснил?

– Конечно. Доказательств у нас нет, да я ведь и сам ни в чем не уверен. А учитывая отношение регента к вам... Я даже не знаю, кого он ненавидит больше, вас или Гаро!

Это было откровенной лестью: на самом деле Анхейр знал... Но матери приятно было ощутить свою значимость, а торопиться все равно не стоило, ни к чему так запросто разбрасываться козырями.

Он закинул в рот остатки инжира и поднялся на ноги. Им обоим было над чем подумать, да к тому же следовало увидаться с собственными соглядатаями. И не то чтоб Анхейр сомневался в намерениях матери – нет, она не навредит ему... Во всяком случае, намеренно. Но вот если Ортан Гарта сочтет, что действует в интересах сына... Плевать ей будет на его собственное мнение. Так что лучше бы ему контролировать ситуацию – на всякий случай.

Эрид, командир шестого отряда столичной стражи. Эверран, столица

Эрид поморщился, уловив в многоголосом гомоне знакомое имя. Проклятье, ну что ж они мусолят одну и ту же сплетню, как бабы за пряжей?! Стражнику уже набили оскомину самые разные предположения насчет того, что случилось в эверрском замке. Событие это обрастало самыми невероятными подробностями, как сыр плесенью, искажалось и переиначивалось до полной невероятности. А правды не знал и сам Эрид. Да что там, хранитель и тот не знал и потому приказал выяснить все, что возможно. Но бесы деря, чтобы узнать хоть что-то, нужно увидаться с Эйвериком, а это пока не представлялось возможным. В замок теперь не сунешься: там разве что военное положение не объявили. Пес знает, может, командира отряда и пропустили бы, найди он предлог, но сколько ж это привлечет нежелательного внимания!..

Мысль о том, что пару дней назад принц Аритен мог погибнуть, и тогда ничто на свете уже не имело бы значения, заставляла все внутри холодеть. И да, хранитель сказал, что Эйверик чувствует себя лучше, что опасность миновала, но бесы деря!.. Это уже случилось один раз и, если немедленно во всем не разобраться, может случиться вновь! Все кругом уверены, будто яд достался слуге принца по ошибке. Да, травить прислугу смысла действительно нет... Но что, если кто-то кроме них с хранителем узнал, кем Рик Жаворонок является на самом деле?! Похоже. Небесные горы, слишком похоже, учитывая одно немислимое, невероятное совпадение... В ту ночь, когда был отравлен последний из Аритенов, небеса расчертил алый сполох кометы. Люди говорили – той самой, из пророчества.

Построение закончилось, Эрид махнул своим, показывая, что можно расходиться. Не стал дожидаться, пока площадка опустеет, и двинулся к себе – пожалуй, стоило завалиться с ребятами в кабак за Голубиной канавой или навестить одну из своих подруг, но видеть кого-то не было ни желания, ни сил. Он понимал, что лучше бы отвлечься: один пес ничего пока не сделать для Ордена! И все же не сумел бы себя заставить.

– Чего-то ты совсем хмурый, приятель! – заметил Витей, командир одиннадцатого, не без труда догнав Эрида. Пошел рядом, силясь подстроиться под широкий шаг бывшего гвардейца.

– А чего лыбиться? – резонно откликнулся тот. – Устал, как собака. И раньше служба медом не была, а в последнее время совсем озверели все с этими обысками. Сколько же бесполезного барахла я сегодня перетряхнул!..

Тот понимающе хмыкнул.

– Н-да, после того как какой-то недоумок ограбил эту высокородную стерву из Гартары, у нас тоже все с ног сбились.

Эрид даже не сразу понял, о чем говорит сослуживец. Он-то знал от хранителя, что город стоит на ухах совсем по иной причине. Черно-серебряные ведут охоту на мага, неизвестно за каким бесом вломившегося в замок. И ведь Орден тут ни при чем!.. В любом случае, Альвир предпочел держать все в тайне и оттого выдумал историю с похищенным ожерельем Реаты Гарта.

– Да уж, попадись мне тот недоумок, сам бы голову отвернул, – пробормотал Эрид, имея в виду не столько несуществующего вора, сколько неизвестного волшебника. Этот парень здорово осложнил жизнь не только страже, но и Ордену. Особенно Ордену, бесы заешь!

– Да с вором-то ладно, поймал – пойдет на виселицу! Но эти... Высшая знать, чтоб ее, а из-за одной цапки такое устраивают! Когда ж они уже подавятся всем, что награбили?..

Витей говорил грустно и, наверное, искренне. Обычное дело, всем им зачастую больше жаль ворье, чем господ. А может, проверяет? Эрид подумал об этом и едва не сплюнул от отвращения – к себе, не к кому-нибудь. Проклятье, как он погряз во всем этом! В подозрениях, осторожных полунамеках, внимательных взглядах в спину! Он подозревал Арвина в том, что

тот шпионит для регента, теперь вот усомнился в Витее, человеке, с которым служил прежде в одном отряде, и который не раз и не два прикрывал ему спину. Он подозревал других в предательстве, а по сути, был предателем сам, втайне служа Ордену. Или же это не Эрид предатель, а те, кто по-настоящему примкнули к черно-серебряной мрази?! Проклятье, проклятье, проклятье!.. Отчего же все стало так сложно?!

– Скорей бы, – тихо, но вполне отчетливо сказал он в ответ на последнюю реплику сослуживца. К бесам подозрительность! Да и что в ней толку, если здесь каждый первый ненавидит новую знать? Всех-то не перевешаешь! А эти вскоре и впрямь подавятся, некуда им деваться. И все наконец встанет на свои места.

Они еще успели обсудить комету, поспорили о том злосчастном пожаре в храме Четырех Стихий. А потом Витей двинулся своей дорогой, его ждали ухоженный дом неподалеку от ворот верхней Эверры, жена и три дочери. То ли завидовать впору, то ли сочувствовать. Эрид прошел дальше по разбитой дороге, уводящей к окраине города. Здесь фонарей не было вовсе, даже из окон почти не сеялся свет: во-первых, поздно уже, а во-вторых, здешние обитатели не могли позволить себе столь расточительно расходовать масло. Дважды столкнулся с ребятами из пятого отряда – этим завтра сменяться – они узнавали Эрида, как только он ступал под свет факелов, здоровались и шли своей дорогой.

А потом он замер, как примороженный, потому что сквозь окно его собственного дома отчетливо виднелся огонек лампы.

По уму стоило бы окликнуть кого-нибудь из «пятых» и в одиночку не соваться, но бесы дери, это его дом! Да и если б неизвестный гость пришел за его, Эрида, головой, неужели стал бы выдавать себя светом из окон?..

Дверь была вскрыта мастерски, даже не подумаешь, что взламывали. Ладонь соскользнула с эфеса.

– Проклятье, какого демона ты?.. – начал было стражник и сник на полуслове. Он ведь сам искал этой встречи.

– Ну привет.

Эйверик Аритен попробовал ухмыльнуться, зрелище вышло отталкивающим. Совсем недавно принц едва не шагнул за грань, и это было видно. Он все еще походил на покойника больше, чем на живого человека. И прежде заметная худоба теперь откровенно пугала, светлогарие глаза ввалились и казались совершенно огромными на осунувшемся сером лице. Но хуже было другое – потухшими они были. Застывшими, высохшими. Сломался, значит.

– Поговорить бы, – тихо сказал принц, глядя куда-то в сторону. Эрид попытался поймать его взгляд и не сумел.

– Верно. Идем, нечего тут светиться, все из окон просматривается.

Толкнул дверь в соседнюю комнату и нетерпеливо оглянулся на гостя. Тот попробовал встать, и его повело – пришлось помочь. Проклятье, как же он вообще сюда добрался-то? Почему не выждал еще пару дней? Выходит, разговор был срочный...

– Ты догадываешься, кто пытался тебя убить? – Эрид был почти уверен в том, что ответ окажется утвердительным.

А Эйверик снова ухмыльнулся – невесело и жалко.

– Догадываюсь? К бесам, приятель! Я не догадываюсь, я знаю наверняка. Только ответ тебе навряд ли придется по вкусу.

Надо же, стражнику и в голову бы не пришло, что даже теперь, когда ничего не осталось от мальчишки, встреченного им под Ортом, этот человек все равно будет так мастерски выводить его из себя. Небесные горы, что же он тянет?!

– Завязывай спектакли устраивать! – рявкнул бывший гвардеец. – И вкусы мои оставь в покое! Кто?!

– Я.

Тишина эхом раскатилась по комнате, застыла на губах. Хотел переспросить, да горло перемкнуло. Только Эйверик все равно повторил.

– Отраву я сам выпил. Ну чего ты смотришь, не веришь? Бесы тебя сожри, Эрид, я проклят! Ну что ты молчишь?! Я – чудовище, погибель континента! Я смотрел в Зеркало Эскиля и видел себя! Феникса, парящего над горящей Эверрой! Тысячи трупов, обгорелые остовы башен, кровь на камнях... Все это – я, Эрид!

На изможденном лице Аритена выступил ржавый румянец, голос сорвался на хриплый, придушенный шепот. Эрид почувствовал, что ноги перестают его держать и схватился за край стола, едва тот не своротив. Вот же как... Вот оно все как! Но это же невозможно, так не может, так не должно быть! Если Эйверик – последний Феникс, то не должно!

Растерянность сменилась злостью. Будь проклят колдун, называющий себя хранителем, за то, что не предвидел подобного исхода! Будь проклят сам Эрид – он оказался ближе всех к Фениксу, но не сумел вовремя увидеть, предостеречь... И дурень этот самонадеянный, который ни в чем не разобравшись, совершил непоправимое – тоже пусть будет тысячу раз проклят!

– Себя, значит, видел? – раздельно переспросил стражник. Голос дрожал от неподъемной тяжести этих слов. – Будет тебе известно, что в Зеркале Эскиля невозможно увидеть себя.

Проклятье, Эрид ведь никогда не был знатоком всевозможных магических штук, но даже он знал это. Еще с тех пор, когда, будучи гвардейцем, нес службу в замке: Орим рассказывал. Это сам Эрид – сын пастуха из никому не известной деревни, а его друг был дворянином, образованным человеком. Он вообще многое знал. Да и не считалось все это секретом в той жизни, которая закончилась двенадцать бесовых лет назад!

Эйверик вздрогнул, глаза, и без того неестественно большие, расширились еще сильней. Стражнику доводилось видеть такое выражение лиц... У людей, которые только что на полном скаку поймали грудью заточенное железо.

– Так я... – Он замолчал, беспомощно глядя на стражника.

– Я не знаю, как это возможно, но есть еще один потомок Аритенов, ты видел его! – выдохнул Эрид. И цепенея от страшной своей догадки, продолжил: – А ты же умер, ты не дышал, когда на небе появилась комета... И тот, другой Феникс стал последним, как и предрекал Отступник! Не сделай ты этого, и тогда...

Стражник умолк, так и не посмев закончить. Запоздалое понимание разворочало старые полузабытые страхи. Надо же... Он никогда не верил словам Саймора Вайдана, не хотел верить! Но сейчас его до костей продрало ознобом.

Эйверик тоже молчал, судорожно цепляясь за услышанное, по неживому лицу медленно скатывались слезы. Страшная была картина. А потом посмертная эта маска дрогнула и осыпалась в труху. Он рассмеялся, и не было больше в том ни горечи, ни надлома.

– Вот же я дурак! – Голос принца дрожал от невозможного, невысказанного облегчения. – Ну чего ты застыл, ты же хочешь мне врезать? Не стесняйся, я заслужил! Попытался сыграть в героя и подвел всех, кого мог! Я дурак, конченный недоумок, я заслужил и по морде, и на виселицу!.. Но я не чудовище. Великие боги, я все-таки не чудовище, понимаешь?!

И что-то кольнуло в груди при виде этого страшного счастья на изможденном сером лице. Будто смотрел прежде сквозь мутное слюдяное окно, а теперь открыл створки и со всей возможной ясностью увидел перед собой шестнадцатилетнего мальчишку, которому волей судьбы обрушился на плечи небесный свод. И да, он не раз ошибался, он наворотил таких невероятных глупостей, что содрогнется континент! Но бесы дери!..

Стражник прогнал эти мысли. Конечно, прогнал. Сейчас не время для слабости – чужой и своей собственной.

– Я не чудовище, – очень тихо повторил Эйверик. Всклипнул и замолчал, прижав ладони к лицу, а Эрид стоял, дурак дураком, и не понимал, как себя вести.

Пес его знает, сколько они так молчали. Наконец Феникс откашлялся и заговорил уже совсем другим голосом – спокойным и деловым. Засквозила в нем знакомая насмешливая нотка.

– Ну ладно, раз морду мне бить ты сегодня не в настроении, то объясни, как все это могло получиться. Откуда взялся второму фениксу, если я своими глазами видел, как... как их убивали? Всех, кроме отца. Хочешь сказать?..

– Не смей, – перебил стражник. – Даже думать не смей, что Сивер Аритен мог принести гибель своей стране! Будь он жив, Эверран процветал бы, а черно-серебряная мразь и близко не подошла бы к престолу!

– Н-да? А кто вообще способен учинить все то, что я видел в Зеркале? Да я и людей-то таких не знаю! Однако это случится, и, если хочешь что-то исправить, будь объективен. В конце концов, речь о моей семье, не о твоей. Ты говорил, что не участвовал в обороне столицы, так почему уверен в смерти императора? Ты видел тело?

Тело?.. Слепая, удушающая ярость накрыла волной и тут же схлынула, оставив по себе только гулкую пустоту. Да еще, пожалуй, едкий отголосок почти суеверного страха перед этим человеком, способным вот так спокойно и отстраненно говорить о подобном.

– Нет, Рик, тела я не видел. Но Сивер не пережил той ночи, многие были тому свидетелями.

В самом деле, многие... Только вот выжили из них единицы. С невыносимой четкостью замелькали перед внутренним взором знакомые образы. Всадник в изодранной рыжей котте, страшные слова и траурная тишина, пришедшая им на смену. Гонец был одним из немногих, кто своими глазами видел смерть Сивера и сумел прорваться через окружившие город волчьи отряды. Эрид верил его словам, но дело было даже не в них. Стражник навсегда запомнил, как задолго до появления вестника вдруг побледнел и схватился за сердце бывший странствующий король, служивший теперь отрядным лекарем – Сольгре Сигвальд. Помнил лицо Альярге Ри`Эльверго, когда закончился бой в Тавском ущелье. За привычной маской казенной сдержанности принцесса прятала страшное, отчаянное горе. Ни Сольгре, ни Альярге не дрогнули, когда гонец из Эверры принес свои страшные вести: они знали. Демоны разберут, как это возможно, но они все уже знали! Эрид ведь стоял тогда часовым у входа в шатер, видел их лица... А еще видел, как бывший странствующий вывернул плащ – так, чтобы сверху оказалось белое, – и выйдя к замершему строю, объявил о падении империи и гибели Сивера Аритена. Наверно, это должна была сделать Альярге, но волшебник пожалел ее, взял на себя эту страшную обязанность. Много отдал бы Эрид – тогда еще рядовой гвардии Феникса – чтоб только не поверить ему. Да где там?.. Есть люди, которым не верить нельзя.

– Допустим, – Голос Эйверика насилу выдернул его в душный полумрак собственной комнаты. – Тогда откуда взялся второму Фениксу? Моих сестру и брата черно-серебряные упокоили при мне. Если не отец, тогда... Я не понимаю.

Эрид вздрогнул. Если ставить вопрос так... Ведь был еще один человек, способный называться Фениксом. Ее высочество Анирада, сестра императора Аритена. Эрид вспомнил нечеловеческую, совершенную красоту девушки, одетой в платье всех оттенков янтаря. Величественную, гордую. Говорили, что она погибла задолго до конца войны, ее вероломно убили в лагере Иргана, когда принцесса пришла туда под знаменем мира. Пришла по слову Сивера Аритена, чтобы поговорить.

Так считали многие. Но что, если?..

Стражник прикусил было язык: кто он такой, чтобы решать, что стоит или не стоит знать Эйверику? Тем более, что это только догадка. А потом вдруг подумалось, что имей принц больше информации, он не пошел бы на самоубийство. Хранителю стоило быть откровенней, и, кто знает, может, все сложилось бы иначе.

Можно как угодно относиться к Эйверику Аритену, но им всем пора понять одну вещь: игральной костяшкой в чужих руках он не станет. Даже в руках тех, кто желает добра и ему, и Эверрану. У парня своя голова на плечах. Дурная временами – да, но своя. И видит небо, если они продолжают темнить, добром это не кончится.

– У твоего отца была младшая сестра, магический дар она тоже унаследовала. Может быть, ты видел ее.

Эрид встретил пристальный взгляд собеседника и выложил все, что знал о принцессе Анираде Аритен. О поездке в захваченный волками замок, из которой она так и не вернулась, о том, как надел после этого траур Великий Феникс. Он так и не успел его снять: ждал конца войны. Мальчишка слушал внимательно и молча, потом сидел, прикрыв глаза, думал.

– Знаешь, а я ведь ее помню – Раду. Отца вечно не было в Эверре, так что магии нас чаще учила она. А что насчет более дальних родственников? А незаконнорожденные?

Эрид пожал плечами.

– Вообще-то многие аристократы так или иначе состояли в родстве с Аритенами – те же Сигвальды или Лайа. Но никто кроме прямых потомков правящего дома не обладал силой Фениксов. А что до бастардов, то маги всегда следили за этим: кому охота вместо законного наследника случайно передать свой дар ублюдку? А уж если случалось подобное – их признавали.

– Верно, – рассеяно откликнулся Эйверик. – Возможность такую я б со счетов не сбрасывал, но ты прав, вероятность сомнительная. – Он посидел, задумчиво барабанил пальцами по столешнице, потом, о чем-то вспомнив, шарахнул по ней кулаком. Схватился за поврежденное запястье: удар у мальчишки был поставлен отвратительно. – Нет, слушай, ну какой я все-таки дурак! Да и вы не лучше... Могли ведь догадаться! Я же был в заключенных комнатах северного крыла, и, видит небо, Альвир прав: посла угробил Феникс! Феникс, но не я! А мы эту возможность сразу отмели, не рассмотрели...

Стражник махнул рукой – мол, что теперь-то жалеть. Выставил на стол бутылку: пересохло горло. Привычно разлил по двум кружкам. Эйверику предлагать не стал, тому явно к выпивке еще долго не притрагиваться. Он и есть-то, скорее всего, пока не может.

А дорого парню обходятся его ошибки!.. Но еще дороже они обойдутся всему Эверрану.

– Знаешь, я вам не докладывал, не до того было... Разбойниками в Анвае командовал человек, с которым мы когда-то промышляли в одной шайке. Так вот, он и сказал мне, когда появится комета. Он ждал ее, он жаждал воцарения Феникса, понимаешь? Но когда я показал ему печать на своей груди, – пришел в ужас.

Эрид едва не подавился вином, стиснул зубы. В самом деле, стоило бы разбить мальчишке физиономию. Интересные же подробности он утаил от хранителя! Главарь анвайской шайки служил Фениксу, но не Эйверику, и действовал по его приказу. Выходит, будь то Анирада или кто-то другой, этот человек ведет свою игру, у него есть сторонники... Бесы разберут, что именно он затеял, но анвайская бойня и ссора с Дионом – дело его рук.

Боги, какими же они все были дураками! Слепыми, глухими и безнадежно застрявшими в рамках собственной бестолковой веры! За двенадцать лет никому в голову не пришло, что в пророчестве Отступника едва ли могло говориться о мальчишке, который и принцем-то пробыл только до четырех лет. И пока все они ожидали Эйверика, кто-то другой, кто-то взрослый, жестокий и сильный расставлял фигуры на доске в понятном ему одному порядке.

– Знаешь, ты бы подумал в следующий раз, прежде чем утаивать такие вещи. И если снова решишь покончить с собой – посоветуйся с хранителем, – буркнул Эрид, не без труда возвращая себе спокойный тон.

– Идет. Кстати, раз уж мы заговорили об откровенности... В Ордене знают, кто устроил недавний переполох в замке?

Эрид напрягся.

– Насколько мне известно, нет. Если ты о маге, пытавшемся проникнуть в хранилище, то мы сами его ищем. Подожди, хочешь сказать?..

– Ага, это тоже я устроил. Ну, чтоб добраться до Зеркала. – Рик виновато развел руками и под тяжелым взглядом стражника вжался в стену. – Эй-эй, ну я же не знал, чего ты сразу?..

Злая, беспомощная брань рвалась с языка, но мужчина смолчал: без толку теперь сотрясать воздух! А нелегко это было, руки так и тянулись к цыплячьей шее эверранского принца. Всполошил весь город, ничего никому не сказал, возомнил себя самым умным. Проклятье, если мальчишка – пороть за такое надо, а если принц... Принцы за ошибки платят иначе: жизнью. И если бы только своей. Бесы дери, за собственную голову Эрид и прежде дорого бы не дал, а стараниями Рика его шансы дожить хотя бы до осени сократились еще вдвое. Как, собственно, и шансы остальных сподвижников Ордена.

– Ну, хорошо, что во всем разобрались! – с излишней бодростью подытожил Эйверик. – Пора мне, и так Альвир голову оторвет.

Потрясающе. Его, Эрида, желания сейчас полностью совпадали с желаниями черно-серебряного узурпатора. Кто бы мог подумать!..

– А дойдешь?

– Куда денусь? Да не переживай ты, это ничего... Бывало хуже.

И Эрид почему-то сразу поверил. И в то, что, несмотря на жуткую слабость, парень доберется куда надо, и в то, что нынешнее его плачевное состояние – отнюдь не худшее, что случилось с ним в жизни. Мужчина проводил глазами хрупкий силуэт, а потом долго еще сидел, бессмысленно пялясь в кружку. Было бесовски горько за страну, в которой к неполным семнадцати люди успевают нахлебаться так, что собственная смерть уже не кажется им чем-то страшным.

Передал хранителю все то, что сумел выяснить – вышло сумбурно, сбивчиво. Что ж, как смог. О домыслах своих умолчал, ни к чему они. Хранитель не ответил, и Эрид, нацепив перевязь, вышел из дома. Постоял на крыльце и двинулся в сторону казарм, то и дело запрокидывая лицо к небу. В Эверре хватало храмов, но к чему они, если лики одиннадцати старших богов отразились когда-то на ночном небосклоне и стали созвездиями. Эрид искал глазами Хайрану¹, вглядывался в угловатые строгие линии, образованные небесными огнями. Не то с надеждой, не то с осуждением – сам не знал.

Он обогнул казармы, прошел мимо Голубиной канавы и шагнул в пропахшее пивом и жареным салом помещение. Привычно скрипнули под ногами половицы. Еще несколько часов назад видеть никого не мог, а теперь вдруг до одури страшно стало оказаться одному в пустом, давно умершем доме. Что ж у Рика за талант такой?.. Всякий раз, как стражник с ним говорил, потом не то напиться охота была, не то повеситься! А может, вовсе – бросить здесь все, плюнув и на месть, и на пресловутую справедливость, вскочить в седло и уехать в крохотную деревеньку на востоке от Эверры. Армия Иргана разорила те места подчистую, наверно, там и не осталось никого, кто помнил бы Эрида... Но сам-то он не забыл! Не забыл крыльцо с затертой резьбой на балясинах, нагретые солнцем камни дорожки, ведущей к старенькой, покосившейся калитке... Все собирался чинить, да руки так и не дошли: посевная была тяжелая. А потом гвардия, столица...

Смешливая темноволосая разносчица поставила перед ним кружку, и Эрид разом выхлебал половину. Притянул девушку к себе – та ожидаемо не стала возражать. Ночь текла своим чередом, только странное щемящее чувство в груди так и не притупилось.

¹ Хайрана – богиня справедливости, чтимая на континенте; изображается в виде обнаженной женщины с палаческим топором в руках.

Рик Жаворонок. Эверран, столица

Идти было трудно, то и дело приходилось останавливаться и ждать, привалившись к чему-нибудь. А попробуй пройдишь, когда перед глазами пляшут круги, и ребра саднит так, что не вдохнуть! Знатно Нейд их отбил, небось с месяц заживать будут!.. Впрочем, это все мелочи. Сейчас Рику любые беды в жизни казались ерундой и думать о них не хотелось совершенно. Хотелось другого... Тормозить проходящих мимо стражников и кричать им в самые уши – пусть тоже знают, пусть все знают! На всю Эверру хотелось кричать...

Он не взвоет в закатное небо и не обрушит огненный шквал на улицы города. Не уничтожит ни своей страны, ни всего континента. Он человек, просто человек.

– Я не чудовище! Слышите, я не чудовище! – Хорошо, что голоса совсем нет, с двух шагов в этом хрипе не разобрать было слов. Потому что смолчать не получалось, и Жаворонок раз за разом шептал это, глядя в ночную высь.

Небесные огни смазывались, расплывались – не то от слабости, не то от предательской влаги, набившейся в глаза, – и чудилось, что они падают, падают... Вот ведь штука: столько падающих звезд, и ни одного желания! О чем просить небесных господ, если и без того счастлив до одури? Рик не чудовище, не монстр из легенды, чего еще можно желать?!

Какой-то частью ума – циничной и равнодушной – он понимал, что восторг этот скоро схлынет. Дела-то на самом деле не просто паскудны... Слова такого не подберешь, чтоб выразить! Своей рукой Жаворонок обрек Эверран на гибель. Да, не по его воле пламя прольется на город, не он воспарит к горящим небесам, но пророчество Отступника сбудется по его вине, и как избежать этого, Рик не знал.

Он все понимал, но сейчас ненормальная эта радость рвала грудную клетку, и бороться с собой не было никаких сил. Рик Жаворонок снова делал то, что любил больше всего на свете, – жил. Раздери бесы, у него было на это право! Все-таки было.

– Ну и какого феникса? Тебе Анатэ что сказала? – Нейд встретил у замковых ворот. Факелы высвечивали затухающую тревогу в серых глазах. Он пристально взгляделся в лицо волшебника, встретил совершенно осоловелый взгляд и выругался. – Проклятье, вот что ты творишь?!

– Да ладно тебе, – отмахнулся Жаворонок. – Чего ты причитаешь, как баба? Вот удовольствие – валяться целыми днями! Тут не то что не выздоровеешь, тут наоборот, помрешь с тоски. Прогулялся к реке, воздухом подышал.

– Во дворе тебе воздуха не хватило? Вот выставлю охрану под дверью!..

Рик только фыркнул, он знал, что не выставит. Принц не имел привычки отбирать чужую свободу. Если так вдуматься, Лиар Нейд никогда по-настоящему не угрожал ему и не приказывал.

Хотя нет, все-таки было – один-единственный раз. Пес его знает, как Жаворонок мог это помнить, но он помнил!.. Помнил глухие удары и знакомый голос, в котором не осталось и тени привычной мягкости.

Не смей, ясно?! Дыши! Сожри тебя феникс, дыши, я сказал!

И вот ведь как вышло, послушаться Рик не посмел.

Сквозь терпкую смесь слабости и одуряющего счастья пробилось понимание: вот они и вернулись туда, откуда начинали. Снова Рику таскать за пазухой смерть этого доброго и сильного человека. Впрочем, с этим он уж как-нибудь справится. Все лучше, чем самому – на тот свет!

Ты извини, приятель, ничего личного... Я был лучше сдох, чем навредил бы Эверрану, но уж тебя... тебя прикончить сумею. Должен суметь. Зря ты меня спас...

Слабость брала свое и пришлось облокотиться на подставленное плечо. Бесконечно долго тянулись коридоры, возникало паскудное чувство, будто вообще никуда не идешь, а просто топчешься на одном месте. И все равно возле лестницы, ведущей к покоям господ, Рик потянул принца за рукав и увлек дальше, туда, где жили слуги: не стоило злоупотреблять чужим гостеприимством.

Пока штурмовали пролет, до их слуха долетело гулкое эхо приближающихся шагов. В это время – не то сильно позднее, не то уже наоборот, излишне раннее, – людей в коридорах почти не было, разве что обходы.

– Лиар? Можно тебя на два слова? – Рiku даже оборачиваться не пришлось: Вальда Гарту он легко узнавал по голосу.

Альвир на мгновение замялся, но, посмотрел в лицо гвардейского командира и кивнул.

– Отдышись-ка пока, я быстро, – бросил он Жаворонку и отошел вслед за графом.

Рик привалился к стене, прохладные камни впечатались в кожу. Ни беса отсюда было не слышно, а прибегнуть к магии он не рискнул, но грудь сдавила тревога. Интуиция во все горло кричала, что разговор этот каким-то образом касается его, Рика Жаворонка. И разговор этот – неприятный... Нейд стоял спиной, но волшебник прекрасно видел, как закаменели широкие его плечи. Наконец принц кивнул и, попрощавшись с Гартой, в три прыжка взлетел по ступеням.

– Случилось что-нибудь? – кто бы знал, как нелегко давалось волшебнику это простое любопытство в голосе. – Эй, ты чего нахмурился?

– А? Да нет, все нормально. Это по поводу его отряда...

Альвир врал и делал это, как всегда, неумело. Эверранский принц – парень-то, в общем, талантливый: он и мечом помахать может, и починить что-нибудь, если нужно, и какой-нибудь хитрый маневр проверить... Но вот искусство обмана не давалось ему, хоть вешайся.

Рик фыркнул, всем видом демонстрируя сомнение, но переспрашивать не стал, пошли молча. Потом Альвир резко остановился, не выдержав.

– Куда ты ходил? Зачем соврал?

Преступник скроил непонимающую мину, но внутри все сжалось. Теперь понятно... Ах бесы, знал же, что Вальд Гарта не спустит с него глаз после истории с хранилищем, знал и не учел! Мысли заметались, словно крысы в горящем амбаре – суматошно, беспорядочно. Никак не получалось ухватить хоть одну. А счет-то уже шел не на секунды даже – на крохотные их доли!

Сомнение и беспокойство Жаворонка отразилось, как в зеркале, на лице Эверранского принца. Небесные горы, а ведь он боится! Боится не меньше самого Рика, потому что уже начинает подозревать худшее. Проклятье, знать бы хоть, насколько осведомлен Гарта!.. Неужели его люди всю дорогу следили за Жаворонком? Сомнительно: преступник бы заметил. Скорей его просто видели где-то на северо-востоке нижнего города и донесли графу... Но бесы деря, где именно? Видел ли кто-то, как Рик заходил в дом к Эриду? Видел или нет?!

Так, довольно. Непозволительно он размяк в последнее время. Если прямо сейчас не взять себя в руки, другого шанса у него уже не будет. Нельзя допустить, чтобы Альвир начал в нем сомневаться. Он ведь не дурак, начнет копать и обязательно дороеется! До сих пор Жаворонка спасало только то, что у Нейда и тени сомнения на его счет не возникало.

Преступник смущенно уставился под ноги, потом насилу поднял глаза.

– А оно тебе так важно? В святилище Тиол² я был, у дальних ворот. Ну что, можешь начинать издеваться, я бы на твоём месте начал. Весь такой независимый, а как прижало – сразу в храм бросился... – Рик усмехнулся и взгляд его стал откровенно вызывающим. – А только я,

² Тиол – чтимая на континенте богиня удачи. Изображается в образе рыжеволосой девушки; атрибутом ее принято считать колесо прялки, вращая которое, Тиол сплетает в единую нить события, дороги и судьбы.

когда умирал, все равно ничего другого делать не мог – ни пошевелиться, ни закричать... Вот и молился. И слово дал, что, если выживу, принесу дар Рыжей богине. А ты, значит, следил?..

Последняя фраза прозвучала обиженно и даже разочарованно. Ах бесы, получилось настолько хорошо, что волшебник бы сам себе поверил! И Нейд поверит, если только не знает наверняка, где Рик был на самом деле. Небесные горы, лишь бы он не знал!

Вина и радость вспыхнули на широкой физиономии принца в совершенно равной пропорции. Было ему явно до беса неловко. Значит, Гарта все-таки ничего толком не знает!

А ведь он, Рик, действительно по горло в долгах перед Тиол! Может, и правда стоит наведаться в крохотное святилище на окраине нижнего города?..

Альвир что-то говорил – кажется, пытался объяснить, что ни за кем он не следил, просто кто-то случайно увидел Рика у ворот, вот он и поинтересовался. Жаворонок не слушал, его мучительно отпускал пережитый страх. По самой же кромке прошел! Он будто чувствовал холод стального лезвия, мелькнувшего у горла и разминувшегося с ним на какую-нибудь четверть альма³.

Они попрощались у двери в комнату, и Жаворонок, стараясь не разбудить соседа, ощупью добрался до кровати. Охнул, когда Волчонок привычно вспрыгнул на грудь. Хотел согнать: отбитые ребра саднили от любого прикосновения, но показалось вдруг, что живое тепло зверька, напротив, притупляет боль. Ладно, бес с ним, пускай.

Уже проваливаясь в сон, Рик вдруг подумал, что почти благодарен Гарте за случившееся: именно оно заставило встряхнуться. Напомнило о том, что находится Жаворонок среди врагов. При таком раскладе, хочешь жить – не шелкай клювом! А Рик хотел, небесные горы, как же он хотел жить!.. Теперь, после своей смерти, еще сильнее прежнего. И видит небо, он будет осторожен, он сотню раз подумает, как и кому станет врать в следующий раз. Он наведается к Орвику и будет поддерживать отношения с Эридом: верить хранителю – это, конечно, славно, но пора обзаводиться собственными союзниками. Он будет искать их. Возьмет себя в руки, натянет на физиономию привычную ухмылку и продолжит игру. Завтра. А пока пусть все на свете катится к демонам.

³ Альм, мера длины, приблизительно равная 12 мм.

Сольгре Сигвальд (Теан Анней). Эверран, столица

Сольгре нырнул в проулок, дождался, когда неприметный мужичок, державшийся от него в десятке агмов⁴, проскочит мимо, и вернулся на площадь. Слежку он заметил давно, с неделю назад, сначала просто наблюдал, теперь вот начал проверять границы. Волшебник понимал, что ведут его так, за компанию, – на самом деле королевских соглядатаев интересует Арко, но легче от этого не становилось. Пока что к мальчику только присматриваются: доказательств его вины нет, но долго ли продлится такая благодать?.. Арко нужно покинуть город, иначе это может закончиться действительно скверно. Вот только их с Сольгре видели вместе, если рядовой восьмого отряда Орвик подается в бега, это бросит тень и на его родственника. Выходит, Сольгре тоже придется уходить... А уходить нельзя. Сейчас – нельзя!

Тревога за мальчика и откровенный ужас перед тем, что ожидает их всех, грызли душу бывшего странствующего. Несколько дней назад случилось непоправимое, и он явственно и остро ощущал это, знал наверняка. Огненная комета уже коснулась неба над Эверрой и растаяла на глазах, отдав свою силу тому, кто вскоре найдет ей применение. Безумие, алчность и мощь этого существа задели душу Сольгре самым краем, но и этого хватило. Обожгло, разворочало... Небесные горы, как мучительно и страшно! Никогда волшебник не жаловался на свою участь – какая б ни была, и за ту спасибо! – но сейчас ему больше всего на свете хотелось стать кем-нибудь другим. Чтобы не было прозрачно-голубых искр в рыжих сполохах его обличия, чтобы исчез страшный дар, который достался ему от далекого предка подобно наследственной болезни.

Как правило, если женятся маги разных стихий, к их детям переходит тот дар, что был сильнее развит. Редко стихии смешиваются между собой, а если это все же происходит, то с каждым поколением одна из них проявляется все слабее и наконец вовсе исчезает. Но в огненном обличии Сигвальдов уже несколько веков сквозят чужеродные проблески водной магии. У Арко они проявились настолько отчетливо, что он начал задавать вопросы, часами разбирал семейные архивы... И ничего не нашел, конечно.

Сольгре тоже не нашел в свое время. Ответ пришел к нему уже после, когда странствия занесли волшебника в Адель, и в доме местного охотника он увидел изрядно вытертую пятнистую шкуру.

– Снежный барс, – пояснил тогда хозяин дома, крепкий пожилой мужчина с изрытым морщинами лицом. – Это что, сейчас-то они расплодилось, по всем Пограничным горам рыщут. А дед говорил, когда-то страшная редкость была, только и водились, что на западных склонах. А теперь, когда места те прокляты, там никакая живность не водится, вот они и разбрелись. Чуть не вымерли сперва, а потом вот пообвыкли, обнаглели. Этот на меня сам напал, так-то.

И не были эти слова особым откровением, но почему-то именно тогда разрозненные кусочки мозаики наконец сложились воедино. Снежные барсы расселились по всей горной цепи из Вайдана, и снежный барс выткан серебром по бледно-голубому знамени, вывешенному на воротах фамильного замка Сольгре. Его родословная велась от графа Ринара Сигвальда. Как и многие в свите Эскиля, тот получил свой титул во время войны. О нем написано немного, но есть свидетельства, что жену себе Ринар взял сразу после осады вайданской цитадели. Говорят, девушка была дочерью кого-то из вражеских командиров, и, женившись на ней, граф едва сумел избежать опалы, оттого и не упомянуто в архивах даже ее имени.

Все так. Страшно подумать, какой гнев навлек на себя основатель рода Сигвальдов, женившись на дочери Саймора Вайдана.

⁴ Агм – мера длины, приблизительно равная 120 см.

Небесные горы, какой очевидной показалась Сольгре эта история в тот момент! Даже глаза неизменно холодных оттенков и пепельно-белые волосы Сигвальдов подтверждали ее. Так выглядел Отступник, так выглядела его дочь, якобы сбросившаяся с одной из башен во время штурма. А кроме внешности потомки Ринараунаследовали от нее дар...

Легенда неумолимо складывалась из осколков. Саймору Вайдану покровительствовала Вода. «Как в воду глядел» – говорят в народе, когда сбывается чья-нибудь догадка... Потому и говорят, что именно в этой стихии порой рождаются провидцы – редко, а уж таких, как Саймор, и вовсе никогда больше не было, и все-таки... И какие бы потом детали ни открывались Сольгре – об Отступнике ли, о своих ли предках – все они подтверждали его родство с величайшим завоевателем. Вроде и не было прямых свидетельств, но если сложить все воедино...

И сейчас, спустя одним богам ведомо, сколько лет, с небывалой ясностью Сольгре Сигвальд понимал Отступника. Бывший странствующий унаследовал лишь крохотную крупицу его дара: был излишне восприимчив к волнениям магии да предчувствовал скорые беды, но даже это оказалось невыносимым. Сольгре едва пережил ту ночь на тракте, когда его захлестнула чужая мощь, а теперь всей душой своей ощущал нависшую над континентом угрозу. От этого впору было сойти с ума. Великие боги, зачем это?.. Какой же это дар, если ничего не можешь изменить, но уже знаешь наперед, как страшно все обернется?! А Саймор не просто предчувствовал, он действительно видел будущее, на сотни лет вперед видел! Все войны, восстания и эпидемии. Страшную цену, которую заплатит континент за каждое решение владык, и всю тщетность этих решений.

Может, для того он и добивался господства, чтобы что-то предотвратить? Пролить кровь сейчас, чтобы потом сберечь чьи-то жизни. Кто знает? Да и важно ли это, если Отступник принес континенту больше зла, чем кто-либо другой за всю историю?..

Сольгре тряхнул головой, отгоняя непрошенные эти мысли. Жалеть себя, жаловаться на судьбу... Недостойное это дело. Кто он такой, чтоб оспаривать решения всевышних? Люди не выбирают свой жребий, они лишь вольны решить, как им распорядиться.

Купил в аптекарской лавке скверно пахнущую мазь для притираний. Едва ли она действительно была ему нужна – бывший странствующий не слишком доверял чужому знанию лекарственных растений – но пусть все видят, зачем он вышел из дома. Покрутился на рыночной площади еще некоторое время: разглядывал товары, сверял цены, долго отсчитывал медные монетки, подслеповато щурясь... Отмечал посты и маршруты стражи, присматривался к людям, искал глазами знакомые лица. Сольгре не боялся, что кто-то из бывлых знакомцев его узнает: время мало к кому бывает благосклонно, а уж последние двенадцать лет всем им обошлись втридорога. Волшебник прекрасно знал, насколько постарел.

Да и многие ли вообще помнят Сольгре – настоящего, такого, каким он действительно был когда-то? Многим ли не застит глаза его грозная слава? Послушал вон болтовню солдат в одном трактире, речь там зашла об Асавеле... Так даже не по себе стало. Не человека описывали – демона! Такого не заподозришь в грузном улыбчивом старике.

Нет, попадись он на глаза кому-то из тех, с кем был близко знаком, тогда, конечно – узнают. Но их на этом свете осталось не так уж много.

Волшебник вновь ощутил меж лопаток пристальный взгляд. Что-то долго соглядатаи выискивали его в толпе, не слишком они расторопны для тайной службы черно-серебряного регента. А может, просто не считают слежку за безобидным стариком таким уж важным делом. Славно, если так! Сольгре двинулся к постоялому двору, чуть прихрамывая и временами останавливаясь, чтобы отдышаться. Расплылся в широкой, приветливой улыбке, проходя мимо пекаря, у которого пару раз брал пирожки, остановился перекинуться несколькими словами с Талимой, вдовой мельника, обожавшей свежие сплетни и немудреную лесть. Волшебник хорошо понимал, насколько трудно преследователям двигаться столь медленно и при этом не вызывать у прохожих подозрений. Стыдно признать, но от этого в душе поднималась волна

совершенно мальчишеского азарта. Что ж, вероятно, виной тому ностальгия: когда-то Сольгре мог часами водить чужую разведку по самым развеселым маршрутам. Причем исключительно забавы ради, скрывать-то ему тогда было нечего.

Наконец водоворот лиц – знакомых и незнакомых – стал медленнее: по мере того, как Сольгре приближался к внешней стене города, людей вокруг становилось все меньше. Арко, помнится, был недоволен тем, что поселились они на самой окраине нижней Эверры, но именно это и спасло ему жизнь в ту ночь, когда его понесло в королевский замок.

Сольгре поймал себя на том, что ему все еще сводит скулы при мысли об этом случае. Все еще скреблись в душе и досада, и запоздалый страх, и, чего греха таить – злость. Небесные горы, как же Арко подвел их всех, ввязавшись в подобную авантюру. Подверг опасности Орден и едва не погиб сам. Сольгре даже побоялся рассказывать об этом хранителю: он мало что знал о маге, возглавившем организацию, трудно сказать, как тот поступает в подобных случаях... И ведь Сольгре, старый дурак, виноват в случившемся больше прочих! Рискнул общим делом, притащив в столицу юного и несдержанного Арко, доверил ему знания, к которым тот, возможно, не был готов. И ведь как было поступить иначе после случившегося в Аннее?! Бросить мальчика одного? Немыслимо. Но подвергать угрозе Эверран...

Безвыходных ситуаций не бывает, если сам не загонишь себя в таковую, наверно именно это и сделал Сольгре Сигвальд, отдав Рене власть над баронством. Сегодняшний тупик был предопределен уже тогда, после асавельского провала. А может, и того раньше. И ведь хочешь не хочешь, а нужно со всем этим что-то делать.

Комната на втором этаже постоялого двора встретила резким запахом трав и тишиной. Арко лежал спиной к двери, но при звуке шагов повернулся, сбив одеяло. Его еще не отпустил тяжелый, изнуряющий жар, на бумажно-белом лице болезненно и остро выступали скулы. У Сольгре сердце сжималось, когда он видел мальчика таким, а учитывая, что бывшему странствующему вполне хватило бы сил и мастерства, чтобы побороть болезнь... Но видит небо, для Арко сейчас безопаснее так. По крайней мере, больше ни во что не влезет, стремясь исправить все то, что наворотил. Так что старый маг отчаянно делал вид, что не оправился от того приступа на тракте и всерьез пользоваться магией пока не способен. Тем более, что не так уж и далеко это было от правды.

Он подошел к кровати, коснулся кончиками пальцев разгоряченного лба родственника. Н-да, если с последствиями одного купания в ледяной воде молодой организм худо-бедно справился бы, то второе стало совсем уж лишним. Тут же как, если голова дурная, то ни молодость не спасет, ни здоровье...

– Как там? – тихо спросил опальный баронет.

Сольгре поморщился, услышав, как его голос пресекается хрипом. Положил руку на горло родственника и все-таки позволил себе немного снять отек: а то ведь совсем скверно. Протянул флягу с настойкой.

– Плохо там. Жар никак не спадет, того и гляди осложнения коснуться легких. Счастье, что у тебя в воде ничего не свело...

– Да нет же, как в городе?

Глаза мальчика все еще были затуманены слабостью, но взгляд уже обрел привычную внимательность, и Сольгре не стал кривить душой.

– А там – еще хуже. Повсюду стража, да еще люди из тайной службы добавились. За мной следят, только интересен им не я, а ты: хранитель сказал, черно-серебряные знают приметы мага, вторгшегося в замок. Ты им соответствуешь. Пока это только подозрения, но рано или поздно ты себя выдашь.

Они уже обсуждали это пару дней назад, но тогда волшебник старался обходить стороной подробности и говорить мягче: Арко еще балансировал на грани сознания и бреда.

– Хочешь сказать, мне нельзя возвращаться в отряд? – Он вскинулся и тут же рухнул обратно на подушку. Наверно, закружилась голова.

Хотел бы Сольгре сказать именно так. Хотел бы, но пока не мог, потому что сам не понимал, как будет лучше. Пока речь о подозрениях, но своим бегством Арко распишется в виновности. Может, у него и получится бежать, но кто знает, руки у регента длинные. Да вдобавок опала тогда коснется и Сольгре. А еще Ренена – младшего командира, который поручился за Арко, чтоб того приняли в стражу. Кто знает, кого он потянет за собой?.. А если остаться в столице и попытаться играть дальше... Одни боги знают, в какой момент мальчика потащат к регентовским дознавателям! Если бы речь шла о ком-то более сдержанном, более осторожном, Сольгре предпочел бы второй вариант, но речь шла об Арко Сигвальде. Во имя неба, что так, что эдак, а до чего скверно получалось!..

– Послушай, принц доверяет мне, я спас ему жизнь в Анвае! Да и не такой он человек, чтоб подвергнуть кого-то проверке на магию без самых веских оснований, – Арко сказал это и осекся, еще больше побледнев. Стиснул зубы. – Твою светлость, я начинаю рассуждать, как он!

– Как принц?

– Как Жаворонок! Я понимаю, как страшно это звучит, я все понимаю... Воспользоваться доверием и благородством врага – это подло, и я... я запутался, я не понимаю, что правильно, Сольгре!

Слабость лишала его сил оправдываться и лгать – в первую очередь самому себе – потаенные страхи, в которых Арко прежде ни за что бы не признался, рвались наружу. А судя по тому, что он назвал собеседника настоящим именем, ему было совсем тяжело. Одергивать Сольгре не стал, не до того было. Он судорожно пытался найти, что можно ответить родственнику, пытался и не мог. Великие боги, он сам не знал ответа! Где она – эта невысказанная тонкая грань, которую нельзя переступить, но до которой им всем придется дойти. Обязательно придется, потому что в одном прав был этот Жаворонок: чистенькими остаться не получится. Сольгре ведь пытался, небесные горы, сколько же раз он пытался!.. И какой ценой это обошлось после. Причем ладно бы только ему самому.

– Малыш, я знаю не больше твоего, – наконец выдохнул старый маг. – Знаю только, что мерзавцы победят в войне и без нас. Они уже победили – двенадцать лет назад. И если ничем не будем от них отличаться, то незачем нам воевать. Но Лиар Нейд так или иначе продолжает дело своего отца, узнай он, что ты одаренный, жить тебе останется недолго. И это не делает его плохим человеком, но делает нашим врагом.

Едва ли Сольгре сказал собеседнику что-то новое. Должен был дать совет, на чем-то настоять, но не смог – скверный из него наставник, что подделаешь? Он все еще был уверен, что главному не научишь, и главного не объяснишь... Просто иногда ты всем существом своим чувствуешь, что здесь и сейчас нужно поступить именно так, а не иначе. И вопросы о чести и правде становятся неважны. А если это ощущение кристальной ясности все не приходит и не приходит, значит что-то ты в жизни делаешь не так. Не туда свернул, проморгал нужную развилку. И приходилось признать, что Сольгре Сигвальд заблудился не меньше прочих.

– Ты прав. Но знаешь, мне жаль, что Лиар Альвир не оказался с нами на одной стороне. – Арко с явным усилием сел на кровати, откинулся на стену. Старенькие доски отчетливо скрипнули. – Он не потащит меня к дознавателям, если не будет знать наверняка. Никого бы не потащил.

– Быть бы еще уверенными, что Лиара вообще станут спрашивать, – пробормотал Сольгре.

За последние недели он вдоволь наслушался людских пересудов. Кто-то считал принца дурачком, позорящим знамя и титул... Ну что ж, к человеку столь высокого статуса, способному приблизить к себе беглого воришку, запросто, по-дружески держаться с чернью и ночевать в замковой камере, ожидаемо возникали вопросы. Другие, напротив, испытывали к нему

симпатию, говорили, что Лиар Нейд – человек, имевший несчастье родиться в волчьем логове, сочувствовали. Но все сходилось в одном: никакой реальной властью черно-серебряный мальчик не обладает.

Впрочем, сейчас развивать эту тему Сольгре не стал. Его больше беспокоил другой человек... Свой разговор с парнишкой по имени Рик Жаворонок Арко в общих чертах передал, как только очнулся, но многое оставалось неясным бывшему странствующему. И словно прочтя его мысли, Арко спросил:

– Ты выяснил, что с Жаворонком? Рик сумел попасть в хранилище, его не поймали?

– Я так всего и не понял. В любом случае, никаких обвинений в его адрес не было. А сумел или нет – не так важно. В Зеркале Эскиля он все равно бы ничего не увидел.

Сольгре с удивлением заметил, что собственный голос становится сухим и жестким, как зачерствелый хлеб: это сдавила грудь опостылевшая память.

Всплывало перед внутренним взором измученное чужой виной и собственным страхом лицо Сивера Аритена. В замутненных хмелем глазах короля все еще плясали призраки увиденной жутости.

– То, что я видел сегодня, это страшно. Этого не должно случиться, понимаешь? И если не станет меня... обещай мне!.. Обещай, Сольгре, что сделаешь то, о чем я прошу! Если кто-то из моих детей превратится в... в то, что я видел сегодня в Зеркале... ты убьешь его.

И несмолкающим эхом в сознании звучало его собственное «обещаю».

– О чем ты говоришь?! – взволнованный голос Арко вытащил из воспоминаний. – Почему не увидел бы?!

– А ты сам посуди, если бы заглянуть в Зеркало мог каждый, неужели я сам не сделал бы этого? Не разделил бы с Сивером его ношу?! Он же на моих глазах угасал, а я стоял и сделать ничего не мог... – Волшебник замолчал и долго смотрел куда-то в сторону, сиюсь подавить непрощенную дрожь. Притихший Арко растерянно теребил краешек простыни, ждал продолжения. – А знаешь, я ведь пытался как-то. Все-таки мы в дальнем родстве с Фениксами, я думал, может, получится... Ничего я там не увидел. Эскиль создал Зеркало для прямых потомков. Для всех остальных от него нет никакого толку.

– Почему же ты молчал все эти дни?! – он попытался выкрикнуть это и тут же зашелся кашлем, скривился от боли.

Почему молчал?.. Побоялся говорить балансирующему на грани забвения человеку, что весь риск, которому он подверг себя и других, вся боль и слабость, которые он испытывает теперь, – напрасны.

– К слову не пришлось, – пожал плечами бывший странствующий король Эверрана.

А про себя подумал о том, что ему вскоре придется познакомиться с Жаворонком. Мальчик, судя по всему, весьма умен и расчетлив, во всяком случае простодушным Арко он помыкал как хотел. А уж как ловко он заполучил доверие Лиара Нейда! И вдруг он оказался неосмотрителен настолько, что рискнул жизнью ради артефакта, которым даже воспользоваться не мог. Довольно глупый просчет. И скреблась в сознании безумная мысль: а действительно ли Рик Жаворонок не знал особенностей артефакта? Или все-таки знал? Но тогда выходит... А ведь многое сходится: возраст, имя, огненная магия!

Впрочем, ни о чем это не говорит, в Эверране что ни маг, тот огненный, а уж до «Рика» половина имен сокращается. Ричард, Алрик, Эрик, Рикон... Существо, которое видел Сольгре Сигвальд перед внутренним своим взором, когда кошмар настиг его на Южном тракте, не было человеком вовсе. Оно не сохранило ни рассудка, ни человечности. Рик же, судя по всему, безумным не был. Хитер и жесток, да, но точно не безумен. Впрочем, присмотреться к нему все равно стоило.

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Эверран, столица

Все плохое случается неожиданно, Лиар Нейд давно это заметил и давно с этим смирился. Даже если все вокруг кричит о скорой беде, даже если знаешь заранее, – все равно несчастье умудряется застать тебя врасплох. Так и теперь... Сэйгран Ивьен въехал в город ночью, гонца вперед не отправлял, так что пышной встречи не вышло. Обычное дело, дядя всегда появлялся внезапно, возникал, словно демон, сотканный из теней и едкого дыма. И всегда за спиной.

– Ваше высочество?

Ах ты ж фениксовы перья! Хорошо хоть Вальд предупредить успел, а то зайкой остаться можно.

– Дядя. – Принц обернулся, тщетно пытаясь скрыть досаду. Нарвался на пронизывающе-холодный взгляд и с трудом удержался от того, чтоб осенить себя знаменем, отгоняющим нечисть. – Рад, что вы разрешили проблемы Гербара.

А что, чистая правда. Не будь крепость полностью готова к обороне, регент бы ее не оставил. Так что за безопасность границ Лиар действительно был рад, а вот за собственную... С ней дела теперь обстояли паскудно.

– Я слышал, вы тоже не сидели без дела, – сухо, прохладно, спокойно. И не понять, насколько граф недоволен самоуправством племянника.

– Да, я осмелился взять на себя решение некоторых проблем, – пробормотал Альвир. Спокойно, спокойно... Не сводить плечи, не опускать глаза. В конце концов, за что ему оправдываться, разве он в чем-то виноват?! – Вы оказались далеко, а ситуация требовала немедленного вмешательства, и...

Регент поднял руку, показывая, что не намерен это обсуждать, и двинулся дальше по коридору. Дойдя до лестницы, обернулся.

– Да, я надеюсь, вас уже уведомили о том, что сегодня в полдень состоится собрание совета?

Пола черно-серебряного плаща скрылась из виду, и Альвир привалившись к стене, перевел дух. Срочное собрание, значит?... Стало быть, расправа над зарвавшимся принцем будет показательной. Ну, что поделаешь, знал же, что регент не одобрит его решений? Знал. Так что винить некого.

До полудня успел закончить с документами – надо же, а казалось, что эту гору бумаги принц до старости не разгребет. Еще забежал к Жаворонку, но мальчишка спал, окончательно вымотанный вчерашней прогулкой. Будить Альвир не решился. Поставил возле кровати миску с очень полезным, но навряд ли съедобным содержимым и бесшумно вернулся в коридор.

В малом зале, как всегда, горели свечи, вокруг стола суежилась прислуга. Рассудок цеплялся за лица, за голоса, за свечное пламя... Что-то спрашивала Эйлен, и Лиар отвечал ей. Привычно смеялся над шутками Анхейра Гарты. А потом в распахнутые двери шагнул его светлость граф Ивьен, и пришлось докладывать обо всем том, что регент и так уже знал из писем. Бой близ Холмов, неудачная попытка отравления... Ничем не связанные на первый взгляд события.

А потом все как по писанному. Едкие реплики Теана Эльвинара, прикрытые безупречной учтивостью, показное веселье во взгляде командира столичной стражи. Безразличие на лице регента. Совет шел своим чередом, говорили о Гербаре, о брешах в замковой обороне, о расследовании очередного покушения на жизнь принца. Лиар почти расслабился, почти поверил в то, что небо дало ему еще один шанс, что все еще может обойтись... Да где там!

– И еще один вопрос, который нам следует разрешить безотлагательно, – Сэйгран уставился на него из-под тяжелых век, и все иллюзии разом закончились. – Я получил тревожные вести из предгорий. Эрег собирает своих людей в Каменном городе, и хоть открытой агрессии он пока не проявил, это только вопрос времени. Мы мало внимания уделяли дипломатическим отношениям с горцами, и вот во что это вылилось. А позволить себе войну с Закатными горами в данный момент мы не можем.

И с такой ясностью Лиар понял, что будет дальше! Торопливые сборы под сочувственными взглядами придворных, пара недель в дороге, и все. Горцы плевать хотели на законы континента, политику и дипломатию они считают занятиями, недостойными мужчины. Эти признают только силу и сталь. Двенадцать лет назад Эверранский Волк заручился их поддержкой: пес знает, чего там он наобещал горцам, это не разглашалось, но выполнить, судя по всему, не успел. После тавского провала почти никого из горских вождей на равнине не видели. Только один из них прибыл на Совет континента, устроенный после окончания войны, и от имени Эрега, владыки Закатных гор, которому тогда и десяти лет не сравнялось, принял новые законы. Впрочем, все понимали, насколько сомнительным является такое согласие.

Насколько Лиар знал, повзрослевший Эрег давно взял власть и войска в свои руки. Он пока не объявлял Эверрану войны, но и о союзничестве не шло речи, его варвары исправно разоряли предгорья, но ответственности за это никто не брал. С посольством в Белую долину Эверран не совался: гостей там не жаловали.

И заявиться к ним вот так, без приглашения?.. Славная мысль, вон Сивер Аритен однажды попробовал. Потерял несколько человек из числа приближенных и едва не погиб сам. В итоге горцы, правда, пострадали куда сильнее: именно тогда были убиты предыдущий владыка и вся его семья, кроме малолетнего Эрега. Что ж, эверранский император не нападал первым, но умел дать отпор... Но то Сивер! А Лиару-то что там ловить, да еще без войска?

Отчаянные бойцы, но скверные солдаты, малознакомые со словом «дисциплина», горцы были не так уж опасны на равнинах. Принцесса Альярге разбила их под Тавой несмотря на то, что многократно проигрывала числом. Но на своей территории бойцы Эрега становились почти неуязвимы.

Стало быть, Лиара все-таки сбрасывают со счетов. Интересно, на кого теперь делаются ставки: на Эйлен или на Анхейра?

– Господин, могу я?.. Разумнее будет усилить кордоны возле основных троп – на случай, если Эрег действительно предпримет атаку! – Вальд. Он тоже понял, куда дует ветер... Но, хоть в груди и пекло от чувства благодарности к этому человеку, смысла в его потугах не было никакого. – Ни один посол не сумеет изменить решения владыки, если тот действительно настроен воевать.

Сэйгран даже головы не повернул в сторону графа.

– Нам следует выразить Эрегу свое почтение и добрые намерения, – обронил он. – Вашего предложения это, впрочем, не отменяет. Кастен, займитесь формированием дозорных отрядов.

Интересно. А почему весь этот цирк вообще называется советом? Забавное название, учитывая, что ни разу еще Сэйгран Ивьен ни с кем не посоветовался. Все решения уже приняты, а то, что происходит здесь... Так, формальность. Хотя любопытно, а вот если прямо сейчас – на колени? Прилюдно раскаяться, начать молить о пощаде, поклясться, что отныне будет повиноваться во всем?.. Помогло бы?

– Но риск для посла будет слишком велик, господин, это же дикари, варвары!.. – в голосе гартарского графазвучала тщательно скрываемая паника. – Прошу вас, вспомните, чем подобное посольство обернулось для нашего предшественника!

Упрямый же ты человек, Вальд Гарта! Только он уже все решил. И ни к чему тебе унижаться, ты ведь ненавидишь просить.

Альвир поднялся.

– Полагаю, кандидатуру для столь ответственной миссии вы уже определили? – Надо же, впервые он смотрел на регента в упор и не испытывал потребности отвести взгляд. Это, наверно, оттого что терять теперь стало нечего. – Господин граф, а чего бы вам меня просто не повесить? Оно и быстрее, и надежнее... А то вдруг опять выживу, как в Траурную зиму?

Тревожные шепотки стихли разом, и в зале стало необычайно тихо. Оглушительно ударило о стол дно кубка, так и не донесенного до рта командиром столичных стражников. Эль в ужасе прижала ладонь к губам. Адалан Этер, привычно занимавший место писаря, отдернул от бумаги руку с пером – будто обжегся. Никто и никогда не пытался так говорить с Сэйграном во всеуслышание. Да и наедине едва ли. Регент мог посылать на смерть, подставлять, разминивать – неприкрыто, демонстративно – и никто не посмел бы сказать об этом вслух. Но Лиару терять было нечего, и ему вдруг стало смешно.

– Его высочество желает предложить другую кандидатуру? А я полагал, вам нравится лично участвовать в подобном. – Регент был единственным, кого слова принца, похоже, не впечатлили, едва ли он вообще был способен на подобное чувство. Как, впрочем, и на любое другое. – Разве не вы добровольно возглавили поездку в Анвай? Не говоря уже о ваших действиях здесь, в замке... Долг принца – защищать свою страну, не вы ли об этом твердите? Так прекратите истерику и исполняйте свой долг.

Альвир стиснул зубы. Что ж, регент всегда умел запихивать племяннику в глотку его собственные слова. Да, нечто подобное принц, конечно, говорил и даже повторить готов: беречь и защищать Эверран – его единственный долг. И чтобы его исполнить, Лиар Нейд всегда готов был на любой риск. Но фениксы раздери, есть разница между риском и самоубийством! Последнего даже боги не одобряют. И хоть бы смысл был в этой треклятой поездке – все б не так тошно!..

– Как будет угодно вашей светлости, – наконец отчеканил он.

Совет продолжился, слово взял Кастен, и речь пошла о подготовке дозорного отряда, способного в случае необходимости задержать горцев. Нейд рассеяно кивал в такт словам и больше всего на свете хотел поскорее покинуть этот бесов зал. Сил не было сидеть под десятками пристальных взглядов – удивленных, сочувственных или откровенно довольных. Он едва дождался окончания и первым зашагал к выходу.

– Задержитесь.

Голос дяди застал уже на пороге. Пришлось посторониться, пропуская остальных. Через несколько минут в помещении они остались вдвоем, даже вездесущий дядин секретарь вышел.

– Кто-то из наших людей ведет переписку с Эрегом, – все так же бесстрастно, будто ничего не случилось, сказал регент. – И я пока не знаю наверняка, кто именно. Вам известно, что внедрить своего соглядатая в Белую долину еще сложнее, чем в лагерь степняков. Как результат, мы почти ничего не знаем о делах горцев. А теперь кто-то намерен использовать их в заговоре против вас и меня.

Нейд мысленно выругался. Фениксы разберут, отчего в загринок мертвой хваткой вцепились мурашки: от спокойного тона этого страшного человека, от предстоящей поездки или от осознания того, что очередная попытка переворота не заставит себя ждать.

– Я хочу, чтобы вы выяснили все, что сумеете: обращайтесь внимание на любую мелочь, на косые взгляды, привычки, обиды. Обещайте Эрегу что угодно, унижайтесь, врите – неважно, мне нужно, чтобы мир с Долиной продержался хотя бы до осени.

Ах, ну раз регенту нужно, то как иначе?.. Что ж может быть проще? Поклясться воинственному варвару в вечной дружбе, пару раз поцеловать ему сапоги – и готово.

– Я сделаю все, что в моих силах, дядя.

– Не сомневаюсь. И да, вот еще что... В заговоре замешаны не только горцы, но и Ирей, и некоторые силы Диона, и одни боги знают, кто еще. Если все они атакуют разом, повторится

Война Огня, с той лишь разницей, что мы с вами – не Аритены. Наше положение проигрышно изначально.

Он был прав. Он, как всегда, был прав, сожри его фениксы, но что Лиару с этой его правоты?! Альвир не бог и не маг, как он должен расположить к себе Эрега, который, похоже, имеет немало претензий к роду Альвиров?!

– Я понял.

– Тогда не смею дольше отнимать ваше время. Вероятно, вам многое надо успеть до отъезда. Господин Рейер по пути ознакомит вас с некоторыми нюансами.

Успеть? Да, успеть перед такой поездочкой хотелось бы немало. Пожить, например, – не до двадцати, а подольше. Усесться на трон, раз уж родиться крестьянином не довелось – хотя, видит небо, под рукой Лидала⁵ он был бы куда счастливей. Семью завести, в конце концов. Но время – штука коварная, его всегда или много, или ничтожно мало. Вот как сейчас: ни на что из перечисленного его, конечно, не хватит, а для того, чтоб собрать седельные сумки и вскочить в седло, Лиару Альвиру и пары часов было бы много. Так к чему ждать?

Хотел заглянуть к Жаворонку, даже до лестницы дошел, но потом повернул назад. Нейд не умел прощаться и соплей лишних не выносил. Да и что он будет делать, если мальчишка опять за ним увяжется? С него ведь станется, с Жаворонка-то... Вместо этого разыскал Анхейра Гарту, попросил присмотреть за парнем и по возможности приставить к делу – к Вальду не обратился, он человек жесткий и принципиальный, не уживется с ним Рик Жаворонк. Анхейр все же относится к жизни куда проще.

– Ну, ближайшую пару недель-то его вообще лучше не трогать, пусть отлеживается, а там... Я тебя очень прошу, помягче. Да меня не будет-то от силы месяц, ты же знаешь, я быстро. Доберусь, портретом поторгую, наобещаю всякого – и назад.

Анхейр скептически хмыкнул. Видно было, что ни в какое «вернусь» двоюродный братец не верит вовсе, и не сказать, что его это так уж расстраивает. Парня можно понять: теперь ему как никогда ярко светит корона Эверрана.

– Как у тебя все просто.

– А чего усложнять? Должен поехать – поеду, должен вернуться – вернусь! – отмахнулся Альвир. Сложно сказать, кому на самом деле предназначались эти слова. Наверно, все-таки не Анхейру.

А уже через несколько часов он двигался по улицам нижней Эверры в сторону восточных ворот. Вопросительные шепотки за спиной принц игнорировал: не было желания объяснять, какого беса его понесло этой дорогой и с чего он решил дать здоровенный крюк. Справа назойливо маячил Рей – вот кого Лиар бы еще лет сто не видел, но дядя снова решил навязать. Да вообще, ребята подобрались не самые приятные, принц сначала хотел возмутиться, а потом рассудил, что так даже лучше. Тащить в Закатные горы кого-то из приятелей было бы куда тяжелее.

– Придержи повод, я на минуту, – бросил он Рею – пусть хоть какая-то польза от него будет – и, соскочив на землю, двинулся к ступеням невзрачного строения, зажатого между стеной кузницы и казармой.

Как здесь возникло святилище Тиол, никто толком не помнил, дело давнее. Народ из верхнего города сюда забредал нечасто, больше местные, но его чтили и берегли.

– А, так он удачу просить!.. Так бы и сказал, оно понятно перед такой поездкой. Хотя тут никакая удача не спасет, – протянул кто-то из гвардейцев, очевидно считая Альвира глухим.

Принц не стал разочаровывать парня и, сделав вид, что не услышал, взбежал по ступеням. Тихо, стараясь не мешать молящимся, приблизился к вырезанной из дерева женской фигуре – давно резали, волокна потемнели, а кое-где и сколы появились, но, боги, с какой

⁵ Лидал – чтимый на континенте бог земледелия. Изображать его принято в виде юноши с волосами цвета спелых колосьев.

любовью, с каким тщанием неизвестный мастер подошел к делу! Она словно застыла на мгновение посреди танца, вот-вот оживет и продолжит кружиться. Лукавый взгляд из-под полуопущенных ресниц был устремлен в сторону, но Альвиру показалось, что она его видит... Тиол, рыжая богиня удачи.

И быстро, пока никто не обратил на него внимания, принц положил на деревянный постамент у ее ног горсть медовых леденцов – ну, женщина же, они, вроде, сладости любят – и букет одуванчиков. Гвардеец ошибся, Лиар Нейд не собирался ни о чем просить Тиол, он просто зашел сказать «спасибо».

Ледяное спокойствие Сэйграна и горячий гнев Эрега... Отчаяние в глазах Вальда и затаенная радость Теана Эльвинара. Это ерунда, с этим он уж как-нибудь справится. Что это такое в сравнении с десятью часами ожидания, когда вслушиваешься в чужое рваное дыхание и не знаешь – очнется или нет.

Очнулся. А потому, что бы там ни говорили, Лиар Альвир был бесовски везучим человеком.

Глава 2

Рик Жаворонок. Эверран, столица

Он скрючился в очередном поклоне, выпрямился и спешно нырнул в ответвление коридора – так было дальше, но зато сложней наткнуться на кого-то из господ. Тьфу, бесы, еще пара недель такой жизни, и мышцы на брюхе у Рика Жаворонка станут точь-в-точь как у Альдорских гладиаторов – кубиками. Кто ж это выдержит, кланяться через каждый шаг?.. Замок без Нейда вообще превратился в лабиринт с кучей ловушек и препятствий. Нет, всерьез Рика все еще не трогали: вдруг да случится чудо и эверранский принц вернется живым, как с ним потом объясняться? Дело сомнительное, но он же сволочь везучая... Однако пару раз выхватить по морде Рику уже довелось.

Уезжая, принц отдал слугу Анхейру Гарте, как коня или там пару сапог, и первым порывом было послать все к бесам, попросту слиняв из города. Но когда на одной чаше весов лежит неуместная обида на злейшего врага, а на другой – корона Эверрана, становится не до жиру. Приходилось терпеть. Надо отдать Нейду должное, выбор он сделал не худший: Анхейр Гарта был лишен и суровости старшего брата, и надменности сестры, так что прислуживать ему было не так уж противно. Нет, он не считал слуг ровней, как это делал Лиар Альвир, напротив... Люди же не считают ровней домашний скот, и нет в том никакой надменности, просто так уж распорядилась природа. Вот подобным образом и держался господин Анхейр.

Если Вальд Гарта не считал за людей слуг и разного рода придворных прихлебателей, то Анхейр за людей не считал вообще никого. Со всеми он держался приветливо и сообразно титулу, но мерещился Рику некий расчет. Будто смотрит граф на кучу хлама и думает, что вот это старенькое седло еще рано выкидывать, надо бы с него пыль стряхнуть, да и куртка вот эта вдруг зачем сгодится?.. В общем, был он человеком по-своему хозяйственным.

Внешностью граф Сэй пошел в мать: унаследовал от нее и светло-русые волосы, и приятную полноту, и мягкие, округлые черты лица. Разве что в разрезе глаз да форме бровей угадывалось что-то степное. И до того выходила располагающая к себе физиономия, что Жаворонок так и ждал от графа подвоха: с таким портретом только в карты жулить или лопухов на рынке обсчитывать – хрен кто заподозрит!

Впрочем, Рику с ним видеться почти не доводилось: это ж не Нейд, чтоб всюду за собой слугу таскать. Первое время граф еще присматривался к новому приобретению, видать, задавался тем же вопросом, что и все: на кой бес бывший каторжник дался эверранскому принцу. Потом, убедившись, что постичь лиаровские причуды невозможно, плюнул, передал Жаворонка в подчинение к одному из своих слуг – спасибо, хоть не Корду! С тех пор Рик видел господина разве что мельком.

Уже к обеду волшебник озверел окончательно. Тяжеленная штукавина на длинной ручке, заполненная горячими углями, скользила по сукну неохотно, складки упрямо не желали разглаживаться. Рик с тоской покосился на стоявшего поблизости Корда и отбросил идею помочь себе при помощи магической силы: этот так и высматривает, когда Жаворонок где-нибудь оступится. Бесы дери, вот как люди эти проклятые тряпки гладят, а?.. У Рика уже все пальцы саднили от случайных ожогов.

– Эй, можно, я?.. – Он вздрогнул, и только чудом не просыпал угли. Ну как Лина всякий раз ухитряется подойти так бесшумно?

Она забрала у смущенного Жаворонка гладильный прибор и вернула на подставку, потом, перехватив его ладонь, осторожно коснулась обожженной кожи.

– Ну что ж ты, хоть бы к Анатэ зашел... А то ведь еще с неделю болеть будет, – покачала головой девушка и, вновь взявшись за рукоятку, принялась ловко выглаживать замятую ткань. – Видишь? Легче, не дави так. Это несложно, если привыкнуть. Поверь, с женскими платьями куда тяжелее!

– Ага, спасибо, что хоть их Сэй не носит, – пробормотал Рик, чувствуя себя крошечным дурнем.

Вообще-то с роду он перед девками не робел – с какой стати? – но с Линой чувствовал себя скованно. А она будто этого не замечала. Засмеялась в ответ на его неловкую реплику и продолжила показывать, что и как делать. Даже жаль, что под ее руками куртка перестала артачиться и отгладилась почти что сразу, Рик бы с радостью еще так постоял. Все, что она там объясняла, он, конечно, прослушал, зато с удовольствием наблюдал, как выбившиеся из-под чепца рыжие пряди льнут к ее губам, и Лина вертит головой, стараясь стряхнуть их. Жаворонок даже не утерпел и, затаив дыхание, сам отодвинул особенно упрямый локон, заправил ей за ухо. Замер, ожидая увидеть на ее лице недовольство, но девушка только улыбнулась смущенно и чуть растерянно.

– Вот, держи, все готово. Видишь, совсем несложно. – Она протянула Рiku графский наряд – нежно голубую куртку с белыми шелковыми лентами, обернутыми вокруг рукавов и свисающими почти до самого пола. Неудобная, небось, до одури. Ну, ирейская мода, что с нее возьмешь! – Ты, если вдруг у тебя что-то не получается, спрашивай, я помогу.

Лина умчалась, едва ли разобрав его сдавленное «спасибо», она вообще на одном месте долго находиться не умела, носилась по всему замку, хотя совершенно при этом не спешила и все делала на совесть и от души. Понятно, почему на нее не то что слуги, на нее и господа заглядывались!

– Так и будешь стоять или работать начнешь? Думаешь, она за тебя все делать будет? – недружелюбно окликнул хмурый долговязый парень, так же, как и Жаворонок, возившийся с анхейровским барахлом. – С каких пор у беглого ворья своя прислуга появилась?

Рик согнал с физиономии мечтательную улыбку и повернулся на голос. Н-да, внимание Лины – пусть даже дружеское, пусть ничего оно не значит – симпатии окружающих ему не добавляло. Ревнуют, завидуют... Корд с такой ненавистью глядит, что не по себе становится. Даже смолчал в кои-то веки. Надо бы с этим поосторожнее, Рiku и без того почти любой здесь с радостью перегрызет глотку.

– Да работаю я, работаю. Уймись, приятель, – беззлобно отмахнулся он, и принялся вытряхивать угли.

Работать... Да за последнюю неделю он ничего другого и не делал. Разве что вот с Эридом один раз повидаться успел, и то ночью. А так все его время было занято подобной ерундой. Озвереть можно, вот Нейд как-то ухитрился управляться с подобными делами сам, без посторонней помощи, а у этого личных слуг штук пять, и все с ног сбиваются. Впрочем, тосковать об уехавшем принце было совсем уж глупо: туда ему и дорога, если вдуматься. Зато не на его, Рика, ладонях останется кровь Лиара Нейда, горцы уж как-нибудь управятся сами. Если хоть половина того, что о них рассказывает молва, – правда – жуткий народец! И все-таки мог бы хоть попрощаться, что ли.

Ладно, это все ерунда, ломать голову, гадая, вернется эверранский принц или останется в Закатных горах, Жаворонок не собирался. Ему и без того было, о чем беспокоиться. Где-то на континенте его ненормальная тетушка готовится превратить Эверру в горящий факел, и как ее остановить, Рик не знал. А другие не знали тем более... Хранитель молчал, Эрид грозно тарачил серо-зеленые глаза, стискивал зубы, но ничего толком не предлагал. Нужно было выходить на других, только ниточек, за которые можно потянуть, Рик имел отчаянно мало. Орвик? Знать бы еще, как этот лопух теперь на Жаворонка отреагирует. Да и не сказано еще, будет ли от стражника польза.

Впрочем, коевчем с Анхейра Гарты стоило брать пример: в хозяйстве все может сгодиться, и разбрасываться людьми – последнее дело. Надо бы к Орвику все-таки навеститься. Еще бы вот время найти.

Отнес одежду Кимиру, лысоватому тучному типу, которого граф Сэй назначал старшим над своими слугами. Очень надеялся улизнуть по-быстрому, пока новых распоряжений не насовали, но где там!

– Почему так долго, плетей захотел? – напустился Кимир, буравя Рика маленькими острыми гляделками.

Жаворонок поморщился. Две вещи в жизни он особенно не любил: плеть и когда люди орут не по делу. Примирительно вскинул руки, демонстрируя, что вину свою полностью осознает и готов исправляться.

В итоге до темноты начищал серебряные приборы, расставлял вазы и тер сомнительного вида пятна на пушистых коврах. Руки так и чесались избавиться Сэя от одной из серебряных безделушек – ну на кой бес человеку столько! – но осторожность брала верх. Сам граф, может, и не заметил бы, но вот прислуга... Нет уж, давать волю старым привычкам теперь не следовало. Отделаться удалось только к ночи, и Жаворонок, с тоской покосившись в сторону спален, двинулся к лестнице. Пес его знает, что завтра будет, а объясниться с Орвиком и правда следует.

Подстраховался, сделал солидную петлю, сбивая с толку возможных преследователей. Выбирал самые темные улочки и неожиданные повороты, а иногда останавливался и вслушивался в ночь, высвобождая при этом крохотную частичку магической силы – обличия, конечно, не принимал, но слух все равно здорово обострялся. Теперь, когда волшебник немного прировнился к подобному, голова почти не кружилась. Ночь отвечала тишиной: ни эха шагов, ни шелеста ткани... Что ж, это обнадеживало.

Но как бы там ни было, времени Рик потерял бесовски много. К внешней стене он спустился после полуночи, а уж на знакомый постоялый двор попал и того позднее. Даже замешкался немного, проходя через полупустой зал: а стоило ли притаскиваться посреди ночи? Краем глаза Жаворонок зацепил расклад фишек на игровой доске, отметил, что порции пива тут подают внушительные, а пыль со столов стирают разве что в годовщину падения Отступника, и то не в каждую. Впрочем, здешний сброд едва ли обращал внимание на подобные мелочи. Рик оглядел посетителей и уверился, что с такими физиями и в тюрьму не стыдно, не то что за грязный стол. Хотя... Ох ты ж, бесы!

С человеком, сидевшем в самом углу, они заметили друг друга одновременно. И неважно, что тот был одет в мешковатую рубаху и шаперон натянул по самые глаза, Рик все равно узнал его. Вернее, не его – ее. Виделись в роще у моста после того злополучного боя, будь он сотню и тысячу раз неладен! Умирающий Варрен – бывший приятель, а ныне не понять: не то враг, не то единомышленник... Чужая кровь на ладонях, неподдельная радость в глазах Лиара Альвира... Жуткий выдался денек. Рику не до того было, он не гадал, зачем незнакомая девчонка с меднокаштановыми волосами, скрыв лицо под шлемом, полезла в бой, а потом еще и сбежала до кучи. Но странность, понятное дело, подметил. А теперь вот, надо же, выпал случай спросить.

Если очередная марионетка Ордена, – плохи дела: ни драться не умеет, ни прятаться.

Жаворонок в два шага оказался рядом с ее столом, дамочка успела вскочить, но деваться ей было особо некуда. И кто так место выбирает?.. Сам Рик еще в детстве смекнул, что забиваться в угол не стоит, обманчивая это безопасность: видно тебя оттуда, может, и хуже, зато выбираться замучаешься, если что.

– Э, ты не торопись, разговор есть.– Волшебник постарался говорить тихо, чтобы не было слышно посторонним.

Она вздрогнула, побледнела так, словно сам Лант⁶ по ее душу пришел. Рик аж растерялся сперва: никогда на него с таким ужасом не смотрели. Сколько себя помнил, он сам должен был ото всех подряд шарахаться, а тут вдруг на тебе!

– Я б на твоём месте не дергался, а то ж внимание привлекаем. Пойдем прогуляемся? Только если попробуешь сбежать, я кликну стражу – тут как раз один живет наверху.

Сказал и сам поразился своей наглости. Дожили. Беглый преступник Рик Жаворонок страшает кого-то стражей. Смешно сказать же! Интересно, что б он делал, засмейся девчонка ему в лицо и пошли к бесам? А могла ведь и сама стражу кликнуть, ничего бы он потом не доказал... Но та лишь стиснула зубы и кивнула.

⁶ Лант – бог-привратник, в одной из своих ипостасей – бог смерти, он является к умирающим, прожившим праведную жизнь, в образе траурно-белого коня, чтобы сопроводить их к Небесным горам.

Антара. Эверран, столица

Антара почти ничего не видела – то ли и правда ночь такая безлунная выдалась, то ли мутилось сознание. Вот все и кончилось. Удивляться было глупо, ну что она, не понимала, к чему идет? Дальше, наверно, будут подвалы эверрского замка, и, видит небо, ей не было жаль! Во всяком случае, не собственной жизни. Она и без того не принадлежала девушке. Антара из Аннея уже с месяц живет в долг.

Она знала человека, чьи пальцы сжали ее рукав – Рик Жаворонок, слуга принца Эверрана. Вероятно, где-то неподалеку ждал конвой. И как бы жутко это ни звучало, Антару устраивал такой исход: сгинуть в волчьем замке – это ничего, не самое страшное. Лишь бы только человек, за которым она следовала все это время, ничего-ничего не узнал. На остальное плевать.

– Ну что, давай знакомиться? – Ее спутник остановился так резко, что девушка едва устояла на ногах.

Небесные горы, великая Ане⁷... Неужели это еще один шанс?! Вокруг – пустой темный проулок. Одним богам ведомо, отчего черно-серебряный прислужник не потащил ее в замок или хотя бы к ближайшему гвардейскому посту, но не воспользоваться этим было немислимо. Свободной рукой она потянулась к поясу, где висел нож.

– Э-э, спокойно! Убери зубочистку, – воскликнул он, шарахнувшись прочь.

Антара мельком подумала, что в драке у нее даже были шансы: как бы глупо она ни чувствовала себя с оружием в руках, Жаворонок с ним управлялся и того хуже. Только посмотрела на мальчишку, вскинувшего перед собой открытую ладонь, и поняла, что не ударит. Не сможет. За этот страшный месяц Антара успела лишиться жизни двоих, и боги, до чего это оказалось мучительно! Но те хоть угрожали дорогому ей человеку, а этот... Этот смотрел возмущенно и даже укоризненно. Растрепанный, веснушчатый и совершенно нестрашный. Наверно, еще и младше самой Антары лет на пять.

– Что тебе от меня нужно? – обессиленно выдохнула она, чувствуя, как разжимаются сведенные судорогой пальцы. Нож стукнулся о землю, и эхо заметалось между стен.

Мальчишка скрестил руки на груди и пристально уставился исподлобья.

– А что нужно тебе? За каким бесом ты потащила с отрядом в Холмы и что делаешь здесь? Зачем прячешь лицо?

– Не твое дело.

– Нет, конечно, не мое, – охотно подтвердил собеседник. – Я-то никто, и звать меня никак. Но в той самой таверне живет один мой хороший приятель Орвик, и ему тоже будет интересно!.. Вообще-то я ему про нашу прошлую встречу не рассказывал, но он был бы в восторге, я уверен. Романтик страшный, идеалист... А тут такая история!

– Он ничего не знает?! – От немислимой, безумной надежды защемило сердце. Боги, пожалуйста, пусть так оно и будет! Именем Аргоры и Айлина⁸, пусть именно так!..

– Если и знает, то не от меня, – пожал плечам Жаворонок. И добавил проникновенно: – Вот что, подруга, я в чужие дела не суюсь, но тут у меня свой интерес. В том отряде тебе и Лиар, и Орвик... Почем мне знать, что ты не шпионка, не наемный убийца? Может, ты момент выжидала, чтоб принца похитить?

Антара даже воздухом подавилась, настолько невероятным было это предположение.

⁷ Ане – богиня милосердия, которую чтут на континенте. Изображается в виде женщины средних лет, которая в одной руке держит огонь, а вторую протягивает тем, кто нуждается в помощи.

⁸ Аргора и Айлин – боги любви, верности и домашнего очага, изображаются как двое влюбленных, что держат в руках зажженную свечу.

– С ума сошел? Дался мне твой принц!

– Ага, принц не дался. Стало быть, ты за Орвиком туда притащилась? И что он тебе сделал?

Горло перехватило. Почему же это оказалось так мучительно?.. Она хотела послать мальчишку к бесам, а там хоть в подвалы, хоть в пекло – видит небо, она бы так и сделала! Но колени вдруг стали ватными, и пришлось опуститься прямо на землю, облокотиться о глухую стену какой-то лавчонки. Рик присел перед ней на корточки, заглянул в глаза.

– Эй, ты чего? Так, только в обморок не надо, а? Ты ж не из благородных! Давай, рассказывай. Сначала.

И она принялась рассказывать – вот так вот запросто, неожиданно для себя самой. С самого-самого начала, все то, что никому б и под пытками не выдала, – то и дело сбиваясь и беспомощно глядя по сторонам в поисках нужных слов, дивясь тому, как все это нелепо звучит со стороны. О том, что выросла в Аннее, что несладко жилось под властью нового барона. Отца и брата забрали в гарнизон, где они и погибли во время какой-то стычки с соседями, Антаре тогда исполнилось четырнадцать. Помнится, сын кузнеца ей внимание оказывал, мама так радовалась, думала, пройдет несколько лет, и сыграют они свадьбу. Антара и сама так думала. А что, хороший человек, не обижал бы. Были б у них дом, детки и все то, что добрым людям полагается. А вышло иначе...

Зимой это случилось, выбралась за дровами к лесу: мать уже тогда болеть начала, печь топить приходилось часто. Мужчин в доме не осталось, приходилось самой. Топор, как назло, то и дело с деревянной рукоятки слететь норовил: руки не дошли забить новый клинышек. Коченели пальцы. Она тогда и не сообразила, откуда возник юноша с пепельно-русыми волосами: услышала конскую поступь, обернулась, и вот он стоит – тонкий, бледный, светлоглазый, словно какой-то сказочный дух в зимнем лесу. Он не представился, но что ж она, так не узнает баронского сына? Испугалась тогда страшно, смутилась, а он вдруг расстегнул фибулу, снял плащ с волчьей опушкой и набросил ей на плечи.

– *Вы замерзли, позвольте я помогу. Где вы живете?*

Антара что-то отвечала, наверно, но собственные слова совсем не запомнились, только его. Она до сих пор в точности помнила все, что он сказал ей – и тогда, и после. Да что слова? Каждый взгляд его, каждое движение бровей... Наверно, девушка попыталась отказаться: как можно просить баронета возиться с крестьянским хозяйством?! Только он возражений не слушал, забрал у замершей Антары топор и принялся за работу. А как он ловко управлялся! Целое дерево, поваленное ветром, в раз на дрова изрубил! И ничего у него не слетало при этом... Надо же, а ладони узкие, изящные, в жизни не скажешь, что с крестьянской утварью в ладу! Антара сначала под руку лезла, помочь пыталась, но он управлялся сам, и крестьянке оставалось только смотреть на его профиль – изящный, без единого изъяна, даже глаза слепило – и кутаться в плащ, пропахший дымом и лесом. Вечно бы так стоять, но короткий зимний день отгорал, и баронет принялся крепить вязанки дров к седлу тонконового коня – верхового, совсем не предназначенного для подобных дел.

Они дошли до калитки, и баронет рассеяно кивнул в ответ на ее сбивчивую благодарность, принял протянутый плащ – всего на полмгновения их руки соприкоснулись, и видит небо, Антара не променяла бы этот миг и на сотню лет. Баронет вскочил в седло, а она долго еще смотрела ему вслед, молясь всем богам, чтобы он хоть раз обернулся. Было щемяще хорошо и одновременно мучительно страшно. Страшно от мысли, что не будет теперь свадьбы с кузнецовым сыном. И ни с кем другим не будет. Потому что ни на кого и никогда уже она не посмотрит так, как на этого человека, и никогда не вытравится из памяти резной точеный профиль.

Она стала приходиться в казармы при замке – там знали ее отца и брата, а сама девушка иногда продавала молоко. Смотрела издали на баронских сыновей, и точно знала теперь, что

зовут юношу, встреченного ею в лесу, Орвиком Аннеем. Антара в толк не могла взять, отчего многие путают их с братом – как можно, они же совсем разные! И взгляд другой, и походка... Она смотрела за их тренировками и всякий раз мечтала, чтоб вот именно сегодня Орвик одержал победу. Только выигрывал все больше Тэйм. Время шло, умерла мать в траурную зиму, женился на мельниковой дочери сын кузнеца.

Жизнь в Аннее не способствовала наивности, Антара прекрасно все понимала: нет у крестьянки шансов на взаимность господина. Впрочем, если б даже просто так, без взаимности, без благословения богов, на одну ночь – она пошла бы. Видит небо, с ним бы пошла! Только, в отличие от брата, Орвик Анней не интересовался интрижками с челядью, и она смирилась. Привыкла смотреть издали и любить молча. Антара жила небогато, много приходилось работать, но соседи помогали, да и от родителей кое-какое добро осталось. И так бы продолжалось, наверно, если б не страшный случай у старого колодца.

Тот, кто лицом так похож был на самого дорогого ей человека, надвигался на Антару, протягивал руки... Ее мутило тогда от безумного, пустого взгляда Тэйма Аннея и от собственного отчаянного страха. А потом поединок двух братьев, ее собственная безумная выходка, короткий разговор с Орвиком... Виком. Второй раз в жизни он заговорил с Антарой, и видит небо, это стоило пережитого кошмара! Вернее, так девушке казалось, пока она еще не узнала, какую цену придется заплатить. И кто будет расплачиваться.

Люди барона пришли за ней следующей ночью. Антара думала, властитель Анней прознал, что она, крестьянская девка, осмелилась поднять руку на его сына, но все оказалось еще страшнее. Барон встретил ее лично – величественный, отстраненный, страшный в своем спокойном гневе. Спросил, как все было, и, не дослушав, обвинил во лжи. Сказал, что на самом деле это старший его сын, Орвик, напал на нее у деревни. Когда Антара посмела спорить, барон ударил – несильно, кончиками пальцев, но девушка отлетела к самой стене. Сказал, что убьет, если она посмеет солгать еще раз. Антара со стыдом и отвращением к самой себе вспоминала теперь, как стояла перед бароном на коленях, как убеждала, клялась... А потом поняла наконец, что он и без нее знает правду. Знает, но по какой-то причине не хочет, чтобы ее узнали другие. И тогда она наконец сумела выпрямиться. Даже глаза отводить перестала.

– Тогда убивайте. Потому что другой правды у меня нет.

Он посмотрел на девушку, и лицо его резко изменилось, гнев ушел, уступая место усталости.

– Возьми деньги. Я дам тебе столько, что хватит на всю жизнь.

Небесные горы, не человек стоял перед ней, но тварь, явившаяся из глубин пекла. Как можно подкупать кого-то, заставляя очернять собственного сына?! Говорят, боги велели почитать господ и слушаться их во всем – если так, то никогда не увидит Антаре небесных гор, потому что она презирала аннейского барона. Ненавидела и презирала.

– Идите к демонам... господин.

Сказала, и сама поразилась звучанию своего голоса. Вот она – та черта, перешагнув которую, бояться уже нечего. Антара ждала, что он снова ударит. А может, вовсе убьет ее: что ему жизнь безродной девки, если он готов переступить даже через собственного сына?! А он только засмеялся – болезненно и совсем невесело.

– Думаешь, ты спасешь его своей правдой, Антара из Аннея? А выйдет наоборот. Ты ведь стоишь и думаешь, как я могу предать своего наследника, родную кровь... А он перестал быть мне сыном, когда сам предал меня. И теперь он – угроза и мне, и моим землям. И как бы страшно и больно ни было мне самому, я должен избавиться от этого человека. Помогите мне изгнать Орвика, и он останется жить. Солги на суде. А если скажешь правду... На стене будет стоять лучник, и он выстрелит. Не в тебя – в него. Не думал, что доживу до дня, когда буду просить о чем-то крестьянку, но я прошу. Солги на суде, не дай мне запачкать руки его кровью.

Как страшно звучала его речь, как безумно. Как жег стальной отблеск в его глазах – зеленовато-голубых, совсем таких же, как у его сыновей. И Антара верила, верила, что это безумное, озлобленное существо убьет человека, который дорог ей больше всего на свете.

Боги милостивы. Антара почти не помнила суда во внутреннем дворе аннейской крепости – слишком страшно оказалось смотреть в лицо подсудимого, к которому кровавой коркой присохли растерянность и обида. А затем – глухое, беспросветное бессилие. Все это отпечаталось в памяти блеклыми клочками, и только потому Антара сохранила хоть тень собственного рассудка. Все, что помнилось ей отчетливо – это удушающий запах черемухи и силуэт человека с луком наизготовку – вверху, на одной из крепостных стен. Она видела его совсем мельком, может, он вовсе ей померещился, и все-таки.

А еще барон в самом деле заплатил Антаре. Он не солгал: на такую сумму крестьянка могла бы жить очень долго. Могла бы. Только как жить со страшным грузом вины перед Орвиком? Вначале Антара рыдала, уткнувшись лицом в иссушенную траву на полу собственного дома, злые, безнадежные слезы выедали глаза. Потом, когда кончились и они, девушка поднялась на ноги. Пусть боги простят ее мысли, но, покидая дом, она собиралась пойти к одному из аннейских озер, знаменитому своими омутами. Приладить на веревку тяжелый камень, закрепить на шее...

Только что-то остановило. Может, постыдный страх, а может, нежелание упрощать жизнь ненавистному барону. Или напротив – отчаянное желание хоть чем-то искупить свою вину перед Орвиком Аннеем. Так она выкупила у знакомого парня из гарнизона коня, доспехи и арбалет.

А потом были дни бесконечной скачки, ночь на Южном тракте и первый убитый Антарой человек – разбойник, вооруженный луком, которого она застрелила в спину. И бой у моста, где пришлось, забыв о том, что ее могут узнать, влезть в самую гущу. Орвик – прекрасный боец, едва ли он нуждается в защите такой неумехи, как она, но ведь для того, чтоб отвлечь на себя внимание, много ума не нужно, верно?.. Вот она и отвлекала всеми силами. Плечо поцарапали – несильно, кажется...

– Стой, подожди. Что-то я ни беса не понял!

Голос Жаворонка заставил вздрогнуть, Антара почти забыла о своем неожиданном собеседнике. Открыла глаза и с удивлением обнаружила, что их снова жжет изнутри.

– Хочешь сказать, что ты все это время таскаешься по пятам за Орвиком, а он ничего не заподозрил? – продолжал Рик.

Если б так!..

– Он думает, что барон прислал кого-то ему на помощь.

– А чего ж ты не пойдешь и не объяснишься? Ты-то, выходит, перед ним и не виновата, он поймет! Ну хочешь, я ему сам скажу?

Антара даже не заметила, как оказалась на ногах, ладонь метнулась к опустевшим ножнам.

– Не вздумай, слышишь?!

Ее отчаянный, решительный взгляд разбился о спокойствие собеседника.

– Не глухой. Вот ты дерганая... Ну не хочешь, не буду рассказывать, зачем за ножик-то сразу? – Рик укоризненно смотрел на нее снизу вверх, и девушка вновь опустилась на землю. – Только объясни, почему?

Неужели не понимает?..

– Он же больше всего на свете любит отца! Он живет мыслью, что барона Аннея обманули, оклеветав его, Орвика! Что правда откроется, и отец снова примет его!

Нет, никогда Антара не расскажет правды. Она-то помнила, каким невыразимым счастьем озарилось лицо Орвика, когда он узнал о разбойнике, застреленном на тракте. Что-то в изгнанном баронете изменилось с тех пор, будто выпрямилось, разгладилось... Нет, никогда

она не отнимет у Орвика этой надежды, уж лучше пусть он до конца жизни ненавидит Антару, пусть думает, что из-за нее все случилось.

Она замолчала, безнадежно глядя перед собой, а Жаворонок задумчиво поскреб в затылке и припечатал:

– Ну и дура. Один пес, потом узнает.

Он, наверно, был прав, только Антара старалась об этом не думать.

– Может быть. Пусть боги решают, а я этого сделать не могу.

– Ага, удобно, – пробормотал Рик. – Ну пусть решают, что ж я, мешать им стану?.. Тогда скажи-ка мне вот что... Если ты за Орвиком уже месяц таскаешься, ты ж, наверно, и странности всякие подметила, а?

Антара испуганно замотала головой. Она прекрасно поняла, о чем говорит Рик Жаворонок, но не собиралась в этом признаваться ни ему, ни кому-то другому. Знала ли она, что Орвик Анней является колдуном? Знала. Она шла за изгнанным баронетом в ту ночь, когда он вломился в замок, видела, как его преследовала охрана во главе с Вальдом Гартой. Именно Антара вытаскивала Орвика из эверрской реки, потому что сам он был почти без сознания – раненный и изможденный. Едва ли он вообще понял, что на берегу был кто-то, кроме него.

Человек, которого Антара любит всей душой, Орвик Анней – колдун и государственный преступник. И сама она теперь – тоже преступница.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Молодец, так всем и отвечай, если еще кто спросит, – кивнул Жаворонок, явно не поверив. Впрочем, не исключено, что о способностях Орвика он знал и сам. Может, они и вовсе были заодно. – И долго ты вот так собираешься?.. Нельзя ж всю жизнь за ним таскаться!

Она не ответила, не смогла сказать вслух эти страшные слова. Что нет ей жизни без Орвика Аннея, что дороги другой у нее нет и не будет. Но Рик и так понял. Махнул рукой, мол, что с блаженной возьмешь.

– Ладно, раз такие дела, то пойду я, мне еще с возлюбленным твоим кой-чего обсудить надо. – Он предостерегающе поднял руку. – Да не дергайся ты, про тебя не скажу – оно мне надо? Только имей в виду, попадешься кому другому, проблемы будут и у тебя, и у Орвика, так что смотри, как бы ему твоя помощь боком не вышла.

Антара об этом думала. И видит небо, пойми она, что допрашивать станут всерьез, ножа бы не выпустила. Только целила бы не в конвойных. Она смотрела, как уходит новый знакомец, и стылые пальцы безнадежного, беспросветного одиночества, неизвестно когда успевшие ослабить хват, вновь смыкались на горле.

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Северо-западная граница Эверрана

Он вертел головой, разглядывая залегшие среди разнотравья каменные гребни, проводил глазами кряжистые, низкорослые дубки. А вон там, за излучиной должен начинаться лес. Сколько ж там грибов было тогда, в одиннадцатом! Но еще больше было трупов: глаза некуда деть, чтоб не зацепить очередного мертвеца, нанизанного на стрелу с красивым соколиным оперением. А может, Лиару это казалось с непривычки. Все-таки, не так уж многое он успел повидать к своим шестнадцати. Это сейчас зачерствел, пообтерся. Теперь его не выворачивало бы наизнанку при виде опушки, заваленной трупами, и не оборачивался бы он на каждом шагу, содрогаясь от чувства, будто все они укоризненно глядят ему в спину.

Хотя именно сейчас принцу снова было не по себе. Озвереть можно, четыре года минуло, столько всего с тех пор успело произойти!.. Лиар Нейд думал, что ужас и триумф тифрийской мясорубки давно погребены под толстым слоем чужих интриг, новых сражений и бесконечных смертей вокруг. Только теперь знакомые места разбредили душу, разворочали. Воспоминания цеплялись друг за друга и лезли, лезли... Прогонишь одно – другие уже тут как тут. Совсем как тогда, на стенах: стоит убить одного «лошадника», как его место сразу же займут другие, и нет конца их строю. Память рвала грудную клетку, и принц почти воочию видел и бесконечную вереницу костров внизу, и то, как глухая обреченность на лицах людей сменяется решимостью. Слышал лязг железа и предсмертные крики, отчаянное ржание беснующихся коней. А еще – спокойный голос, отдающий приказы, который неведомо как ухитрился пробиться через все это. Свой голос. И наступившую после тишину.

И уж точно никогда не забыть Лиару Нейду, как беспощадный восход высветил узкие улочки, заваленные телами. Как чьи-то пальцы вцепились в ворот, не давая рухнуть коленями в страшное месиво из крови, грязи и одни боги знают, чего еще. Альвир тер тогда ладони, как одержимый: казалось, что они до локтей, нет, до самых плеч измазаны красным!

– Ваше высочество! – Голос одного из гвардейцев заставил вздрогнуть. – Дозвольте спросить, станем ли мы заезжать в город? Продовольствие бы пополнить, да и кони устали.

Принц посмотрел туда, где за краешком рожи угадывались очертания стен, потом обернулся к говорившему. Тот старался держаться невозмутимо, но видно было, что остановиться в Тифре ему бесовски охота. Что поделать, люди устали не меньше лошадей, а ночевать в городе – это совсем не то же, что ютиться на скверных постоянных дворах вдоль тракта. Отказывать ребятам не хотелось.

– Нет. Не станем, – бесцветным голосом откликнулся он и, стараясь не замечать разочарования спутников, уставился вперед, на дорогу.

Вернуться на улицы Тифры, увидеть ребят из гарнизона... Заманчиво, кто спорит? Только дорога туда принцу заказана, не посмеет он смотреть в глаза бывшим товарищам. И прошлое тревожить не посмеет. Он ведь инкогнито там оказался в четыреста одиннадцатом. Жители Тифры тогда доверили судьбу города и собственные жизни заезжему барону Инальду, потому что он пообещал им шанс победить. Призрачный, крошечный, зыбкий, и все-таки. Он пообещал, а люди поверили ему и пошли за ним, послав к бесам идиота-градоправителя. Они приняли Альвира, как своего, они судили его по делам, а не по титулу и ненавистной фамилии. И что теперь, заявиться туда, сверкая родовым перстнем? Сказать, что не было никогда Вейнара Инальда, что они доверились черно-серебряной сволочи, которая теперь едет к горцам, чтоб разменять и Тифру, и множество других приграничных городов на лишнюю пару лет затишья?

Не совсем же Лиар идиот, все он понимает. Горцы год за годом грабят приграничье, угоняют мужчин работать в своих треклятых рудниках, забирают женщин... Таков был сам

уклад жизни в Долине, они не умели и не желали процветать иначе. Так сложилось испокон веков, еще до Альвиров. Вот разве что Сивер Аритен когда-то на долгие годы заставил горцев уняться, но теперь-то они снова начинали наглеть. И если сейчас каким-то чудом удастся навязать горцам союзничество, мешать им станет нельзя вовсе. Разграбленные приграничные деревушки, рыдающие женщины – все это разменная монета в проклятой политике Сэйграна Ивьена и его, Лиара Альвира.

Подлю, противно. Да, должен защищать свои земли, а вместо этого едет сговариваться с врагами, закрывает глаза на те бесчинства, что они творят здесь. Но фениксовы перья, если будет война, жертв окажется куда как больше! Сейчас дикари из Закатных гор убьют и угонят в рабство несколько сотен человек – так то за целый год! А если война, то за несколько дней и то больше поляжет. А потом, пользуясь моментом, соседи со всех сторон примутся атаковать, и в войне Эверран увязнет целиком. Жестокая логика, достойная графа Ивьена, но... Сожри демоны, сотни тысяч людей, которых коснется эта мясорубка, тоже хотят жить, и их тоже должен защищать Лиар Альвир. Да, не они стояли с ним плечом к плечу на стенах Тифры, не они придерживали за плечи, не давая упасть. Но это ведь неважно, Лиар должен быть беспристрастен, и он будет. Если Эрег примет возможность безнаказанно разграблять приграничье в качестве откупа, Альвир ухватится за эту возможность обеими руками. И фениксовы перья, он знал, что прав, но смотреть в глаза кому-то из бывших товарищей не было сил. Пусть боги простят ему эту слабость.

Вот и вышло, что ночевали опять пес разбери в какой дыре и выехали в путь совсем рано. Еще только-только обозначился недружелюбно серый рассвет, и, несмотря на то, что кончалась весна, было холодно. Впрочем, здесь, в горах, и летом так, наверное. Дорога быстро сузилась и пошла вверх, потянулись по краям морщинистые серые скалы. Пожалуй, где-то здесь начинались Закатные горы, и то ли от осознания этого, то ли просто от холода в кожу вгрызался озноб. Лиар прежде никогда здесь не бывал и сейчас как дурак вертел головой, разглядывая строгую, враждебную красоту этих мест. Со всех сторон, под ногами, над головой – сплошь серое, только где-то совсем уж в отдалении можно разглядеть белые шапки горных пиков. Подобной красотой и лаконичностью обладает разве что боевое оружие – простое, безупречно отточенное. И фениксы сожри, Лиар всем существом своим чувствовал, что сейчас это самое оружие нацелено ему в грудь. Здесь все дышало враждебностью и чуждостью, здесь сам воздух казался другим, незнакомым, и принцу от всего этого было здорово не по себе. Как будто земную твердь из-под ног выбило. Что ж, у горцев даже боги свои, чему удивляться?..

Так Лиар Нейд впервые за свою жизнь прохлопал засаду. Должен был ощутить угрозу, да где там! Тут же и без того все кругом дышало опасностью! Они выступили из-за камней – воинственные, хмурые, рыжеволосые. И чего горцев со степняками сравнивают, совсем же разные! Ну, может, только в разрезе глаз нечто общее есть. Они надвинулись сразу отовсюду, сомкнулись вокруг незваных гостей. Эхо шагов – все новое, новое... Проклятье, сколько же их скрывалось за камнями?! У некоторых в руках – луки. Короткие совсем, не чета орбесским: дальность у таких смешная, но сейчас хватит и ее. Вот почему Каменный город неприступен: пока твое войско будет петлять лабиринтом горных троп, его попросту перещелкают со скал. Оттуда ж все как на ладони! Эти могли и не спускаться, постреляли бы так, и дело с концом. Но они спустились, и это давало принцу хоть какую-то надежду.

– Я приветствую воинов Белой долины! В сердце моем нет войны, и мое оружие не покинет ножен, – выкрикнул он то, что предписывал горский обычай.

Его будто не услышали. Оказавшийся ближе всех горец, тот, что носил на плечах накидку из светло-серого меха, обнажил меч – короткий, изогнутый на манер серпа. И зачем такой, кишки выпускать сподручнее, что ли?..

– Нас же сейчас всех перебьют, чего мы ждем? – Один из гвардейцев тоже наладился вытащить оружие.

– Не вздумай! Если попробуешь – перебьют наверняка, – одернул Лиар, и парень, сцепив зубы, убрал руку с эфеса. На принца он смотрел почти что с ненавистью.

Что ж, можно понять человека: умирать, даже не попытавшись дать бой, Лиару и самому претило. Но сейчас было очень важно выдержать и остаться стоять. Поможет или нет, пес разберет, но это хоть какой-то шанс. Их продолжали обступать – все ближе, ближе...

– Они не остановятся. – Еще один гвардеец потянулся к поясу. – Я хоть умереть хочу как воин, а не как свинья на убое!

Альвир понимал его, честно.

– Дернешься, и я прикончу тебя сам.

Если он, Лиар, ошибается, то с этой тропы ему дорога прямиком в пекло: притащил людей на смерть, да в придачу даже погибнуть им не дал, по-человечески! Впрочем, тут для черно-серебряной падали неожиданностей и так не предвиделось, в Небесные горы не позовут, хоть ты из шкуры лезь вон. А между тем, не хотелось Нейду ни в пекло, ни в небесные горы.

– Нет веры равнинным! – выплюнул воин в серой накидке. Это словно стало сигналом. Диковинные клинки вспороли воздух в неожиданно слаженном замахе.

Рик Жаворонок. Эверран, столица

Разговор с Антарой оставил на душе налет липкой мути – приставучей, что хрен стряхнешь, засел камешком в башмаке. По-хорошему, прирезать ее надо было, пока шанс имелся. А может, просто хранителю про нее рассказать: что-то подсказывало Жаворонку, что этот умеет прятать концы в воду. Многовато дамочка знает для человека, который не сегодня так завтра попадется черно-серебряным! Да, о магии Рика ей вряд ли что известно, но вот на Орвика она может вывести, как бы ни хорохорилась: в подвалах замка доносят и на самых дорогих людей. А тот в свою очередь может потянуть за собой и Жаворонка. Но избавиться от нее Рик сегодня ночью не решился, и не сказано, решится ли после.

Вообще, странный выдался разговор. Должно бы быть смешно от того бреда, что несла Антара: влюбиться в человека, о котором ни беса не знаешь, жизнь свою бросить ему под ноги... Одно слово, женщина. И какая ж это все ерунда на фоне того, что кругом творится!.. Того гляди, война грянет, сбудется пророчество, и падет континент, а тут сопли любовные. Но отчего-то не было Рикю смешно – было жутко. Нечто подобное чувствуешь, если говоришь со смертельно больным или раненым – тем, который все уже понял и со всем смирился. И вот ведь какое дело... Ничем, если вдуматься, Антара из Аннея не отличалась от того же Орвика или Эрида, только те на Старый Эверран молятся, а девчонка на смазливового баронета. А так, им только дай помереть – было б, за что!

Когда вернулся на постоялый двор, иссиня-черное небо успело изрядно выцвести, полинять. Вообще-то стоило поторопиться на службу, но объясниться с Орвиком надо было, хоть тресни. Ничего, как-нибудь он в замке да выкрутится... Нельзя Рикю союзников терять – даже таких дурных, как Орвик Анней. Других-то нету.

Под осоловелыми взглядами засидевшихся посетителей Рик прошел через зал и взбежал по лестнице. Негромко постучал в дверь. Послышался скрип кровати, а потом сопение и грузные, шаркающие шаги, принадлежали они уж точно не Орвику, и это Жаворонка насторожило. Проклятье, разговаривать он собирался наедине и портретом лишний раз предпочел бы не светить! Однако уходить было поздновато. Дверь скрипнула, приоткрываясь, и волшебник разглядел тучного пожилого человека со встопорщенной пегой бородой. Он отчаянно зевал и тер глаза, наредкость убедительно делая вид, что еще не проснулся, но попробуй проводи толкового жулика: Рик отлично видел, что глаза у деда ясные. Он или давно уже встал, или не ложился вовсе.

– А, Рик? Проходи, проходи. Ты уж извини, что Вик сам не открыл. Замаялся на службе, да и нездоровится ему пока.

И что-то кольнуло в груди от мягкого хриповатого голоса старика. Что-то такое знакомое заворчалось на кромке сознания – то ли напомнил кого, то ли виделись уже. Впрочем, к этому чувству Жаворонок почти привык. А еще он отметил, что этот человек знает его имя – стало быть Орвик многое ему рассказывает. Возможно, даже слишком многое. Ну что ж, тогда удивительно, что Рикас порога не послали к бесовой матери.

В куцем свете одной жировой свечи Жаворонок разглядел болезненное и хмурое лицо Орвика – стражник явно был настроен не столь радушно, как его родственник – или кем там ему приходится человек, открывший дверь? Вообще, какими бы на первый взгляд ни казались разными лохматый грузный старик и утонченный до хрупкости Орвик Анней, было у них в лице нечто схожее. Наверно, и правда родня.

– Зачем ты пришел? – стражник поднялся навстречу.

Дед укоризненно уставился на него из-под кустистых пегих бровей.

– Вик, невежливо сразу набрасываться на человека с расспросами, – возмутился он. Потом обратился к Жаворонку: – Прости моего племянника, он просто еще толком не проснулся. Хочешь твеля?

Волшебник кивнул: за чашкой куда удобнее прятать лицо, да и врать сподручнее, когда есть, что повертеть в пальцах. А если Рик не хочет, чтобы его раскусили прямо сейчас, врать ему придется ну очень убедительно: дед, несмотря на простецкую физиономию и тон деревенского святоши из храма Ане, вызывал опасения. Ясные светлые глаза с хитроватым прищуром смотрели вполне миролюбиво, но почему-то казалось, что их обладатель видит Жаворонка насквозь со всеми потрохами. Не хуже регента видит.

– Меня, кстати, Теаном зовут, – наконец представился тот. – А о тебе племянник рассказывал.

– Боюсь представить, что именно, – пробормотал волшебник.

Помолчали. Слышно было, как старик возится с крохотным котелком, прилаживая его над жаровней, и вскоре по комнате поплыл запах твеля, к которому примешивались незнакомые Рикку нотки. Что ж, стоило проследить, чтоб себе и Орвику дед наливал из той же посуды: едва ли здесь волшебника станут травить, но осторожность лишней не бывает. Он ждал, когда Теан начнет расспрашивать, готовился врать, беззастенчиво мешая ложь с правдой: из этого всегда получается замечательная штука, которой очень удобно завешивать уши собеседникам. Но дед с расспросами не торопился. Наоборот, даже Орвика одернул, когда тот снова полез не то с вопросами, не то с обвинениями. И, посидев немного, Жаворонок заговорил сам. Рассказал про то, как узнал о появлении огненной кометы от Варрена, а о магическом зеркале – из старого дневника. О том, что все пошло наперекосяк той ночью.

– ...Ну вот, я почти уже до места добрался, а тут этот, главный их... Вальд Гарта. Я хотел прорываться, да побоялся, что проиграю.

Вопреки ожиданиям, Вик не стал обвинять его в трусости.

– Правильно побоялся. Он с ног до головы шунгитом был обвешан, даже я с ним не сладил.

И Жаворонок решил уцепиться за это «даже». С какой стати, парень, ничего не зная о силах собеседника, так уверен в своем превосходстве? Неплохо б это выяснить!

– А ты так уверен, что я слабее? – ревниво вскинулся он.

Снисходительный взгляд стражника говорил о том, что да, в собственном преимуществе тот не сомневается ни на альм. Ну что ж, он или очень самоуверен, или обладает такой мощью, что встречать кого-то сильнее ему попросту не доводилось.

– Скажи еще, что ты из потомственных! – продолжил Рик, очень стараясь, чтобы звучало скептически и даже с долей насмешки. Со вспыльчивым Орвиком могло и сработать, но тут снова вмешался Теан.

– Не обижайся на Вика, он не имел в виду ничего такого! Я уверен, что ты и сам очень сильный волшебник!

И уже открывший было рот Орвик промолчал. Тьфу, бесы, надо было все-таки наедине подавливать!

Досадовать правда получилось недолго, потому что подоспел твель. Жаворонок приник к чашке, зажмурился, а потом поднял на Теана удивленные глаза: видит небо, такого он и в замке не пробовал! Кроме привычной терпкой горечи угадывались отголоски незнакомых Рикку специй – едва-едва, на грани ощутимого. Все это здорово бодрило и навевало мысли о диковинных приморских цветах и лоснящихся от спелости фруктах. Старик улыбнулся в ответ на невысказанную похвалу – широко, искренне – и пододвинул к Жаворонку блюдо с печеньем.

Орвик неодобрительно посмотрел на это и, отставив собственную чашку, спросил в лоб:

– И как же так вышло, что, попавшись лично гартарскому палачу, ты все еще жив и даже ходишь на свободе?

Рик поймал его острый, пристальный взгляд и почувствовал себя крошечным дурнем: ничего дельного в голову не шло. Тут же хоть говори правду, хоть не говори – кто тебе поверит! Сам Жаворонок уж точно бы не поверил.

– Ну как?.. Прикинулся пьяным в стельку, мол, случайно сюда вынесло, когда на тревожный сигнал прибежал. А Гарта с принцем связываться побоялся. Короче, бросили в камеру, я там до утра и проторчал – какое уж тут хранилище? А потом вовсе не до того стало: отравили меня. Ну там мутная история, ты ее слышал, наверно... А тебя теперь ищут, у Гарты немало твоих примет есть.

Сомнительно, что у Рика получилось кого-то убедить, но уличать во лжи его тоже не спешили. Спросили только, что именно известно командиру замковой охраны, и Рик пустился в перечисления. Впрочем, знал он не так уж много: Нейд старался сохранить все в секрете. А потом свеча на столе прогорела, и стало ясно, что в ней уже не было нужды, потому что за окном окончательно рассвело.

– Бесову ж бабушку! – спохватился Жаворонок. – Мне в замке голову свинтят, если я на службу опоздаю!

Орвик дернулся было возразить, но Теан покачал головой.

– Мальчик прав, ему нужно поспешить, иначе у него будут неприятности.

Волшебник всмотрелся в пожеванное морщинами лицо старика: сейчас, когда рассвело, хотелось получше разглядеть его, но сидел тот неудачно, против света. Ладно, в другой раз. Жаворонок встал и неловко попрощался с хозяевами. Получил в ответ хмурый взгляд Орвика и добродушный, ободряющий – Теана.

– Да, Рик, всего одну минуту... – оклик старика застиг уже у двери. – А ты сам-то из потомственных?

Жаворонок замер.

– А без понятия. Я один рос, про свою магию и то случайно узнал, – не оборачиваясь выдохнул он. В конце концов, это было почти правдой. Почти.

– Кто же тебя учил?

Вот прицепился!

– Учил? А кто тебе, уважаемый, сказал, что я что-то умею? От веревок освободиться могу, замки вскрывать иногда получается. Но это я сам. Жить захочешь – научишься.

Поверил или нет? Поди разбери!

– Надо же как, – с искренним недоумением пробормотал Теан. И вдруг добавил: – Ну, если время будет, ты заглядывай, может, Вик тебя чему научит. А то ведь опасное это дело.

Волшебник заметил, как при этом перекосило самого Орвика, тот, похоже, не горел желанием чему-то Рика учить. Ясное дело, стражник вообще предпочел бы приветствовать такого гостя на манер Эрида – кулаком в челюсть. Но спорить не взялся. А предложение-то заманчивое! Вот только хвататься за него Рик не спешил, слишком хорошо он помнил, где обычно лежит бесплатный сыр. Хотя отказаться язык тоже не повернулся.

Он еще раз кивнул на прощание и вышел, ничего толком не ответив. К счастью, спешка ему такую роскошь позволяла. Отошел к лестнице и, прикрыв глаза, высвободил крошечную толику силы – совсем чуть-чуть, но и этого хватило, чтоб обострился слух. Издалека, сквозь две стены ему удалось разобрать голоса в оставленной комнате.

– Зачем ты это?! – возмущенный шепот Орвика. – И расспросить мне его толком не дал... Он же врал нам!

– Врал? Нет, вряд ли. Или я совсем старый стал, или мальчик по большей части говорил правду.

– Хочешь сказать, он был откровенен?!

Их разделяли стены, но Рик словно воочию видел растерянность на точеной физиономии стражника. Вот так вот, ложью уже никого не удивить, а скажешь раз в жизни чистую правду, и пожалуйста, такая реакция.

– Что? Откровенен? – рассеянно переспросили в комнате. – Нет, конечно. Умалчивал, недоговаривал. Кстати, меня когда-то учили, что подслушивать нехорошо. Правда я все равно порой подслушиваю...

– Что? Ты это к чему?

Старик засмеялся и, видимо, сделал Орвику какой-то знак, потому что разговор как отрезало. Вот старый бес! Ладно, не до него сейчас, Кимир-то и правда хватиться может.

Жаворонок вернулся в замок почти бегом. Очень хотелось, плюнув на завтрак, урвать хоть полчаса сна – если ничего срочного нет, то, может, повезет? Только стоило взмокшим и запыхавшимся ввалиться к себе в комнату, как все надежды разбились вдребезги о выражение лица шагнувшего навстречу Ричарда. Видно, что специально Жаворонка дожидался. И такой у графского слуги был вид...

– Рик?..

Волшебника аж затошнило от паскудных предчувствий. Проклятье, да чего ж он тянет?! Что такого могло случиться за те несчастные несколько часов, что Жаворонок в замке отсутствовал?! Появились какие-то подозрения на его счет, Рика в чем-то уличили? Быть не может, не стал бы тогда Ричард с ним разговаривать. Дружба дружбой, а парень государственному преступнику сочувствовать не станет.

– Не томи ты! Что стряслось?

Ричард мялся – то ли не знал, как начать, то ли вовсе разрыдаться боялся. Потом зажмурился и выпалил скороговоркой:

– Гонец прибыл из предгорий... Его высочество Лиар Нейд убит. – Он уставился на Рика отчаянно распахнутыми темными глазами – испуганно и даже, наверное, с жалостью. Не дождался реакции и добавил зачем-то: – Говорят, он даже меча достать не успел, отряд атаковали из засады!.. Перебили всех, кроме одного гвардейца, того специально отпустили, чтоб рассказать мог. Звери...

Жаворонок выслушал сбивчивый монолог, прошел к своей кровати и скинул куртку.

– Тьфу ты, бесы! – с чувством выпалил он. – Это что ж, мне теперь еще белый камзол Анхейру отглаживать?

Ричард растеряно захлопал глазами.

– Камзол?..

– Забудь. Объявили уже?

– Нет, я слышал от господина графа, а в замке пока ничего не известно.

– Ну слава небу. Значит, вся возня начнется позже, а пока будь человеком, не мешай спать.

Он не стал смотреть, как сменяются чувства на лице графского слуги. От испуга и жалости к удивлению, растерянности и далее. Ему было плевать. Ну бес знает, сколько он не спал, что он не человек, что ли?..

Реата Гарта, графиня Альен. Эверран, столица

Реате начинало казаться, что она вовсе ослепла – столько кругом было белого. Стоило оторваться от мостовой, как надвигались со всех сторон траурные флаги. А еще, насколько хватало глаз, тянулась толпа – тоже сплошь белая. Цвет, столь ненавистный Вальду, господствовал сейчас над центральной площадью Эверры, вот разве что небо оставалось безбожно голубым. Что ж, не зря Реата загодя беспокоилась о траурном платье: интуиция графиню не подвела, пригодились.

А впрочем, не нужно тут никакой интуиции, без нее все было ясно. То, что Лиар Альвир не доживет до коронации, понимали почти все, может, даже он сам. Едва ли кто-то из присутствующих был теперь удивлен. Ждут, надеются – каждый на свое, это да... Еще бы: вот-вот появится на площади его светлость граф Иввен, и станет ясно, кто теперь наследник престола. Эйлен Альвир, родная сестра Лиара? Анхейр Гарта, его двоюродный брат, ближайший родственник мужского пола? А что, по ирейским обычаям женщина власти не наследует, а Новый Эверран во многом тяготеет к Далириону. Стало быть, вопрос для многих открытый. Рита не без труда подавила желание скривиться, глядя, как старший сын графа Тарема, Греат, вертится между Эйлен и Анхейром, не зная, кому больше выразить соболезнования. А раньше все Лиара пытался умастить. Доводилось графине видеть шакалов на полях недавних сражений – тоже морды у них такие умные, преданные... А сами мечутся, ждут, смотрят, к кому тут безопаснее подступить, кто быстрее истечет кровью. Очень похоже. И он ведь такой не один, их целая страна! Вот ведь скотство, не Фениксы были главной бедой континента, что бы там ни предрекал Саймор Вайдан. Не Фениксы и не Волки – шакалы.

Сама Реата была готова поставить на кон графскую ленту в пользу того, что новой наследницей будет объявлена Эль Альвир, и дело тут не в законах – ни в новых, ни в старых. Просто править из-за ее спины регенту будет куда как проще. Принцесса Эверрана – набитая дура, которая ничем править неспособна, для нее титул – это лишь возможность носить ирейские кружева и пить дорогие вина. А корона – не более, чем желанная и изысканная безделушка. Идеальная королева, едва ли от нее будет столько же проблем, сколько от ее беспокойного брата. А вот Анхейр непрост, и регент это понимает. Кроме того, пришлось бы делить место за тронном с его матерью, Орган Гарта, которая имеет на сына немалое влияние.

Впрочем, это было совершенно неважно: Греат Тарем не только падальщик, он еще и круглый дурак, если не может решить, к кому лучше подольститься. Эйлен, Анхейр... Все демоны преисподней, какое это имеет значение?! В Эверране давно уже правит только один человек – Сэйгран Иввен. И смерть Лиара никак на это не повлияет.

Реата взглядела в старательно заплаканное личико Эйлен. Принцесса комкала в пальцах край накидки из тончайшего белого шелка, расшитого причудливым узором – специально на такой случай заказывала, не иначе. Нервничает, это видно. Анхейр тоже взволнован, но по нему это не столь заметно, графиня вообще иногда поражалась тому, как ее сводный братец научился владеть своим лицом. Сейчас оно казалось сдержанно скорбным и только.

Перевела взгляд на других. Орган терла совершенно сухие глаза, Эльвинар стоял со скучающим видом, хоть Рита и не сомневалась, что душа ирейца ликует. Арвин был неприлично хмур и задумчив. Вальд выглядел скверно, воспаленные глаза на белом в цвет одежды лице горели тоской и ненавистью – бессильной, мучительной. Графиня торопливо отвернулась, посмотрела туда, где за стеной из гвардейцев и стражников толпились горожане. Надо же... А ведь на лицах у многих оттиснуто было неподдельное горе. Нет, не так выглядела толпа после смерти Сивера Аритена, Реата помнила... Люди, утратившие веру и знамя – это совсем другое. Не короля оплакивает сегодня Эверра, не принца. Но многим из собравшихся попросту

жаль неплохого парня, Лиара Нейда. Вот оно что, как бы ни кривила губы знать, каким бы мягкотелым ни считала Альвира сама Реата, а люди его все же любили.

А потом стихли шепотки над площадью, и графиня Альян так же, как все остальные, склонила голову, приветствуя настоящего владыку Эверрана. До чего же непривычно оказалось видеть его одетым в белое! В отличие от прочей знати, Сэйгран не изображал скорби и не радовался, выражение стеклянно неподвижных глаз не поменялось ничуть, и это было понятно. Он заговорил негромко, как всегда, но Реата поклясться была готова, что его слышно на десятки агмов окрест. А если кто не услышит, ему непременно передадут. Граф же специально не стал собирать господ отдельно, хотел огласки, хотел, чтобы сразу при тысячах свидетелей.

– Сегодня мы получили весть о том, что его высочество Лиар Нейд убит горскими варварами. Он пришел в Закатные горы с добрыми намерениями, выполняя свой долг, стремясь подарить своей стране процветание и мир. Эверран не искал войны, законы, принятые на Совете континента, соблюдались неукоснительно. Однако Долина первой ударила нам в спину, и оставить их подлость неотмщенной было бы преступлением.

Разумно. И эверранцы, и иноземная знать ждали от регента действий. Объявлять Долине войну он не станет, но ему придется по крайней мере выслать карательный отряд, который, между тем, тоже не вернется в столицу, но сможет упокоить некоторое количество горцев. Погибшие будут объявлены героями, принц – отмщенным, и на этом можно будет остановиться. Вопрос только в том, кого регент выберет на роль обреченного героя. Эльвинар ему пока нужен, Вальд, слава всем богам, тоже. Арвин? Тем более. Без него тот сброд, что сейчас охраняет столицу, станет попросту неуправляемым. Оставались Кастен и птицы помельче. Отправить в горы кого-то с не столь громким именем – значит, не сделать широкого жеста, а это непременно вызовет недовольство. Но терять тех, кем регент действительно дорожит?..

– Я обращаюсь к членам эверранского совета, дворянам и гвардейским командирам, – после паузы продолжил граф. – Кто из вас готов взять на себя эту честь и нести возмездие нашим врагам?

Она будто со стороны расслышала собственный судорожный вздох и сцепила зубы. Все демоны преисподней, зарекалась же просчитывать регента!

Рита подумала, что, стой она рядом с Вальдом, вцепилась бы в рукав, умоляла бы, билась... Подумала и тут же себя одернула. Кому она лжет? Стояла бы точно так же – спокойно, не меняясь в лице. Не подобает альянской госпоже молить о чем-то, да и не прислушался бы Вальд. Хотя чем только не шутят бесы... Реата была почти рада, что их разделяло много агмов.

Единственный человек, который был безоговорочно дорог Реате Гарта сделал шаг вперед – в сторону своей смерти, и это было бесовски предсказуемо. А вот чего она никак не ждала, так это того, что Анхейр сделает то же самое, пожалуй, даже опередив Вальда на пару вдохов.

– Ваша светлость, дозвоьте мне принять на себя командование отрядом! – неожиданно звонкий, почти мальчишеский голос графа Сэя разнесся над площадью. Столько в нем было праведного возмущения и самоотверженности, что, видит небо, если б не обстоятельства, Рита любовалась бы его игрой. – Лиар Альвир был не только моим господином, он был моим братом! Я не могу вернуть его, но дайте мне хотя бы отослать в пекло его убийц!

Реата видела, как вздрогнула и побледнела Орган, его мать. Похоже, ее Анхейр не предупредил. А может, он и сам не ждал, что выпадет шанс разыграть подобную карту? Почему бы и нет, Рита ведь тоже не думала, что регент станет искать добровольцев. Зато она, как и Анхейр, знала, что кандидатуру его Сэйгран и рассматривать не станет, слишком это будет накладно. В Закатные горы теперь отправится Вальд, и от этого осознания мутился рассудок. Наверно, это страшно, думать так о собственном младшем брате, пускай и сводном, по отцу... Но сколько бы отдала Реата, чтоб участь эта выпала ему, а не Вальду! Не сложилось у них с Анхейром особой близости, хоть не было и вражды. Рита хорошо понимала его, но никогда по-настоящему не любила.

Регент разомкнул тонкие губы, и она замерла, зная, как все будет, но почему-то все равно надеясь.

– Я понимаю ваш гнев, граф Сэй, но, боюсь, вы не располагаете достаточным опытом для того, чтоб командовать подобной атакой.

– Но, господин!..

А это он зря, помнится, один тут пытался возражать Сэйграну Ивьену... Теперь вот нужно мстить за его смерть. Опасно играет братец, на грани дозволенного!

Но он знал, что делает. От глаз графини не укрылось, с какой теплотой, с каким одобрением теперь смотрели на Анхейра горожане. А регент повернулся к Вальду.

– Я надеюсь, вы понимаете, на что вызвались. – Он дождался сухого согласия. – Значит, так и будет. А сейчас я должен сказать о другом. Лиар Альвир много значил для Эверрана, но теперь его нет, и новый король должен быть назван. Ирган Альвир перед смертью нарек меня хранителем эверранской короны, и по этому праву я называю того, кто займет место Лиара Нейда. Анхейр Гарта граф Сэй! Отныне вы являетесь наследником престола и по достижению полного совершеннолетия станете королем Нового Эверрана.

Показалось, что ослышалась, но судя по выражению лиц собравшихся – не она одна. Да, хорошо, что не с кем было поспорить на графскую ленту, а то с сэйграновскими финтами можно остаться без титула. Анхейр... Почему Анхейр?! Даже если регент уверен, что сможет править из-за его спины, отодвинув Ортан... До совершеннолетия Эйлен Альвир осталось еще три года, в которые он продолжал бы занимать свою должность. Анхейр же на месяц старше Лиара, выходит, его коронация состоится немыслимо скоро. Проклятье, зачем это регенту?!

Ну что ж, братец, не знаю, как ты это сделал, но хорошо, что мы с тобой не ссорились.

Сам новопровозглашенный наследник престола тоже выглядел обескураженным, хотя трудно сказать, насколько искренним было это его чувство. Эйлен застыла с широко распахнутыми глазами, кажется, даже дышать перестала. Можно понять девочку, когда вот так из-под носа уплывает корона Эверрана, попробуй сохранить самообладание. Одобрительный гомон в толпе... Еще бы, Анхейр ведь только что отыграл себе немало очков в их глазах.

Больше ничего важного на площади сказано не было, а может, Рита упустила. Регент объявил о том, что за Эль сохранится титул принцессы, а также она унаследует фамильное графство. Анхейр умело смущался нового положения. Вальд стоял неподвижно, после того, как стало ясно, что жить ему осталось пару недель, ненависть схлынула с его лица, оставив только равнодушие да отголосок пережитого горя. Реата поймала себя на том, что хочет поскорее уйти отсюда, ей вдруг стало до смерти душно на забитой людьми площади. Кругом мелькали чужие лица – равнодушные или озабоченные, разочарованные или радостные – плевать. От этого круговорота графиню начинало мутить. Она сама не поняла, как сумела простоять до окончания регентовской речи. Наконец по ушам ударило оглушительное «Да здравствует Анхейр Гарта» и гвардейцы перестроились, образуя коридор, по которому с площади ушел Сэйгран, а за ним потянулась прочая знать. Как в лихорадке, Гарта шла за толпой, пока не надвинулись на нее распахнутые двери храма Четырех стихий. Все демоны ада, как выдержать еще и службу?.. Внутри пустили только господ, горожане остались на улице, и все равно получилось тесно. Дохнуло в лицо густым и крепким запахом трав.

– Ты волнуешься, невероятно! Не думал, что увижу подобное.

Голос Арвина прозвучал будто издалека, Реата даже не сразу поняла, что он имеет в виду. Музыка тому виной или состояние самой графини – не понять. Впрочем, и говорил стражник тихо, никто не обернулся.

– Не сомневайся, если бы не его, а тебя отослали на смерть, я бы не волновалась.

Рита не видела лица, но знала, что Арвин ухмыляется.

– Ну слава небу, а то ж я на обходах сдохнуть лишний раз боялся, думал, как ты без меня...

– Закрой рот. Небом тебя прошу, Арвин, хоть сейчас... – Она замолчала, поняв, как слабо и жалко звучит ее голос. Проклятье, лишь бы Арвин не начал ее жалеть!

– Как я могу? Я ведь еще не поздравил тебя с возвышением! Сестра будущего короля – солидно звучит, а?.. Кстати, расскажи-ка мне, моя дорогая графиня, что за цирк это сейчас был. Почему регент выбрал Анхейра?

– Понятия не имею. А если бы имела, послала б тебя к верховному демону.

Стражник с сожалением поцокал языком. Реата ждала новой колкости, но ее не последовало, и графиня все-таки обернулась – осторожно, будто невзначай, чтоб у случайного зрителя и мысли не возникло... Обернулась и увидела, как вечная издевка на лице Арвина истаявает свечным воском, оплывает, оставляя лишь ничем неприкрытый страх. Надо же, сколько лет Реате Гарта хотелось стереть опостылевшую ухмылку, увидеть на его лице – ненавистном ли, дорогом, не разобрать! – что-то настоящее... Вот, увидела. Только радости ей это принесло мало.

– Рита?.. А ведь теперь начнется.

Кожу обожгло ознобом – может, от того, что дико и непривычно было слышать, как Арвин произносит ее имя – никогда он к ней так не обращался. А может, дело в сказанном. Стражнику не было нужды объяснять, что он имеет в виду, Реата и без того прекрасно понимала... Он прав, он сотню тысяч раз прав: начнется. Непременно найдутся те, кто попытается оспорить господство Анхейра, прикрывшись именем Эйлен Альвир. Понимая, что Эверран временно ослаблен, напомнят о себе степняки и горцы, феодалы устроят очередной передел земель. Вскипит междоусобицей Дион: если власть Севеля еще на чем-то и держалась, то лишь на лояльности Эверрана, а теперь его непременно скинут родственники маркиза Аварра. И как только это случится, войны не избежать: те требуют мести за убитого в Эверре посла, и непохоже, что станут отступать. И это только начало. Чем больше крови прольется на карты континента, размывая привычные границы, меняя их облик, тем выше поднимут голову шакалы, и тем яростнее они начнут грызться за добычу.

– Знаю, – выдохнула графиня, не представляя, что еще тут можно ответить.

А собеседник принялся пробиваться через толпу в другой конец зала, напоследок как бы случайно зацепив ладонью ее локоть. И от этого простого прикосновения стало немного легче дышать, за что Гарта окончательно возненавидела и себя, и Арвина.

Рик Жаворонок. Эверран, столица

Последние сутки выдались у Рика Жаворонка настолько паскудными, что хоть обратно на каторгу просись. Нет, жизнь в замке и без того медовый пряник не напоминала, но так слуг все же не гоняли. Готовить графские тряпки, убирать залы к траурной церемонии, помогать на кухне, прислуживать за столом... Хорошенькое дельце бегать с кувшином вокруг забитого блюдами стола, если уже не вспомнить, когда тебе самому доводилось поесть! Вначале от запахов рот наполнялся слюной, но это быстро прошло: теперь они попросту вызывали тошноту. Впрочем, так сразу и не разберешь, от запахов тебя тошнит или от обилия скорбных рож – фальшивых, искренних, всяких. Вполне возможно, что дело в последнем, чего уж.

И ведь от болезни своей волшебник пока толком не оправился: то и дело слабость накачивала, а тут совсем... Эх, Нейд, ну что ж ты даже помереть не мог вовремя? Парой недель бы позже, ну что тебе стоило!

По мере того, как сокращался запас выпивки, голоса становились громче, а речь благородных господ все меньше отличалась от того трепя, что Жаворонок привык слышать, шатаясь по кабакам и тюрьмам. Ну что ж, стало быть, высокосветская попойка отличается от обыкновенной только накрахмаленностью салфеток. И если вначале собравшиеся еще толкали высокопарные речи, безбожно повторяя друг за другом, говорили что-то о великой утрате, выражали кому-то соболезнования, то теперь, спустя несколько часов, этим никто уже не утруждался. Покинул зал эверранский регент, сославшись на государственные дела, и собравшиеся как-то разом разбрелись по углам, разбились на небольшие группы. Кое-где уже слышался хохот.

– Уснул?! Иди, отнеси кувшины! – И как Кимир успевает всякий раз нарисоваться за плечом?.. Впрочем, если б не это, Рик и правда мог бы уснуть. – Вон, за тем столом уже нет ничего!

Да понятно, что нет: за тем столом Арвин сидит! Этому сколько ни наливай!.. Рик двинулся, куда велели, волоча два тяжелых кувшина, и боковым зрением ухватил развернувшуюся неподалеку сцену. Вот же бесову бабушку, ну что стоило Кимиру отправить в эту часть зала кого-нибудь другого, а?! Насколько проще была бы жизнь, не окажись Жаворонок поблизости!

Вальд Гарта сидел, отодвинувшись от стола, за весь вечер Рик ни разу не видел, чтоб он притронулся к еде. Выглядел граф так, что его смело можно было хоронить уже сейчас, не дожидаясь, пока ухлопают горцы. Извечно суровое лицо дворянина постарело, выцвело. Интересно, в чем тут дело. Рик, конечно, знал, что граф был привязан к Лиару Нейду, но мало ли кто к нему привязан, что ж теперь следом за ним в петлю лезть? Нет, было тут что-то еще.

Над гартарским графом, явно наплевав на весь замковый этикет и перейдя допустимые границы, навис командир столичной гвардии Теан Эльвинар – нетрезвый и почему-то тоже невеселый. Ну а этому что не по шерсти, вообще не ясно! Злейший враг кони двинул – чего еще человеку надо?.. Видно было, что разговор между этими двумя идет недавно, но уже принял опасные обороты, потому что мелкая придворная шелупонь суетливо покидала свои места и старалась оказаться подальше от злополучного стола. Неизменный Ричард застыл за спиной Гарты, и глаза его выражали не то изумление, не то ужас.

– Да ладно вам, граф, признайтесь хотя бы себе!.. – Эльвинар говорил желчно и зло, на мужественном его портрете застыла ухмылка, очень похожая на болезненный оскал. – Для вас и Гартары сегодня открылись новые возможности, вы и рады, что отныне станете служить собственному брату! К чему этот скорбный вид?

Жаворонок споткнулся о складку ковра и принялся тщательно ее разглаживать. Нет, ну а что, не каждый же день такое увидишь! На бледных скулах Вальда проступили алые пятна. Он дернулся было, но, все-таки сдержавшись, остался сидеть.

– Я буду рад служить законному правителю Эверрана. Независимо от того, кто займет это место, – отчеканил он.

Эльвинар скривился – скептически и, пожалуй, даже брезгливо.

– Оставьте это для регента! Берите пример с брата, пользуйтесь ситуацией. Если будете хорошо выслуживаться, кто знает, может, вам даже пожалуют титул принца!

Вот теперь Рику показалось, что он слышит, как с треском ломается палка, которую только что перегнул Теан Эльвинар. В один миг Гарта оказался на ногах, пошатнув тяжелый дубовый стол.

– Вам, верно, выслуживаться – дело привычное, виконт, – бросил он, глядя в затуманенные злостью и хмелем глаза. – Вот только я никак не возьму в толк, какое дело иррейскому наемнику до эверранского престола. Тем более что с точки зрения Ирея все законно: принцесса Эйлен трона занять не могла. Или же мы все чего-то о вас не знаем? На что вы имели виды, Эльвинар, на корону или на принцессу?

Каким-то особым чутьем, столько раз спасавшим ему жизнь в лесах и на узких улицах, Рик понял – надо проваливать. И все же задержался: бесы б драли его любопытство, ничем-то эту заразу не вытравишь! Гнев до неузнаваемости выбелил лицо Эльвинара, весь хмель с него стерло разом. Интересно, а что его в итоге достало: «иррейский наемник» или Гарта попал в точку, сказав о принцессе? Вот это был бы финт! Впрочем, спокойно этот вопрос обдумать у Рика не вышло, потому что из тонких пальцев иррейца выскользнула перчатка и шлепнулась у ног командира замковой охраны.

Если кто из сидевших неподалеку людей что-то и понял, то все они спешно уткнулись в тарелки или принялись с живейшим интересом разглядывать стенные украшения. Только Ричард побелел, как траурное знамя, взгляд отчаянно распахнутых его глаз заметался и остановился аккурат на Жаворонке.

Сделай что-нибудь. Пожалуйста, сделай!

Ну озвереть, а он-то при чем?! Гарта перчатку возьмет, это ясно, иначе его просто перестанут воспринимать всерьез. Да и с инстинктом самосохранения у парня явные трудности. Он выйдет драться и непременно проиграет: Нейд рассказывал, что с Эльвинаром связывались только те, кому совсем уж жизнь опостылела. Пока регент поединки чести не запретил, тот не один десяток человек успел упокоить, и, говорят, бойцы были не из последних. Если его кто и прикончил бы в бою, так только сам Нейд – и то не сказано. А теперь и не проверишь. В общем, графу конец, но какое до этого должно быть дело Рику Жаворонку? Когда придет время пробиваться к престолу, Вальд Гарта ему союзником не станет, а вот заручиться поддержкой столичной гвардии можно попробовать!

Однако обдумать это времени не было, а полные ужаса глаза графского слуги – были. А тут же и без того деваться некуда от обилия тухлых физий! Еще больше скорби, и Жаворонка точно стошнит.

«Сделай что-нибудь, сделай», – мысленно передразнил он. Вот же люди, из всего-то надо проблему раздуть!

Рик поставил кувшины прямо на пол и метнулся к столу. Подхватил с пола дорогушую перчатку из тонкой замши, опередив Гарту на какую-нибудь долю мгновения, и с поклоном протянул Эльвинару.

– Господин виконт, вы перчаточку обронили, дозвоьте вам услужить!

Каким-то небесным чудом ухитрился сохранить серьезный тон – хрен кто подкопается! Видят боги, нелегко это оказалось: таким ошалевшим гвардейский командир не выглядел, наверное, никогда. Эх, а все-таки жаль, что тут Нейда нет! Он бы шутку оценил.

Секунды шли. Рик кроил самую глупую мину из всех, что умел, Теан Эльвинар застыл, как парализованный, Гарта – тоже. На выразительном лице Ричарда отпечаталась смесь ужаса с откровенным восторгом. И пес знает, чем бы это все закончилось: может, твердолобый Гарта

все-таки сказал бы, что принимает вызов, может, иреец схватился бы за меч... Но тут раздался хохот – задорный, самозабвенный, – и Жаворонок, подняв глаза, увидел господина Арвина. Надо же, а этот когда нарисовался?..

– Вы уж поаккуратнее, виконт... вещами-то разбрасывайтесь... – задыхаясь, выпалил стражник.

Эльвинар вздрогнул и наконец вышел из оцепенения. Брезгливо передернул плечами и направился к дверям. А, туда ему и дорога.

Рик поднял кувшины и потащил дальше, куда велели. Ну их, этих любителей трагедии. Придумают себе идиотские принципы – такие, что не обойдешь, и дохнут потом на ровном месте.

Ричард нашел его уже после, час, наверно, прошел, может, и того больше. Благородные господа изволили окончательно ужраться или просто разойтись, от торжественной обстановки мало что осталось, так что и слугам стало попроще.

– Рик, я не знаю, как благодарить тебя. То, что ты сделал...

– Глупость я сделал, – хмуро отрезал Жаворонок. Он окончательно вымотался и чувствовал себя еще паскудней, чем час назад – хотя казалось, что уже и некуда. – Граф твой все равно покойник, его горцы уже через пару недель прикончат. И ты, кстати, тоже, потому что они разбираться не будут, слуга ты или не слуга – пойдешь с графом, и тебя тоже не пощадят. А Эльвинара за поединок с Гартой судили бы и, может, наконец бы вздернули. Одним уродом в совете меньше, поди плохо!

Волшебник думал, что мальчишка ужаснется таким крамольным речам и наконец отвянет со своей бесполезной благодарностью, но тот неожиданно кивнул.

– Ты меня зря таким уж дураком считаешь, все я понимаю. И что убить нас обоих могут – тоже. Только знаешь, за лишнее время возле него я тебе до самой смерти буду благодарен. И не важно, через пару недель меня убьют, или мне еще сто лет жить.

Тьфу, бесы. Вот же натура собачья!

Только, положи руку на сердце, он и сам, наверно, немало бы отдал за лишних две недели возле дорогого ему человека. Глупо это было, абсурдно даже... Но ведь отдал бы! Наверно, поэтому он и вмешался сегодня, не утерпел. А ведь Эльвинар этого не забудет.

Жаворонку вдруг почти воочию увиделось, как человек в сером плаще с бледно-красной подкладкой укоризненно кривит широкую физию: да, мол, умеешь ты себе врагов находить. Кривит, но в глубине души, кажется, гордится.

А потом Анхейр изволил с приятелями переместиться в свои комнаты, и Кимир, который прекрасно умел определить, кто сейчас окажется в любимчиках, отправил Жаворонка прислуживать там. Среди собравшихся Рик не заметил больше никого из членов регентского совета, тут подобрались дворяне помельче, очевидно, те, кто в свое время поставил на графа Сэя. Волшебник большинство из них и видел-то чуть ли не первый раз в жизни. К счастью, эти уже не пытались демонстративно скорбеть. Теперь со всех сторон сыпались не соболезнования, а поздравления будущему королю, Анхейру Гарте. Тот в свою очередь держался великолепно: пьяно хохотал, терял нить беседы и заговаривался больше других, умудряясь при этом не сказать абсолютно ничего лишнего, но выводя собеседников на самые скользкие темы. Рик поклясться был готов, что граф Сэй практически трезв, а к альдорской, которую он потребовал подать, даже не притрагивался. Сегодняшний скандальный случай за столом обсуждался, как лучший анекдот, он обрастал подробностями и деталями. Анхейр сетовал, что не увидел всего лично, а еще не скупился на острые замечания в адрес виконта Эльвинара. Ну, к ирейцу вообще мало кто питал симпатии, хоть в лицо все и лебезили, как могли. Просто бывают люди, про которых где ни скажи гадость – всегда услышишь множество согласных возгласов. Гвардейский командир определенно был из таких.

– О-о, господа, а это же и есть тот парнишка, о котором я вам рассказывал! – воскликнул Анхейр Гарта, когда Жаворонок подошел наполнить кубки. Даже по локтю снисходительно так похлопал.

– Господин, да я при дворе человек новый, с приличиями мало знаком, уж простите, если что не так сделал... – пробормотал Рик накрепко заученную фразу, которую сегодня твердил без конца. Все-таки полезное это дело, иметь настолько дурную славу! Там, где весь двор стоит, зажатый беспощадными тисками этикета, у тебя остаются развязаны руки. А что, на каторге тому этикету не учат!

Анхейр одобрительно рассмеялся.

– Ну что ж, по крайней мере, теперь мы знаем, за что его так ценил наш друг Альвир!

Рик в очередной раз скрючился в поклоне и отступил в тень. До того ему вдруг стало противно... Вот они все гадают, за что эверранский принц ценил мальчишку-висельника, какой от того был прок. И ни один из них никогда не поймет... Как бы ни пытался Анхейр Гарта в глазах простонародья походить на своего предшественника, никогда он не станет на него похожим. Потому что тот не искал выгоды во всем на свете, он просто жил, как умел, и пытался сделать все кругом чуточку лучше. И бесы сожри, ведь у него получалось.

А теперь он был мертв, и это правильно, так и должно было случиться! Человек в сером плаще преградил дорогу к трону принцу из рода Фениксов, и смерть его была делом неизбежным. Но бесову мать!.. Сквозь беспощадно циничные расчеты, сквозь отупляющую усталость, неотвратимо, как кровь через бинты, проступало осознание... Он мертв, и никогда его больше не будет.

А потом Греат Тарем – пес знает, как этот вообще сюда затесался, он-то раньше Анхейра в упор не замечал – пьяно похлопал Рика по плечу. Примерно так же он когда-то трепал нейдовского Нетопырька, чтоб польстить хозяину. И даже сунул волшебнику кубок, мол, смотрите как я за нового короля счастлив, аж с висельником выпить готов.

– А ты чего не веселишься? – пьяно укорил он. – Ты, что же, не рад, что твой господин, Анхейр Гарта, теперь на престол взойдет? Альвиру до короля было как до Альдоры пешком! Или на этом его... с позволения сказать, коне!

Кто-то хохотнул, кто-то поостерегся. А Жаворонок стиснул протянутый кубок так, что пальцы свело. Вот так оно теперь все и будет. Смирись, привыкай... В этом болоте тебе теперь до гроба барахтаться.

Наверно, надо было скроить смущенную мину, сделать пару глотков и, бормоча благодарности, слинять подальше от стола. Видит небо, так он и намеревался поступить! Только что-то внутри щелкнуло, как вставший на место сустав.

– Фениксовы перья!.. – отдельно и внятно выговорил он, отставляя кубок. – Ты, уважаемый, думаешь, если висельник, так я теперь с любой мразью пить стану? И за любую дрянь?

В раскатившейся тишине оглушительно трещало свечное пламя, и Рик только теперь почувствовал, что не один. Пламя не оставит и не предаст, ничего ему эти выродки не сделают, он сможет прорваться. А из замка давно пора проваливать. Под Аллиру или еще куда – видно будет. Может, сейчас, когда все завертится, он и был бы здесь полезней, чем в лесах, но бесы сожри!.. Раз за разом пялиться в пол при виде этих стервятников? Пить с ними за смерть человека в сером плаще? Какая корона стоит этого?!

Он потянулся к своей магии, готовясь ударить, как только кто-нибудь кликнет стражу, но не довелось. Первым очнулся Анхейр, и Рик понял, что жизнь дает ему еще один шанс. Нужен ли он волшебнику – вопрос другой.

– Небесные горы, Греат, мальчик так спятил от горя, что начал заговариваться! Альвир много значил для него, а я совсем не подумал об этом! – сокрушенно покачал головой он. – Разумеется, никто не смеет оскорблять моих друзей, и ты волен выбрать для него любую

участь! Но я прошу тебя... Нам всем есть, чему поучиться у моего предшественника, он, как никто, умел прощать. Давайте же в память о нем тоже будем милосердными!

Хорошо у него получилось, вдохновенно так! Быстро Анхейр сориентировался и решил урвать себе кусочек лиаровской славы. Действительно, если уже сегодня он вздернет или даже отправит под кнут слугу, навязанного ему покойным принцем, истолковано это может быть по-всякому, и, кто знает, как это сумеют использовать его враги. А так все приличия Анхейр сумел соблюсти: предложил Тарему определить участь зарвавшейся черни. Только понятно же, что отказать будущему королю в просьбе быть милосердным этот хмырь не посмеет.

Рик это все отметил краешком сознания, по привычке. А так было ему, если честно, плевать. Он готов был драться. Он к чему угодно был готов, только б оказаться подальше от этого места и этих людей, сожри их бесы.

– Конечно, мой граф! – кое-как выдохнул Тарем. Выглядел он неважно, лицо с близко посаженными глазами приобрело зеленовато-серый оттенок, поверх обзаведясь грязно бурными пятнами. Примерно так смотрелся лишайник, которым все скалы увешаны в восточной Адели.

Анхейр еще что-то говорил, восхищался широтой таремовской души, сокрушался чему-то, кому-то льстил. Потом позвал Жаворонка и сказал, что тот свободенна ближайшие несколько дней, пусть побудет один, чтобы справиться со своим горем.

Рик не помнил, как выбрался из комнат Сэя, как оказался у лестницы. Еще с полчаса назад маг уверен был, что все на свете отдаст за возможность зайти к себе в комнату и рухнуть на кровать, а теперь сама мысль об этом вызывала оторопь. Вот и вышло, что остаться в замке он не мог, а идти ему было некуда. Ноги сами вынесли к внешней стене, откуда-то из наплывающего тумана вынырнул знакомый дом, крытый давно облезлым тесом, и Рик постучал, стараясь не думать о том, что ему могут не открыть. Повезло, скрип старенькой двери на перекошенных петлях разорвал тишину ночной Эверры. Эрид, шагнувший навстречу, посмотрел в лицо гостю, и глаза его стали почти растерянными.

«Пошлет к бесам, и ладно», – мелькнула равнодушная мысль. Рик сам не знал, зачем пришел и что надеялся услышать. Он вообще ничего уже не знал, сознание барахталось в наплывающей мути, и ничего-ничего уже было не разобрать.

– Ты что здесь?.. – начал мужчина, но почему-то замолчал и отодвинулся, давая пройти.

– Эрид?.. А у меня друг умер, – неожиданно для самого себя выпалил Жаворонок. Надо же, так легко это прозвучало, так правильно. А он зачем-то вертел в голове всю эту дрянь так и эдак, сам себе пытался что-то объяснить... – Ну или не друг – не знаю. Вообще-то, если б его горцы не прикончили, я б его сам потом... Или это сделала бы та тварь из Зеркала. Так что мне бы радоваться, но знаешь?.. А ни хрена не радостно!

Он понял, что подгибаются ноги, и, может, упал бы, но Эрид ухватил за плечи и легко, будто мешок с соломой, подтащил к скамье.

– Не поверишь, но я могу понять, каково это, – буркнул стражник. – Друг, сослуживец... Переметнулся к степнякам, и его наши в бою у Рионы ухлопали. Самому бы пришлось, да повезло: стрелу в плечо поймал раньше.

В ладонях оказалась кружка с крепкой ягодной дрянью, часть которой волшебник едва не расплескал себе на грудь. Лишь теперь он понял, как дрожат руки.

– Да мне бы пива лучше...

– Ты не в кабакашел, тут выбирать не из чего.

Напиток обжег гортань.

– А третью ты ему наливаешь, да?

Эрид не ответил, но почему-то Рик все равно понял.

Так и потянулся рваный, скомканный разговор без ответов, а иногда и без вопросов. Наверно, если наблюдать со стороны – вообще ни беса не будет ясно! Но они смотрели друг на друга и впервые в жизни ухитрились понимать. Бесы разберут как, но почему-то ухитрились.

А потом, когда слова стали окончательно не нужны, волшебник почувствовал, что из пальцев забирают так и не опустевшую кружку, и это было последним, что он запомнил. А потом облезлые стены чужого дома исчезли, и кругом вдруг стало ослепительно светло от беспощадного степного солнца.

Анхейр Гарта, граф Сэй. Эверран, столица

Анхейр с силой провел по лицу ладонью и принялся стягивать давно уже не белую траурную куртку. Слуг отослал: после стольких часов соблезнований и поздравлений захотелось побыть одному. Нет, настроение оставалось приподнятым, Анхейр Гарта доволен был последними событиями и – к чему излишняя скромность? – собой он тоже был весьма доволен. Просто утомился. Пожалуй, он даже был пьян – не напитками, конечно: их он старательно разливал по столу и вороту, демонстрируя, что ни беса уже не соображает, но почти не пил. Скорее уж голову кружило от невыразимо точных, подчас опасных финтов, что он выделял весь минувший день. Представление вышло отменным, словно граф тщательно к нему готовился! А между тем, был этот спектакль откровенной импровизацией, потому что последние события сумели застать Анхейра Гарту врасплох.

И как оно все так вышло? Подумать только, весь двор задается вопросом, что Анхейр пообещал регенту, чем купил... А он сам чуть не лишился чувств, когда Сэйгран провозгласил его новым наследником! Они же с матерью готовились уже поднимать Ирей, ожидали своей команды отряды наемников... Восстание против регента было подготовлено и продумано, но вот корона сама падает в открытые ладони, как спелое яблоко. Невероятно!

Впрочем, и расслабляться рано: проблем хватает – что новых, что старых. А тут еще мальчишка этот, Лиаром навязанный... Нет, за эпизод с перчаткой граф был слуге признателен: и братца его темпераментного уберег, и повеселил отменно. Но то, что он отколол потом... Греат Тарем много у кого вызывал тошноту, но в редком споре между знатью и чернью дворянин не может принимать сторону последних, это закон. Сивер Феникс, помнится, этот закон не признавал, и как только выпал случай, многие влиятельные люди пошли против него. Нет, Анхейр ошибок своих предшественников повторять не собирался. К тому же, отец Греата располагал солидным состоянием, и нужно было непременно сохранить с ним добрые отношения. Вот и выходило на первый взгляд, что проще всего было отдать Тарему Рика Жаворонка... Но уж если взялся подражать покойному Лиару, то надо быть последовательным и корчить из себя блаженного. Потом, через время, Анхейр от парня избавится: уж больно много от того может быть проблем, – но аккуратно, без шума. Хотя жаль будет: парень действительно умеет повеселить.

В любом случае сейчас было не до того. Как бы граф Сэй ни вымотался, а лечь спать он не спешил: грызла его одна мысль... Не рано ли они отказались от восстания? Да, сейчас он, Анхейр Гарта, объявлен наследником, но кто знает, что затеял регент и в который момент передумает. А хоть бы и не передумал, что толку с той короны? Пока жив Сэйгран Ивьен, к реальной власти никто другой не подступится. Уж не лучший ли сейчас момент для того, чтоб исполнить мечту сотен тысяч людей и прикончить наконец дорогого дядюшку? И времени-то на раздумья толком нет, слишком внезапно все случилось! А шанс уплывет из-под носа, если им не воспользоваться, и ходи потом сожалеи всю жизнь. Впрочем, и риск выходит изрядный!

Анхейр выругался и принялся снова застегивать пуговицы – мелкие, близко сидящие, неудобные. И какая сволочь придумала?.. Вышел за дверь, не пытаясь просочиться незамеченным мимо постов: бесполезное же дело, все равно приметят! Шел, не таясь, временами спотыкаясь и придерживаясь за стену. Пусть знают, что подпившего господина посреди ночи понесло к брату. А что, Вальду же с рассветом уходить, и едва ли ему доведется возвращаться. К слову, не исключено, что именно это стало еще одной причиной поторопиться, хотя Анхейр и пытался руководствоваться одним только разумом. Плохо, если так! Еще к матери за советом не сходишь: госпожа Ортан не любит риск и не любит Вальда, так что решение пришлось принимать самому. Лишь бы не довелось жалеть.

Дверь открыли сразу же, значит, спать брат так и не ложился. Ну разумеется: чем высыпаться перед опасной поездкой, благородному человеку приличествует заняться самокопанием. Собственно, еще одна причина, по которой Анхейр предпочитал быть мерзавцем и циником. Они лучше спят и живут, к слову, дольше.

– Зайду ненадолго?

Вальд пожал плечами и прошел вглубь комнаты. Неодобрительно взглянул на залитую темным вином куртку брата.

– Тебе следовало бы вести себя более сдержано. Особенно теперь, когда ты – наследник короны.

Ах, боги, ну не зануда? Хоть перед собственной смертью мог бы не читать морали!

– Мне? – граф Сэй бесцеремонно опустил ся прямо на край стола. – А может, тебе? Когда говоришь с подонками, вроде Эльвинара, когда вызываешься добровольцем в Закатные горы...

Вальда перекосило так, словно полную кружку альдорской разом хватил. Вновь проступила на лице ненависть, которую он так старательно весь минувший день пытался спрятать.

– А что же ты сам рвался в Закатные горы? Уж не для того ли, чтоб угодить толпе, ничем, по сути, не рискуя? – вскинулся он.

Ну кто бы мог подумать, дурак дураком, а раскурил! Впрочем, если б графа Сэя так легко было смутить, он бы в политику не лез вовсе. Сидел бы дома в Гартаре, подальше от столичного гадюшника.

– Тебя уберечь пытался!

Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте и богатый военный опыт старшего брата, Анхейр давно научился видеть его насквозь. Вот и сейчас он ощутил растерянность и смущение Вальда за несколько вдохов до того, как они проступили на его лице.

– Неужели? Хочешь сказать, если б регент это одобрил, ты рванул бы к горцам вместо меня? – недоверчиво выдохнул брат.

Врать не было охоты, да и нужды тоже не было.

– Побойся неба, я похож на умалишенного? Отсиделся бы где-нибудь, а там придумал бы, что сказать. А не смотри так! Кому она вообще нужна, эта поездка? Ну давай, скажи, кому? Думаешь, Лиар твой был бы счастлив, что следом за ним еще и тебя упокоят вместе с целым отрядом?!

– Перестань! – отрезал брат. – Лиар Альвир стоил того, чтоб за него отомстили.

Ну еще бы! Вальд на покойного принца только что не молился. Анхейр даже почувствовал укол недопустимой, совершенно детской ревности: он отлично понимал, что прикончи горцы его, а не Лиара, брат перенес бы это куда легче. Впрочем, граф Сэй быстро с собой справился и продолжил говорить ровно то, что требовалось.

– Кому отомстили, Вальд? – Если до этого он почти кричал, то теперь заставил голос упасть до шепота. Безотказный прием. – Тебе не хуже моего известно, что не горцы виновны в его смерти. Тебя собственная ненависть разодрала бы, не сорви ты ее хоть на ком-то, вот ты и выбрал их! Потому что на настоящем убийце Лиара Альвира ты срываться не можешь, ты ему присягу давал! Только достойно ли гвардейца и дворянина лгать самому себе? Любому ясно, что это была не поездка, а форма казни! А если б регент бросил принца леопардам, как поступают с преступниками в Альдоре, ты бы пошел мстить леопардам?

Анхейр метил наверняка и знал, что не промахнется. Вальд несколько секунд сидел оцепеневший, а потом с размаху ударил по столу, разметав какие-то бумаги.

Да, братец, никто не любит правду, я знаю.

– Замолчи. Закрой рот и выметайся! – прошептал Вальд.

– Ах, ну разумеется! Давай, начни еще ненавидеть меня, это же куда проще, чем посмотреть в глаза проклятой правде! Ты так гордишься своей верностью присяге! Только знаешь, если б ты нашел в себе силы забыть про гордость, Лиара ты мог спасти! – Анхейр выдержал

некоторую паузу, давая Вальду время осмыслить сказанное, дождался, пока лицо его еще сильнее потемнеет от гнева. О небо, знай матушка, над какой пропастью Анхейр сейчас балансирует, ее, несомненно, хватил бы удар. Признаться, он и сам на миг испугался, но вовремя взял себя в руки и выложил главный козырь:– Ты даже Агальт мог спасти когда-то! Тысячи человеческих жизней или твоя треклятая верность присяге! Давай, храни ее и погибни сам. Или выживи чудом, возвращайся и продолжай служить кровавой мрази за трон! Это же так благородно! Только подумай, кого ты не осмелишься спасти в следующий раз. Меня? Реату?

Анхейр позволил голосу сорваться и с вызовом уставился на старшего брата. Давайте, мол, режьте, я знаю, что прав! Тот молчал – не оттого, что сказать было нечего, напротив. Изошренная брань, обвинения, угрозы и просьбы – все это застревало в перехваченном горле, заставляя Вальда бессильно сжимать кулаки. Ну что, если охрану до сих пор не кликнул и за меч не схватился, значит шансы есть!

Как было бы кстати, прими сейчас Вальд верное решение! Боги свидетели, Анхейр искренне хотел бы, чтоб брат не совался в Закатные горы и остался в живых. Но главное, конечно, не это. Замковая охрана – серьезное препятствие для мятежа, и если она окажется подконтрольна Анхейру...

Ну давай же, брат! Спихнем этого ублюдка, ты останешься жив, а я наконец получу свою корону. Что же ты?..

Но то ли недостаточно Анхейр надавил, то ли, напротив, перегнул палку. А может, дело в том, что Вальд совсем уж безнадежно заостенел в своих убеждениях... Лицо его поскучнело, та буря чувств, что бушевала на нем мгновение назад, схлынула.

– Я сделаю вид, что не понял твоих намеков, но не советую тебе их повторять. Потому что в следующий раз я исполню свой долг, как подобает. Я прожил не самую праведную жизнь, и сделай мне одолжение: не заставляй напоследок доносить на собственного брата, а затем смотреть, как его вздернут, объявив изменником и бунтовщиком. Тем более, что через пару месяцев ты наденешь корону, и тогда сможешь отдавать приказы.

Потрясающе упертый идиот. Тридцать лет парню, а не понимает, что никто, кроме регента, приказов отдавать никогда не будет. Да и потом... Он-то, Анхейр, корону, может, и наденет, но его упертому братцу этого уже не увидеть!

Наверно, можно было попытаться еще раз, найти новые аргументы, потянуть за новые крючки. Но Анхейр Гарта уже видел, уже знал наверняка, что до дурака этого ему не достучаться. Ладно. Ладно, бесы с ним, в конце концов, преемник Вальда может оказаться куда сговорчивее.

– Ну что, тогда мне сказать больше нечего.

– Вижу. Ступай спать. Ты пьян и несешь ерунду.

Сэйский граф досадливо поморщился. Признаться, он порядком подустал это слушать за двадцать лет своей жизни. Вальд отмахивался от него всегда, и неважно, пьян был Анхейр или трезв. Такое впечатление, что сказать что-то дельное он неспособен в принципе. Раньше это вызывало обиду и даже ярость, теперь – раздражение. Он давно не пытался что-то доказывать брату и тем более не стремился уже добиться взаимности. Что поделаешь, насильно не будешь ни нужен, ни дорог, да и сам Вальд не виноват, что не испытывает к Анхейру теплых чувств. Так уж получилось, и довольно об этом, а то недолго превратиться в собственную мать, человека, чьими помыслами движут обиды и откровенная жалость к себе. Каждый получит то, что должен: кто-то изогнутый горский клинок между ребер, а кто-то эверранскую корону, и жаловаться на такой расклад Анхейр Гарта не собирался.

И только на одну секунду, уже затворив за собой дверь, он вдруг почувствовал себя так же, как в детстве, еще в Гартаре. Когда смотрел вслед уходящему в поход брату и не Акодану⁹

⁹ Акодан – бог войны, чтимый на континенте. Изображается в виде воина, держащего в одной руке широкий меч, а в

молился, но Ане. Потому что плевать ему было, победит Вальд или нет, лишь бы только увидеть его снова! Раненным, поверженным, любим! Лишь бы только возвращался. Впрочем, это быстро прошло. Анхейр вообще сентиментальность не жаловал: от нее, говорят, портится здоровье. В конце концов, то, что Вальд обречен, было ясно уже давно. Время такое. В эпоху перемен отсутствие мозгов равносильно смертному приговору. Лиар Нейд тому живое... кхм, вернее, уже не очень живое доказательство.

Идиот-братец – это еще ничего. Куда хуже то, что у Анхейра хватало родственников умных и расчетливых, и с ними предстояло вести игру. О том и надлежало думать.

Глава 3

Граф Вальд Гарта, командир охраны эверрской крепости. Эверран, окрестности Орта

Он сам не понимал, к чему эта спешка, но гнал вперед, будто одержимый, даже на основной тракт не стал выезжать, чтоб не терять времени. Кажется, именно так всегда путешествовал Лиар – налегке, почти без привалов, по колено утопая в раскисшей глине. Но Лиар-то знал, куда и зачем торопится. Вальд – нет. Везде, где можно было, он уже безнадежно опоздал, и ни демона теперь не исправишь.

Риам, человек, которому граф Гарта мог без опаски передать отряд, мертв – погиб, пытается защитить дионского посла Аварра. Пришлось, уезжая, назначить командиром Сола. Не лучшая кандидатура, но другие подходили и того меньше. Проклятье, ведь командовать замковой охраной – это не просто быть толковым бойцом, до одури лояльным новой династии, не просто раздавать приказы. Это и место в регентском совете! Нет, мало кто из ребят подходит на эту роль, так что и выбора особого у Вальда не оказалось. И, кто знает, может быть, тот же Анхейр запудрит мозги новому командиру охраны, расскажет о справедливости и мести. Риам послал бы в пекло, а Сол... Нет, купить его не смогут, человек он бесконечно преданный Эверрану, но вот убедить в том, что так для этого самого Эверрана лучше... Кто знает. Анхейр умеет убеждать. Сдать его надо было ко всем бесам, но и на это Вальда не хватило. Ничего-то в своей жизни он не довел до конца.

Как же так вышло, что его собственный брат стал призывать к мятежу?! Что Вальд сделал не так, почему раньше не разглядел?.. Впрочем, не так он и вглядывался. Заниматься воспитанием брата ему не позволяла Орган, а Вальд, признаться, не слишком настаивал. Сначала бесконечные тренировки, затем походы, место при дворе... Вот и получилось так, что об Анхейре он ничего толком не знает.

А новый наследник короны весьма проницателен, стоило отдать должное. Он умеет видеть людей, знает их слабые места и потаенные струны в сердцах. Что ж, может, это и хорошо. Лиар Нейд, человек с безупречно чистой душой и недалеким умом, при дворе не выжил, и это было предсказуемо. Таким, как он, там не место. Анхейр – дело другое.

И только в одном брат все-таки ошибся, не рассчитал. Решил, что Вальд во всем случившемся винит регента и от безысходности готов выплеснуть свой гнев на горцах. Чуть! Не регента и не горцев больше всего ненавидел гартарский граф, так что к демонам их всех! Себя он ненавидел куда сильнее. За проклятое свое бездействие, за собачью натуру... Он не посмел возразить регенту под Агальтом и не сделал этого теперь, когда тот отсылал Лиара на гибель. Служил новой династии, не обсуждая приказы и не задавая вопросов. Мыслей крамольных и тех не допускал! От этого становилось тошно, но по-другому было нельзя, потому что в искорванном, перекрученном мире хоть что-то должно остаться неизблемым. Гвардеец должен хранить верность своей присяге, и никак иначе.

Годы абсолютного беспросветного бессилия, когда видишь, в какую бездну катится все на свете, но клятва не дает воспротивиться!.. Нет, ни к кому Вальд Гарта не испытывал такой горячей ненависти, как к самому себе! Оттого и принял он столь охотно свой смертный приговор, который теперь торопился привести в исполнение.

Остальных только жаль, они-то для чего здесь? Почти четыре сотни бойцов – вот уж не ждал от регента такого расточительства! Хотя, может, и были у того свои мотивы, не случайно же он людей подбирал. Навязал вон в числе прочих Адалана Этера, своего секретаря, – того,

что всегда вызывал у Гарты смесь раздражения и брезгливости. Гвардеец, который имеет дело с бумагами, но толком не держал в руках меча – было в этом нечто противное натуре графа. Что ж, двор давно гадал, когда же регент сочтет нужным избавиться от Этера: слишком надолго тот задержался. Обычно-то приближенные Сэйграна сменяются куда быстрее.

Вдалеке среди зелени прорезалась льдисто-голубая поверхность Рионы, вдоль ее берега Гарта и собирался вести отряд – так было быстрее. Не нарваться б только на степняков! Вообще, они теперь редко суются на южный берег, но успевший с ними навоеваться Вальд все же опасался новых набегов. А впрочем, какая разница? По большому счету ему было плевать, кто приведет в исполнение его приговор. Горцы, «лошадники» или озверевший от хмеля и амбиций Теан Эльвинар.

– Господин граф, дозволейте обратиться, – услышал Вальд голос Этера. Помяни беса.

Гарта раздраженно отмахнулся.

– Не сейчас. Подойдете во время привала.

Говорить с опальным секретарем и так не было желания, а уж из седла, на тропе, где ехать получается разве что друг за другом?..

– Боюсь, я вынужден настаивать.

Лицо Этера не изменилось и на альм, казенное безразличие прикипело к нему намертво. Не зря все-таки считается, будто животные и прислуга приобретают с годами черты своих хозяев!.. Вальд готов был напомнить Этеру, с кем тот разговаривает, да возможности не представилось. Тот, спешившись, ухватил графскую лошадь за повод. Венге возмущенно мотнула головой, но остановилась.

– Прошу вас ознакомиться с этим документом, – все так же ровно произнес гвардеец, протягивая бледному от гнева Вальду конверт, на котором была оттиснута личная печать эверранского регента. – Сейчас.

Гарта стиснул зубы и подальше задвинул уязвленную гордость. Демон с ней, с гордостью, к чему она мертвецу?

Останавливать отряд посреди тропы было бы не лучшей мыслью, так что он снова тронул бока Венге и принялся разворачивать бумагу уже на ходу. Почерк определенно принадлежал Ивьену, и лист плотной дорогой бумаги не был исписан даже на четверть. Что ж, регент всегда был лаконичен.

...достигнув берега Рионы, двигаться не на запад, к Каменному городу, а на восток к дионской границе. У Косого порога будет ожидать барон Тэйгрим, он сопроводит вас до Реймы, где в ближайшие дни я ожидаю попытку государственного переворота. Наш долг помочь Севелю Дионскому, законному королю, в борьбе с мятежниками. В случае успешного исхода, незамедлительно предоставьте Адалану Этеру возможность переговорить с его величеством. Лично и наедине.

Вальд вздрогнул, когда Венге, оставшись без внимания всадника, ухватила зубами повисшую над тропой ветку. Раздраженно дернул поводья.

– Стоянка десять минут! – скомандовал он, прекрасно понимая, что от такого отдыха пользы не будет никому. Но проклятье, Вальд должен дочитать эту демонову бумагу и должен понять, кто из них двоих лишился рассудка: он или регент Нового Эверрана.

...Некоторые приказы для вас также переданы мной устно через господина Этера. Кроме того, он ответит вам на те вопросы, на которые будет необходимо.

Все. Не считая короткого приветствия и подписи, на листе ничего больше не было. Голова закружилась. Граф оперся о седло и повернулся к Этеру.

– Отойдем.

Поискал глазами Ричарда – отдать поводья, и спохватился только через пару мгновений. Проклятье, граф же сам оставил его в столице: нечего прислуге делать на войне. Пришлось кивнуть на Венге ближайшему гвардейцу.

– Ваша светлость? – Этер учтиво склонил голову и молча уставился под ноги. Как всегда. Проклятье, как он вообще ходит, не налетая на людей, если всегда пялится в землю?!

Вальд, не оборачиваясь, зашагал вглубь подлеска. Дождался, пока деревья скроют их от возможных наблюдателей, и, остановившись, сунул письмо под нос своему спутнику.

– Читайте.

Тот лишь мельком взглянул на текст – похоже, видел его не впервые. Проклятье, Этер понимал в происходящем куда больше Вальда, и, боги свидетели, это пора было исправить!

Он сделал шаг вперед, заставляя Этера вжаться спиной в стену плотного кустарника, и лишь чудом удержался от того, чтоб схватить его за отвороты форменной куртки.

– Что это значит?!

Тот посмотрел с вежливым удивлением.

– Осмелюсь предположить, что известие о смерти Лиара Нейда развязало руки дионским мятежникам во главе с Элирисом Аварром. Именно сейчас, когда Эверран не сможет вмешаться и оказать помощь...

Гарта на него только посмотрел, но этого оказалось достаточно. Секретарь, похоже, обладал чутьем на опасность и знал, когда лучше заткнуться. Что-то такое творилось сейчас в душе у гартарского графа... Остатки привычной сдержанности выворачивались из пальцев, как скользкое от крови копейное древко, и ничего с собой было не поделать. Что-то внутри него – беспощадно смятое, искореженное, сдавленное – достигло предела прочности. Еще мгновение, еще альм, и все – лопнет, разлетится. Двенадцать проклятых лет!.. Не задавая вопросов, не смея возражать... Это демоново письмо оказалось той самой пресловутой соломинкой, что способна переломить хребет.

Нападение на замок, убийство посла и смерть Риама, вторжение колдуна и обжигающая ненависть в его светлых глазах – заслуженная ненависть. Гибель Лиара, предательство Анхейра, неумолимое осознание собственной скорой смерти. И вот теперь эта бумага. В горах Вальда Гарту могла ждать только гибель, но в Дионе... Что ждет его в Дионе, граф не знал.

Он снова поднял взгляд, показавшийся ему свинцово тяжелым. Настолько тяжелым, что надорваться было в пору ко всем демонам.

– Если вы считаете меня идиотом, то лучше пересмотрите свои взгляды, – отчеканил Вальд, из последних сил хватаясь за привычную холодность. – То, что в Дионе начнется переворот, было ясно любому! Но какое отношение к этому имею я?! Я вызвался мстить за гибель своего принца. Добровольно вызвался, Этер! Плевать мне и на дела Севеля, и на дела всего Диона, слышите? Если вы не объяснитесь, я разорву эту бумагу у вас на глазах и отправлюсь в Закатные горы, вам ясно?!

Собеседник в очередной раз наклонил голову, тряхнув кудрями невнятно-мышинного оттенка.

– При всем уважении, господин, вы, верно, переоцениваете мои полномочия. Я осведомлен немногим лучше вашего и могу лишь исполнять волю регента. Однако рискну заметить, что ваше желание мстить за смерть принца несколько... несколько преждевременно.

Вот теперь пальцы все-таки метнулись к этеровскому воротнику, впились в ткань. Перед глазами стало совсем темно.

– Повтори!

Страшная, невыносимая в своей эфемерности надежда опалила внутренности, навалилась неподъемной тяжестью, погребая под собой остатки самоконтроля.

– Повтори!.. – Голос подводил, отказывался повиноваться. Этер дернулся и зашелся кашлем. Вальд насилу разжал пальцы, высвобождая форменную куртку гвардейца. – Он жив?!

– Я не располагаю такой информацией, – хрипло, но с теми же казенными интонациями откликнулся Этер. Однако, видимо, что-то поняв, торопливо добавил: – Как и не слышал обратного. Предгорья далеко, сведенья доходят медленно. Могу лишь точно сказать, что гвар-

деец, принесший весть о гибели принца, никогда там не бывал. Его светлость граф Ивьен счел, что это сможет решить ряд затруднений, связанных...

Вальд не слушал. С болезненным хрустом на свои места вставали события и факты. Небесные горы, какими же слепыми оказались они все!.. Ответ все это время был у них перед глазами, а они строили догадки, путаясь в сложных нагромождениях ими же придуманных интриг! Вот почему регент не пожалел отправить в эту поездку лучших бойцов во главе с командиром замковой охраны... Он не собирался ими жертвовать, он только дал им шанс незамеченными добраться до Диона. Разумеется, в Эверре хватает соглядатаев – что у Севеля, что у Аварра, – но все они считают, будто отряд выдвинулся к Закатным горам, и когда спохватятся, Вальд уже будет стоять под стенами Реймы! Но самым нелепым было даже не это... Проклятье, весь двор ломает голову, почему на место Лиара Альвира регент поставил Анхейра Гарта! Проклятье, вот оно все как... Лиар жив, и места его никому не занять. Жив!..

Гарта не сразу понял, что смеется.

– Знаете, Этер, иногда мне кажется, что у его светлости графа Ивьена на самом деле есть изрядное чувство юмора.

Гарта произнес эту крамольную фразу и наконец заставил себя успокоиться. Не случилось последнего альма. За неуместный свой порыв теперь было неловко, а недавняя готовность нарушить приказ показалась дикой и недостойной человека чести.

И только вскользь, самым краешком души Вальд Гарта вдруг ощутил, что ему всегда будет не хватать этого странного и страшного чувства свободы.

Он зашагал обратно к тропе, на ходу стряхивая лесной мусор с расшитых серебром манжет.

– Мы выдвигаемся, – бросил он, обращаясь к старшим командирам. – И приказ у нас новый, мы направляемся в Дион.

Со странным, незнакомым чувством в груди он наблюдал, как меняются лица, и неожиданно для самого себя добавил:

– Похоже, скорая смерть отменяется. Еще поживем, господа.

Анирада Аритен (герцогиня Йора Гаро). Закатные горы

Эрег смотрел почти что со скукой, и Анирада уже не в первый раз ощутила прилив раздражения. Сафир предупреждал, что племена Закатных гор едва ли станут всерьез вести переговоры с женщиной, но выбор был невелик. Никто, кроме нее, наследницы Фениксов, не сумел бы перемещаться с подобной скоростью: там, где всаднику понадобятся недели и месяцы, ей хватало нескольких дней. Дождаться, когда небо станет красно-золотым от рассветных лучей, и, взмыв над облаками, поймать крыльями ветер... Вначале от этого захватывало дух, но теперь полет просто утомлял Анираду. Сколько времени уже она, законная королева, вынуждена мотаться по континенту, как какой-нибудь посыльный?!

И в какие же хлева приходилось соваться... Даже нынешний разговор велся не в парадном зале, а в одном из тоннелей под городом. Эти переговоры Эрег явно старался утаить от собственных людей. Что ж, значит, они оба не гордятся таким союзом... Казалось, запах мокрого известняка успел въестся в кожу – наверху уже не первый час шел ливень, и с потолка местами просачивались струи воды. Ничего. Зато разговор ведется с глазу на глаз, и Эрегу нет нужды строить из себя грозного варвара. Мальчишка держался куда проще, чем при прошлой их встрече, и довольно чисто говорил на общем для континента языке, не коверкал слова здешним говором. Даже одет был почти что на эверранский манер.

– Мне казалось, вы с моим мужем пришли к соглашению, владыка.

Тот равнодушно повел плечом.

– Мы не оговаривали подробностей. Вы много просите. Мой народ не одобряет интриги и хитрости, а вы хотите, чтобы я запятнал себя подобной грязью.

Вскинуть руку, объятую пламенем, и надменный мальчишка, стоящий перед ней, обернется пеплом. Совсем несложно... И боги свидетели, однажды она так и поступит! Жаль, не сегодня.

– Однако и плата будет достойной, – Анирада наконец протянула ему единственный и главный свой козырь – массивную серебряную печать, по которой на манер трещины ветвилась серебряная молния. Герб королевского дома Эльверго.

Скучающее выражение не сошло с лица собеседника, но Анирада видела, как побелели его пальцы, сжавшие кольцо. Он ковырнул ногтем серебряную поверхность и долго разглядывал оставшиеся на пальце следы запекшейся крови.

– Где она? – наконец прошептал горец. – Она жива?!

Что ж, это Анираде понравилось.

– Я выдам вам Альярге Ри`Эльверго сразу после того, как вы выполните свою часть уговора.

Волшебница спокойно выдержала взгляд, полный горячей злобы и недоверия.

– Откуда мне знать, что вы не лжете?

– Ее перстень – весомый аргумент, не так ли? Альярге у меня. И, поверьте, это дорого обошлось мне, я потеряла девять человек.

И снова захотелось испепелить горского правителя одним щелчком пальцев. Как же он смеет?... Взять живой последнюю странствующую действительно оказалось непросто и стоило Анираде изрядных хлопот. Начиная с поисков и заканчивая тем, что Альярге перебила большую часть отряда прежде, чем ее смогли обездвигнуть. А среди выживших многие оказались искалечены. Но дело не в том... Анираде плевать было на убитых наемников – в конце концов, она сама потом избавится от оставшихся! Ни врагам, ни союзникам незачем знать, что будущая королева Эверрана расплатилась с горцами головой Альярге Ри`Эльверго. Не поймут. Это чушь, это суеверия, но многие искренне считают странствующих монархов неприкосновенными, ведь за них поручились боги.

И все равно Анирада не лгала, говоря, что все это далось ей весьма дорого. Она действительно предпочла бы обходить стороной Альярге Ри`Эльверго. Не из-за глупых этих потерь, конечно... Просто та была кусочком совсем другой, давно забытой жизни Анирады Аритен – той, которую волшебница не любила вспоминать.

Прежде, чем получить титул странствующего монарха по законам континента, нужно пройти множество испытаний, проявить себя почти в трех десятках наук и ремесел. В том числе в военном деле, куда без него! Полагалось провести несколько лет в войске союзного государства, но Альярге в тот момент была слишком юной для того, чтобы всерьез думать о войне. Вот и спихнули ее Северу Аритену оруженосцем. Почти пять лет она тенью маячила за спиной эверранского короля, а тот души в ней не чаял. Анираде порой казалось, что он любит ее больше, чем собственную дочь. И уж точно – больше, чем собственную сестру... И демоны с ним, Анирада никогда не ждала от брата ни любви, ни даже признания. Все, что ей было нужно от Севера Аритена – его корона, и видят боги, Анирада получит ее! На остальное плевать.

И все-таки знакомое лицо всколыхнуло трижды ненужные воспоминания, разбередив то, что не стоило тревожить.

– Как ей удалось убить стольких людей? – Эрег подался вперед, в раскосых глазах – странная смесь надежды и тщательно скрываемого страха. Словно и не было той равнодушно-скупающей маски.

– А что вас удивляет? Альярге Ри`Эльверго получила рыцарство еще в шестнадцать лет, она умеет обращаться с оружием. Кроме того, не брезгует седарским зельем.

Действительно, в вещах странствующей нашелся почти пустой флакон из матово-зеленого стекла, и характерный запах был знаком Анираде. Дрянь. Добавляет выносливости, заставляет человека не чувствовать ни усталости, ни боли, обостряет инстинкты... А в довесок медленно сводит с ума при частом использовании.

– И только?

– Вы разочарованы? Могу я узнать, чем?

В самом деле, складывалось впечатление, что Эрег ждал совсем другого ответа. Проклятье, почему вообще он не ограничился убийством, почему требовал именно живую Альярге? Просто чтобы убить самому, смотреть, как в глазах угасает жизнь?.. Не похоже. Мечь, ненависть – Анирада могла понять это как никто другой! Да и были у Эрега все причины для ненависти: горцы обязаны странствующей королеве тавским позором. К тому же, она была рядом с Севером, когда тот перебил всю семью горского владыки. И все-таки что-то здесь было не так...

– Скоро узнаете. Все узнают, – отчеканил Эрег и вдруг настороженно замер.

Сверху, сквозь толщу камня донесся громовой раскат. Анирада отчетливо представила, как чертят ночное небо ветвистые молнии. Показалось, или Эрег изрядно побледнел? Вот уж никогда бы не подумала, что варвары боятся грозы...

– Как угодно, – кивнула волшебница, понимая, что настаивать опасно. Тем более, что выводы она уже сделала. – Так вы готовы выполнить свои обязательства?

– А откуда мне знать, что вы потом выполните свои?

Она склонила голову набок, изучая изъеденное тенями лицо владыки. Надменности и равнодушия на нем все же поубавилось, и это нравилось Анираде.

– А почему нет? – протянула она. – Я не испытываю симпатий к Альярге Ри`Эльверго, поэтому отпускать ее точно не намерена. Ее смерть ничего мне не даст, а держать ее в плену – опасно. Кроме того, мой муж надеется на дальнейший союз с вами. И, владыка... У нас осталось не так много времени, Лиар Альвир будет у вас на пороге через пару дней.

Вновь ударил гром, раскатился по тоннелю. Эрег отступил назад из освещенного факелом пятна, но Анирада успела заметить, что горца бьет дрожь. Впрочем, голос его прозвучал почти спокойно.

– Допустим. И я не могу просто убить его?

О, разве стала бы Анирада идти на все эти неудобства, если бы ей нужна была смерть Лиара Альвира? Да что ей стоило распылить эверранского мальчишку в порошок?! Можно было даже не марать рук, Эрег и сам убил бы его безо всяких соглашений, это было ясно любому. Но этого Анирада не хотела. Стараниями Сэйграна принца уже считают мертвым в Эверре и поминают, как героя. Опять как героя... Человек, погибший от рук ненавистных варваров, защитник Эверрана. Нет, это последнее, что нужно было Анираде.

– Вы правы. Я хочу, чтобы вы подписали с ним договор. Пусть признает, что у Эверрана нет претензий к Белой долине. Во всеуслышание.

– Хотите сказать, что сын Иргана Альвира живым вернется в столицу?

Забавное предположение... Нет, Лиар Альвир и без того пожил лишнего! Но убьет его не Эрег, а свои же подданные. Те, кого он предаст, бросив предгорья на откуп ненавистным варварам.

– Приставьте к нему раба из предгорий, пусть сам выберет. А прежде дайте мне поговорить с этим рабом.

Собеседник скривился.

– Снова ваши лисьи увертки... А если принц выберет не того, кого нужно?

Она улыбнулась. Вот что Анираде нравилось в волчонке, так это предсказуемость. Нужно было только уметь использовать слабости, коих у того было в избытке... В прошлый раз Альвира спас случай, но видит небо, ему не будет везти постоянно.

– Главное, чтобы мы выбрали того, кого нужно.

Эрег молчал, громовые раскаты рвали небо над Каменным городом. И наконец – короткий кивок.

– Будет по-вашему.

Следующие несколько часов разговоров и убеждений смазались в одно сплошное пятно. Может, даже не так... Может, в него слились все последние годы. Когда-то Анирада думала, что с прилетом кометы все переменится, но вышло иначе. Ожидание не заканчивалось, и выносить его становилось все трудней. Та необъятная мощь, что незримо крыльями вздымалась у нее за спиной, пока не могла помочь Анираде. Она, последняя из рода Фениксов, сильнейший маг на всем континенте, должна была размениваться на переговоры с горским мальчишкой, ирейскими лизоблюдами и одни боги знают, кем еще...

Как же давно все это началось?.. Когда она поняла, что корона должна достаться ей, а не Северу? Пятнадцать, шестнадцать лет назад? Может, еще раньше... Почти что два десятка лет бесконечного, непрерывного ожидания. Теперь и не верилось, что когда-то было иначе. А вчерашняя встреча некстати об этом напомнила...

Анирада пришла в заброшенное святилище, где держали пленницу, чтобы забрать гербовый перстень. Альярге – почти покойница, может, и не было ничего дурного в том, чтоб она увидела лицо Анирады... Но волшебница все-таки приняла чужой облик. Предосторожность? Да... А еще ей просто не хотелось услышать недоверчивое, растерянное «Рада?..». По крайней мере так назвал ее Север перед собственной смертью.

Грудь странствующей королевы перехватывали веревки, руки были связаны за спиной. Судя по запаху, ее недавно рвало – последствия сedarского зелья или удара по голове. На разбитых губах запеклась бурая корка. Альярге сидела, уронив на грудь подбородок, показалось даже, что она без сознания, но нет, карие глаза внимательно следили за Анирадой из-под спутанных, окровавленных волос.

Да, если б только Север видел, во что она превратилась... Брат знал Альярге другой – тонкой большезлазой девочкой в массивных доспехах и с мечом в сжатых до белизны пальцах. Интересно, смог бы он с той же нежностью смотреть на нее теперешнюю? На женщину с изуродованным ирамами лицом, с загрубевшими мускулистыми руками, на которых одни

боги знают, сколько запеклось крови?.. На ту, что после его смерти в одночасье отреклась и от него самого, и от всего, за что они вместе сражались. Признала законными новую власть и охоту на колдунов... Смог бы?

Альярге молчала, только продолжала исподлобья смотреть на волшебницу. Изучающе, пристально. Это собственное прошлое смотрело сейчас на Анираду заплывшими от побоев глазами Альярге Ри`Эльверго.

Она обошла пленницу, заставляя себя ступать размеренно, без суеты, и принялась стаскивать гербовую печать Эльверго, дома Грозы. Та словно вросла в мозолистые сильные пальцы, не снималась.

Волшебница не поняла, в какой момент левая рука Альярге метнулась к ее горлу. Проклятье, когда она освободилась?.. К коже прижало крошечное лезвие – обломок, наверно.

– А теперь поговорим, – голос тоже изменился, загрубел, лишился юношеской звонкости. Но интонации знакомые... Еще одна колкая крупница прежней жизни. – Зачем я здесь?

Вести беседы, когда к горлу прижат стальной обломок? Вот уж спасибо. Анираде хватило доли мгновения, чтобы обратиться. Сталь, готовая впитаться в кожу, оплавилась в руках Ри`Эльверго, заставив ту хрипло закричать, но не причинив вреда самой Анираде. Она не обернулась фениксом, просто позволила огню и золоту охватить тело.

Выпрямилась, сделала шаг назад. Странствующая грубо, не по-женски выругалась. Анирада смотрела, как страх зарождается в глубине ее глаз и заполняет их полностью, искажает черты.

– Кто ты?

Анирада покачала головой.

– Неважно. А здесь ты потому, что владыка Эрег пожелал встречи с тобой.

Страх в карих глазах обернулся ужасом. Альярге вскочила на ноги. Бессмысленный, глупый жест. Обожженную руку она держала на отлете, оружия у нее больше не было. А хоть бы и было! Что могла она противопоставить последней из Фениксов?

Анирада шевельнула пальцами, и пленницу отбросило к дальней стене. С иссиня-бледного лица странствующей схлынул даже страх. Мутнеющий взгляд был уставлен куда-то за спину Анираде – будто там стоит кто-то. И почему-то волшебница не решилась обернуться. Кликнула охрану и поднялась по старым раскрошенным ступеням на улицу, под начинающийся ливень.

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Закатные горы

Обломок породы развернулся под подошвой сапога, задел острой кромкой, едва не прорезав толстую свиную кожу. Лиар устало помянул беса и оглянулся на своих спутников: гвардейцы, похоже, чувствовали себя не лучше принца, зато шестеро горцев вовсе не испытывали неудобств. Привыкли к подобным прогулкам, ступали мягко, по-кошачьи. Конвой, эскорт – фениксы разберут... Третий день шли пешком: коней, как и почти весь отряд, и оружие, пришлось оставить внизу, таким было условие. Ну, спасибо, хоть на месте не перерезали, а то ведь могли. Дернулся бы кто из ребят, и все, молись Белогривому!

Тропа тянулась вверх под солидным уклоном, давно остались позади предгорья. Двужильный Лиар и тот уже изрядно взмок. Еще и воздух здесь... пес разберет, что с ним не так, но сколько его ни вдыхай, а все равно выходит мало! Принца не оставляло ощущение, что чем выше они поднимаются, тем сильнее чувствуется удушье. Что-то он читал о подобном, но толком не вспомнить. Эх, Жаворонка б сюда, он бы точно объяснил! И можно было бы, как тогда в степи, почувствовать себя на редкость невежественным, зато бесовски гордым за своего нелучшего спутника.

Лиар подумал об этом и тут же себя одернул. Действительно, вот Рика тут и не хватало! Славная мысль, притащить его на вражескую землю, где за любой косою взгляд или резкое слово, на которые тот мастер, мальчишке загонят под ребра короткий изогнутый клинок. Да что там, Альвир почти не сомневался, что треклятый клинок рано или поздно настигнет весь его отряд!..

Впрочем, что до Жаворонка, тот себе проблемы найдет и в Эверре. И, если честно, эта мысль порядком принца беспокоила. Скверно все вышло: притащил человека в придворный гадюшник, а сам, значит, в горы помирать. Тьфу, гадство.

Дорога наконец вывела на небольшое плато, и Альвир вопросительно глянул на конвойного в светло-серой накидке – здесь чем выше статус, тем светлей одежда. Тот коротко кивнул, давая понять, что можно передохнуть, и принц с облегчением опустился прямо на камни, уставился вдаль. Пока шли, смотреть приходилось все больше на дорогу, не то вмиг обезножишь, так что открывшийся вид оказался для принца внове. Отточенная, бритвенно-острая красота здешних мест наотмашь саданула по глазам. Удивительно, смотришь вниз, а где-то под ногами в складки и трещины породы набились облака.

Впереди, если напрячь глаза, можно было различить уходящие в небо горные пики, присыпанные снегом, – надо же, вот сколько принца жизнь по континенту гоняла, а снег на стыке весны и лета он все равно видел впервые! Где-то там, меж этих вершин, и должна была лежать Белая долина, земля горских племен. Из книг и старых карт Лиар знал, что расположена она в низине, с трех сторон надежно отделенной от всего мира: и самим горцам ее не покинуть, и стороннему человеку не пройти. Только отсюда, с юго-востока, дорога почти открыта – была бы открыта, если б не сложный ландшафт да горская крепость на пути – та, что на эверранских картах именовалась Каменным городом, но местные звали ее иначе – Кхурумальд.

Здешние названия вообще здорово отличались от тех, что приняты были на континенте. Здесь все отличалось. Земля, которую в Эверране когда-то считали своей, дионцы приписывали Адели, а сама Адель вовсе на этот счет предпочитала помалкивать, на деле не имела иных хозяев, кроме Сангола – рогатого бога гор, которому поклоняются местные, и Эрега – нынешнего владыки.

Минуешь Каменный город, и дальше все, считай, путь тебе усыпан розовыми лепестками. Не так уж сложно на первый взгляд. Сколько ж правителей на том погорело!.. Ведь и Эверран когда-то заглядывался на эти земли, и Адель, и Эльверго. А чего б не заглядеться:

белый камень, уголь, медь, самоцветы... Это же не земля – сокровищница! Да здешние варвары и четверти своих богатств не вырабатывают, не умеют попросту. Так, хватают, что у самой поверхности... И то не своими руками, а силами взятых в предгорьях рабов. Сволочи. Да что там, Лиар Нейд и сам охотно возглавил бы поход на Долину, только вот ошибок своих предшественников повторять не хотел. Сколько ж тут положили народу – и маленьких отрядов, вроде того, с которым пришел сам Альвир, и целых армий. Дойти до Белой долины сумел разве что Сивер, и, видит небо, горцы тот день запомнили надолго... Но он, говорят, сам пришел, без армии. С одним лишь оруженосцем.

Горец в светло-серой накидке тронул за плечо и кивнул на дорогу. Ага, вот что значит немногословность.

– Ребята, выступаем! – скомандовал Альвир своим гвардейцам, отчаянно стараясь, чтобы в голос не просочилось разочарование. Он-то надеялся на полноценный привал.

Тропа нырнула под гору, заставляя в очередной раз увериться, что спускаться в таких местах еще сложнее, чем подниматься. Следующие несколько часов все, что видел Альвир – это носки собственных сапог, да срывающиеся вниз мелкие камешки.

В следующий раз передохнуть им довелось только в середине дня, когда дошли до озера, расположенного на тупой, будто ножом срезанной вершине. Альвир дождался, когда один из горцев зачерпнет воды, и только тогда наполнил флягу, а то фениксы же разберут, можно ли отсюда пить. В чужих краях всегда стоит ориентироваться на местных. Вода оказалась чуть сладковатой и настолько холодной, что от нее немедленно заныли зубы.

Хотелось перекинуться парой слов с ребятами из отряда, но под пронзительными взглядами горцев разговоры не клеились, и Альвир снова принялся разглядывать окрестности. Впереди открывался вид на плотину: мощный горный поток устремлялся вниз и, с размаху налетев на досадную помеху, менял направление. Чуть дальше виднелось иссохшее старое русло, обрамленное по берегу остатками давно умершей растительности. Плотина явно делалась не людьми, скорее, это последствия давнего камнепада, но вышла она отличной, грех не использовать. Можно же под кузню или мельницу приспособить... Но никаких строений Альвир не разглядел, разве что неподалеку темнел спуск в шахту – старую, может, осталась еще с гальданских времен, а теперь стоит заброшенная. А дальше, насколько хватало глаз, только камни, камни...

Странное дело, вроде, идут-то они давно, горский форпост должен быть совсем уже близко, но ничего напоминающего крепость впереди видно не было.

– Подскажи, уважаемый, как далеко нам еще до Каменного города? – Лиар подошел к конвойному – или все же проводнику? – в сером. Не то чтоб сильно надеялся на ответ, но отчего бы не попытаться.

Горец поднял на принца раскосые, глубоко посаженные глаза и неохотно сказал:

– Дороги мерить – скверная примета, равнинный. Если будет на то воля Сангола, однажды дойдем. А если нет, то сколько б ни шли, цель ближе не станет.

Принц тряхнул головой, пытаясь осмыслить эту заковыристую мудрость. Незаметно подошел Рей, сказал очень тихо:

– Мы почти на месте. Крепость у той горы за плотинной.

Судя по голосу, дядин соглядатай чувствовал себя неважно и был до крайности измотан дорогой. Альвир вообще-то не хотел тащить немолодого уже мужчину по этим козым тропам, – особенно если учесть, что из всего отряда ему дозволили взять с собой лишь четверых! – но регент же потом всю душу вытрясет. Ну, если его с этим горцы не опередят, конечно...

Лиар хотел уточнить, какого ж тогда рожна крепости не видно, но один из проводников снова поднялся и кивнул на дорогу. Ну и феникс с ней, с крепостью.

Дальше шли вдоль высокого обрывистого берега, и, хоть тропа была довольно широкой, Альвира не оставлял непривычный липкий страх. Вот так споткнешься об очередную булыж-

ник, неловко взмахнешь руками, и вскоре тем, что от тебя останется, охотно отобедают горные грифы. Еще и голова кружится так некстати!.. Неужто он, Лиар, боится высоты? Вот никогда не замечал!

А идти так пришлось долго. Когда смотрел с вершины, казалось, что плотина совсем рядом, но верно оценить расстояние в горах – задача еще та. Не дошли и к сумеркам. Тяжелое темно-красное солнце соскользнуло за дальние пики внезапно – только что было светло, и вот на тебе. Здесь это обычное дело, темнота всегда застает врасплох. Ну это для эверранцев так, местные-то, конечно, понимали, что к чему, и ночлег начинали обустраивать загодя. Только не сегодня. Вопреки ожиданиям, отряд не остановился, а продолжал идти впотьмах, спасибо, хоть факелы горцы запалили. Раз так, значит, до Каменного города, и правда, рукой подать. Хоть это радовало!

Вот только страх сверзиться в отчаянно ревушую реку перестал быть таким уж беспочвенным: факелы – это хорошо, да и ночи в горах ясные, но фениксы заешь!.. Неверный подрагивающий свет – то темно, то хлещет по глазам, так что шарахнуться охота, – скалы, стеной вставшие по левую руку, и ревушая пропасть по правую. Пара неверных шагов, взметнувшийся над дорогой сокол или проклятое головокружение... Дальше можно не продолжать. Горцам-то что, они тут ко всему привычные, каждый камешек знают на ощупь, а вот с гостями случиться могло всякое. Принц мысленно обругал себя паникером, стиснул зубы и ускорил шаг.

Так прошло еще с полчаса, темень, камни и огненные блики сплелись в сплошной коридор. Грохот воды постепенно нарастал и вскоре стал совсем оглушительным, показалось, что вздрагивают обломки под ногами. И тогда конвойный в сером, с трудом перекрикивая гул, приказал остановиться и перестроиться так, чтобы впереди каждого эверранца оказался кто-то из местных. На кой бес эти маневры, принц спросить не успел, потому что стало вовсе не до того: одновременно, не сговариваясь, горцы принялись тушить факелы.

Альвир растерянно выругался и не услышал собственного голоса. Сделал несколько осторожных шагов и почувствовал, как конвойный, идущий сзади, подтолкнул в спину. Да, церемониться с иноземными принцами тут было как-то не принято... Глаза не желали привыкать к темноте, проклятье, да собственных ног было не разглядеть! Но он-то знал, что с одной стороны вздымается скала, а с другой – обрывается берег, и есть только тропа в какой-нибудь агм шириной. Кажется, один из гвардейцев впереди оступился. Лиар дернулся удержать, забыв про собственный страх, но тот, к счастью, выровнялся, молодец. Тьфу, бесы, этак принц к концу пути поседет.

Прошли еще немного. Глаза все-таки потихоньку приспособивались, и вскоре Альвир смог различить впереди ту самую каменную насыпь, в которую с оглушительным ревом врезалась река – отсюда она казалась совсем огромной, видать, внушительное было землетрясение! – и темнеющий справа от нее вход в шахту. Вот только головокружение нарастало.

– Зачем... это все?! Какая-то... проверка? – выкрикнул Альвир, обращаясь к идущему впереди мужчине. Голос был хриплый и будто чужой, наплывал издалека. – Хоть бы факелы оставили!

Впервые он рискнул обратиться к кому-то, кроме того, в сером. Фениксы разберут, зачем вообще глотку драл: во-первых, скорее всего, не услышат, а во-вторых, навряд ли станут отвечать. Эти ребята вообще мало говорили, за четыре дня и десятка фраз не набралось. Даже имен своих не назвали, да и к гостям обращались не иначе как «равнинный». Отдавали команды отрывисто и лаконично, а то и вовсе обходились кивком головы. Но горец неожиданно ответил.

– Нельзя. Здесь живет Сангол, – он ткнул в сторону черного провала заброшенной шахты. – Горе тому, кто потревожит его.

Ни беса Альвир не понял, но расспрашивать дальше не решился. Из-за вершин наконец поднялась увесистая луна, и бледные отсветы легли на воду. Ладно, может, и ничего, дойдут они до этого бесова Кхурумальда...

А потом какая-то возня сзади заставила обернуться, и Лиар сквозь темень и мельтешение серых пятен увидел, что Коннор – один из его гвардейцев – лежит на земле. Альвир рванулся к нему, но горец перехватил за плечо.

– Оставь, равнинный. Он неугоден Санголу.

Принц замер, растеряно глядя на конвойного.

– Что вы с ним сделали?

– Мы? Никто из нас к нему не притрагивался.

Если так, стало быть, Лиар тут не единственный внезапно ощутил себя ирейской дамой, надумавшей хлопнуться в обморок. В чем же дело? С водой в том озере что-то было неладно?.. Вряд ли, времени сколько прошло! Этак, и правда, в Сангола уверуешь!

– Пусти, мне нужно помочь своему спутнику, – он попробовал высвободить плечо. Осторожно, чтобы, не приведи небо, горец не усмотрел враждебности. Наткнулся на безразличие в глубоко посаженных раскосых глазах.

– Ты ему не поможешь. Он оказался слишком слаб, чтобы выдержать близость Сангола.

Лиар стиснул зубы. Убийственная логика дикарей вызвала оторопь. А между тем его человеку нужна была помощь, и фениксы сожри, Лиар должен ее оказать! Остальные гвардейцы не дергались, ждали его реакции, и от этого было совсем паскудно. Коннор слабо зашевелился.

– Послушайте, я... – Лиар замолчал, подавившись воздухом.

Он не сразу понял, что происходит, наверно, просто не ждал, не мог ждать... Высокий рыжий горец подошел к еще толком не пришедшему в себя гвардейцу и, нагнувшись, столкнул его вниз с обрыва.

Лиар не успел бы вмешаться, остальные тоже. А если бы и успели... Шестеро горцев, все при оружии, у двоих луки. Эверранцев теперь четверо, и у них отобрали даже ножи. Какие тут шансы? А если и допустить, что у них бы что-то получилось... Лиар Альвир пришел в Закатные горы не за жизнями этих шестерых варваров, ему нужна встреча с владыкой!.. Он, не дыша, смотрел вниз, туда, где оголтелый речной поток терзал мертвое тело. Принц не мог этого видеть в темноте, это фантазия, обман зрения! И все-таки... Пальцы судорожно сжимали пояс – там, где к нему должны были крепиться ножны. Ненавистная беспомощность раздирала грудную клетку, наизнанку ее выкручивала. Больше всего на свете Лиар желал броситься на рыжеволосого подонка, который вот так запросто отобрал жизнь у беспомощного безоружного человека. Всей душой желал и не мог.

Фениксовы перья, и не поймешь уже, от ненависти темнеет в глазах или от слабости! Альвир с трудом перевел взгляд на замерших эверранцев и понял, что они тоже на грани. Рей держится из последних сил, уже начал крениться вбок. Кто-то из них непременно последует за мертвым сослуживцем, если прямо сейчас они не оставят это жуткое место, где со всех сторон на них в упор глядит Рогатый бог.

Альвир отвернулся и двинулся дальше по тропе. Конвойные не возражали.

– Я говорил тебе, что мерить дороги – скверная привычка, равнинный. Никому не дано знать, когда и где закончится его дорога.

Альвир промолчал. Что ж, вот он и начал расплачиваться за перемирие, которого они пока что даже не заключили. Это так, задаток, даже крохотная его часть... Один медяк в переполненной горсти – монет в ней столько, что они рассыпаются, летят вниз, а беспощадная река с утробным звериным рычанием утаскивает их прочь. И что-то внутри эверранского принца трусливо артачилось, замирало, не давая думать о том, какой окажется конечная цена, если сотая ее доля – это человеческая жизнь и осколок собственной совести. На душе было скверно, словно через тело убитого товарища перешагнул. Да что там, так оно, в сущности, и было.

Впрочем, совесть совестью, а вскоре идти стало легче, даже мутить перестало, – неужто дело и впрямь было в близости варварского святилища? Будто рогатый Сангол взял-таки свою

плату и унялся... Альвир тряхнул головой, отгоняя бестолковую эту мысль. А еще через пару сотен шагов, когда позади осталась плотина, а дорога свернула вслед за старым руслом, Лиар наконец увидел Каменный город. И сразу ясно стало, почему с вершины при свете дня его было не разглядеть. Горская твердыня ничем не напоминала эверрский замок, да и ни один другой не напоминала, она вообще не была похожа на постройку в привычном понимании. Некоторое время Альвир растерянно смотрел, как приближается подсвеченная тепло-желтыми огнями гора, и только потом сообразил... Здесь же кругом белый камень сочетается с более твердыми породами, его размывает водой, выдувает ветром, и горы местами становятся дырявыми, как сыр. Здешние боги создали Кхурумальд почти без помощи людей, те лишь обустроили готовые проходы и полости, кое-где укрепили, кое-где расширили.

Альвир смотрел, как приближаются теплые пятнышки окон и думал, что это, наверно, должно быть завораживающе красиво, никогда ведь он подобного не видел... Но ничего не чувствовал, кроме тупой усталости. Он молча прошел сквозь подобие арки и доплелся до одного из устроенных в камне жилищ, куда их привели горцы. Дождался, пока те уйдут, и, не раздеваясь, упал на лежанку из шкур. В глаза своим гвардейцам принц старался не смотреть. Сознание погасло, будто прогоревшая свечка, и стало темно – ни угрызений, ни кошмаров...

Ренен, младший командир восьмого отряда столичной стражи. Эверран, столица

Сидели прямо в казарме, заняли одну из кладовых, на всякий случай придвинув к двери сундук с наконечниками для арбалетных болтов. Мало ли кого принесет нелегкая. Вообще-то дежурство восьмого отряда кончилось с полчаса назад, а в свободное время пить уж точно не возбраняется, но все же пьянку в казарме начальство могло и не одобрить. Можно было привычно завалиться в таверну за Голубиной канавой, но не хотелось. Там полно ребят из других отрядов, там шумно и, наверное, весело. А хотелось именно так: в тишине при свете пары жировых свечек. Восьмером. Шестеро из них были с покойным принцем под Холмами, еще двое – новички, взятые взамен погибших. Укомплектовать «крыло» полностью у Арвина пока не дошли руки.

Поминали. Да, Ренен из Орила, как и большинство стражников, в гробу видел новую власть, более того, был он сподвижником Ордена... И все равно Лиара Нейда считал человеком достойным – нет, не эверранского престола, но по крайней мере того, чтоб за него выпили. Вспоминали Холмы, свое немыслимое везение, самоубийственные выходки принца... Относиться к тому походу можно было по-разному: все-таки половину отряда к бесам положили! Но ведь и не разберешь, скольких спасли, угомонив вырождков на Южном тракте. Стало быть, не зря совались под стрелы.

– А помните, как он с той каменюки с двух арбалетов отстреливался?..

– А как левой рукой человек пять положил, когда в правую ранили?!.

Обычное дело: по мере того, как пустели кружки, история обрастала все новыми подробностями, высота каменного гребня, на который ухитрился тогда запрыгнуть эверранский принц, с полутора агмов выросла до трех, а количество убитых им разбойников и вовсе достигло каких-то совсем уж невероятных значений. Рен сидел, привалившись к стене, вполуха слушал болтовню сослуживцев, чувствовал легкую грусть пополам с умиротворением и точно знал, что это один из последних таких вечеров. А потом начнется... Смерть Лиара – последняя черта, за которой кончается затишье. Как бы ни был осторожен хранитель, когда кругом зазвонит сталь, оставаться в стороне не получится. Должно бы быть страшно, но две жировые свечи на столе, собранном из чего придется, разгоняли страх, рассеивали. Потом, когда они прогорят, когда разойдутся ребята из его «крыла», десятник обязательно ощутит в полной мере близость надвигающейся войны, но это потом. А сейчас дешевое вино и незатейливый треп делали свое дело.

– Слугу его жалко, – перевел тему Дейн, когда кто-то заговорил о погибших под Холмами ребятах. Он вообще старался избегать таких разговоров. Можно понять: от смерти Тайрена парень нескоро еще оправится, а когда теряешь друзей, хочется думать о них так, будто они живы. Безднадежное это дело, Дейн со временем поймет, но торопить его Рен бы не взялся. – Помните, с нами тогда ездил? Толку от него, правда, не было особого... Слышали, что он в замке отколол вчера? Его ж теперь точно прикончат – не Эльвинар, так Тарем. Те еще, к слову, выродки.

Рен хмыкнул. По правде говоря, слугу покойного принца по имени Рик Жаворонок он охотно прикончил бы и сам. Но история с Эльвинаром его все равно повеселила, чего уж. Он собирался об этом сказать, но тут задергалась дверь – стукнулась о предусмотрительно возведенную баррикаду и, конечно, не открылась.

– Вашу ж мать, кого там демоны пригнали?.. – пробормотал десятник и принялся торопливо прятать выпивку. Кивнул на дверь одному из новичков, пусть открывает.

На пороге нарисовался лично командир эверрской стражи, господин Арвин. Рен знал его несколько лет и уже научился понимать, когда настроение у высокого начальства ни к бесам...

Так вот, сейчас случай был явно тот самый. Проклятье! Попасться на пьянке недовольному командиру – верная дорога к урезанному жалованию, дополнительным дежурствам и прочей дряни. Однако Арвин обвел помещение прищуренными водянистыми глазами, и вид у него сделался почти что виноватый.

– Рен, приятель, на пару слов.

Десятник принялся выбирать из-за нагромождения досок и ящиков, едва не опрокинул наспех спрятанную бутылку альдорской воды. В последнюю секунду поймал. Арвин великодушно сделал вид, что не заметил. Провожаемый сочувственными взглядами, Ренен кое-как добрался до двери и вслед за высоким начальством вышел в коридор, где было прохладно и почти темно. Стоило закрыть за собой дверь, как Арвин выдал без лишних предисловий:

– Походу, начинается.

– Беспорядки? – почему-то шепотом уточнил Рен. Говорить он старался, чуть отвернув лицо, чтоб собеседник не учуял крепкого хмельного духа.

– Пока нет, но к тому идет. Я думал, у нас еще пара дней в запасе, но тут уж, как говорится... – Арвин закончил мысль парой увесистых выражений.

Днем раньше, днем позже... Скверно, страшно, но ожидаемо.

– Ладно, – осторожно кивнул десятник. – А мне вы об этом почему говорите?

Тот привычно вытаращил на подчиненного прозрачно-голубые глаза.

– Ну как же, усиление нужно, людей маловато на улицах. Возьмешь западную окраину от ворот и до Пятой башни. Да не грусти ты, успеешь еще отдохнуть.

Ага, вот как помрешь, так вдосталь и наотдыхаешься!

Парой кружек раньше Ренен, может, и нашел бы в себе силы промолчать, с начальством спорить себе дороже: ни пса не докажешь, еще и отношения испортятся. Но он, хоть и не успел толком набраться, а трезв уже тоже не был.

– Слушайте, при всем уважении... почему как где какая задница, так обязательно я и мое «крыло»? Я полчаса назад смену сдал! У меня трое новичков, один из которых самоуверенный дурень, который еще от болезни не оправился, а другие двое не знают, с какой стороны следует хвататься за меч!

Арвин не рассердился, только брови вздернул насмешливо и снисходительно.

– А нечего после смены в казарме квасить, для этого кабаки есть. Туда бы я за тобой не потащился. Да и не тебе ж одному выпало, я вон и Кару дернул, и Лирана. Вторые так вообще полным составом пойдут.

Уютный вечер в хорошей компании – может, последний в своем роде – летел прямиком в пекло.

– Командир, мы накатили уже. Можете меня за это вздернуть, но как на дежурство-то? – прозвучало безнадежно и почти жалобно.

Собеседник даже говорить ничего не стал, посмотрел только, и Рен уныло потащился обратно в кладовку «радовать» ребят. Арвин окликнул парой мгновений позднее. Подошел, заглянул в лицо, и взгляд его вдруг стал непривычно серьезным.

– И вот что, приятель, вы там оденьтесь... попримочнее. – И, видя, что Рен непонимающе хлопает глазами, пояснил: – Кольчуги возьмите. Только не светите ими особенно – так, под куртку. Мало ли что.

Надо же... Вроде Рен и раньше все понимал, знал, что вот-вот разлетится вдребезги фальшивое затишье. Да что там, он тем ожиданием жил! Но именно после этого «мало ли» его пробрало ознобом. Опьянение схлынуло.

Проклятье, да за все годы службы Рен надевал кольчугу всего несколько раз – в основном на маневры и смотры. Ну, в Холмы, понятно, пришлось принарядиться, но тогда они сунулись на земли озверевшей разбойничьей шайки. А здесь, в его, Рена, городе... Скверное это

чувство, когда понимаешь, что твой собственный дом – никакая уже не крепость, и нигде ты теперь не в безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.